

Кэрри Вон

Китти и Полуночный час

Серия «Китти Норвиль» - книга 1

Перевод: *So-chan*

Коррекция: *So-chan*

Вычитка: *Nikita*

Обложка: *Solitary-angel*

Аннотация

Добрый вечер, Денвер. На связи Китти с «КНОПКИ». Сейчас двенадцать минут первого, и значит пришло время для нашего специального ток-шоу «Полуночный час». Если вы вампир, колдун или оборотень с кучей личных проблем, звоните мне на номер (810130372) **-**-**.

А если вам интересно, чем закончится история молодой девушки-оборотня, решившей в прямом эфире обсуждать проблемы сверхъестественного мира — читайте нашу книгу «Китти и Полуночный час».

Первая — маме и папе.

Спасибо за все штампы.

Выражение признательности

Большое спасибо Пауле Балафас из полицейского управления Уитридж за то, что проверила полицейские детали в книге и стала верным литературным партнёром в преступлении в Колорадском университете.

Спасибо моим соседям по дому: Джо "Максу" Кампанеллу, за радио и понимание музыки, советы, звонкие удары по ладошам и товарищеское плечо; Язу Островский за бета-тестирование и бессмертные слова: «Покормите меня. Вам не понравится увидеть меня голодным».

Спасибо «Оддфеллоуз», «Одиссей Фэнтази», выпускникам программы «Писательский цех», особенно «Голым Белкам» и писательской группе УЭЙКО (Майклу Бэтману, Барри Фиширу, Карен Фишир, Брайану Хиберту и Джеймсу Ван Пелту), большинству из которых пришлось иметь дело с Китти в различных её ипастасиях. Особенно я хотела бы поблагодарить Джин Кавелос за её всегда восторженную поддержку.

Я могу продолжать благодарить людей целые страницы, но позвольте просто перечислить ещё несколько имён: Томасу Сею за головокружительное ожидание. Джорджу Скитарсу, Дарреллу Швейцеру и штату «Виэрд Тэйлз», который дал Китти первый дом. Дэну Хукеру, который позвонил на следующий день после того, как я почти решилась уйти. Хайме Левину за то, что провернул всё таким способом, что превзошёл мои самые смелые ожидания.

И наконец спасибо Робби, моему самому большому поклоннику, и Дебби за шутки.

Кусочек пятой главы выходил в «Виэрд Тэйлз», №324 (лето 2001) под названием «Доктор Китти решит все ваши любовные проблемы».

Кусочек восьмой главы выходил в «Виэрд Тэйлз» №333 (осень 2003) под названием «Китти теряет веру».

Плей-лист

К концу работы над первой книгой «Китти и Полуночный час» я затёрла CD-диски до дыр, которые слушала, пока сочиняла. Вот мой импровизированный трек-лист:

- Creedence Clearwater Revival «Bad Moon Rising»
- Concrete Blonde «Bloodletting»
- Siouxsie and the Banshees «Peek-a-Boo»
- No Doubt «Just a Girl»
- Garbage «When I Grow Up»
- David Bowie «Let's Dance»
- They Might Be Giants «Man, It's So Loud In Here»
- Oingo Boingo «Skin»
- Creedence Clearwater Revival «Long as I Can See the Light»
- The Sisters of Mercy «Lucretia My Reflection»
- Rasputina «Olde Headboard»
- Depeche Mode «Halo»
- The Canadian Brass, Bach's «Sheep May Safely Graze»
- The Clash «Train in Vain»
- Peter Murphy «I'll Fall With Your Knife»

Глава 1

Я бросила рюкзак в угол студии и хлопнула Родни по ладони.

— Эй, Китти, ещё раз спасибо, что взяла полуночную смену, — поблагодарил он и включил грандж-группу третьего поколения¹, от которой у меня шерсть на загривке встала дыбом, но я всё равно улыбнулась.

— Я только за.

— Я заметил. Раньше ты не любила ночную смену.

Он прав. Свой я стала лишь несколько месяцев назад.

— Всё течёт, всё меняется, — пожала я плечами.

— Ну, не скучай.

Наконец я заняла своё место, приглушила свет — шкалы и переключатели пульта замерцали футуристично зловещим светом — и убрала светлые волосы в "конский хвост". На мне были джинсы и безразмерная толстовка, которой слишком часто довелось крутиться в стиральной машинке. Один из плюсов работы в ночную смену на радиостанции — не нужно не для кого наряжаться.

Я надела наушники и откинулась на спинку стула со скрипучими колёсиками и порванной обивкой. Как только смогу, включу свою музыку. «Баухаус» прямо за «Погс»². Это встряхнёт народ. Работать диджеем означало быть богом. Я управляю радиоволнами. Работать диджеем на альтернативной общественной радиостанции? Означает быть богом с особой миссией. Ты словно первый человек, открывший «Клэш»³, и должен

¹ Грандж или гранж (дословный перевод — мусор, грязь) — направление в рок-музыке, ставшее одним из наиболее заметных явлений альтернативного рока конца 1980-х — середины 1990-х гг. Характерными элементами и обобщающими признаками музыки грандж являются: тяжелое и «грязное» звучание, подчеркнутая серьезность и меланхоличное настроение, интроспективная, описывающая внутренний мир человека лирика. О грандже часто говорят, как о депрессивном направлении. К самым известным грандж-группам относят «Нирвана», «Элис ин чейнз» (Alice In Chains), «Мадхани» (Mudhoney), «Скриминг Триз» (Screaming Trees) и др.

² Bauhaus («Баухаус» - название в честь немецкого архитектурного стиля) — британская рок-группа, образованная в 1978 году в Нортгемптоне. Большинство критиков признают музыкантов одними из основателей и наиболее ярких представителей готик-рока.

The Pogues — англо-ирландская фолк-панк-группа, образованная в 1982 году в Лондоне Шейном Макгованом и ставшая известной во второй половине 1980-х годов. The Pogues, продемонстрировал «что дух панк-рока может жить и в ирландской народной музыке».

³ «Клэш» — музыкальная группа, образованная в 1976 году в Лондоне под влиянием музыки и имиджа панк-рок-группы Sex Pistols. The Clash являются одной из первых и наиболее известных групп-исполнителей

распространить слово божье по всему свету.

К настоящему моменту мои иллюзии об истинной силе радио-диджея почти развеялись. Я начинала со студенческой радиостанции, окончила колледж несколько лет назад, а после стажировки получила работу в КНОПКЕ. Может быть, в моей черепной коробке и топчутся множество философских принципов, высоких идеалов и мнений, которых мне не терпится озвучить, но за пределами кампуса любовь к мудрости никого не волнует. Мир оказался огромен, а я брошена на произвол судьбы. Разве колледж не должен был решить эту проблему?

Я включила микрофон.

— Добрый вечер, Денвер. На связи Китти с КНОПКИ. Сейчас двенадцать минут первого, я умираю со скуки и значит буду кормить вас бессодержательным трёпом, пока кто-нибудь ни позвонит и ни закажет песенку, записанную ранее девяностых. У меня тут с собой новый выпуск «Ворлд Вайд». Захватила, пока покупала замороженное буррито на ужин. Заголовок гласит: «Мальчик — летучая мышь⁴ напал на женский монастырь». Похоже это уже десятое нападение мальчика — летучей мыши в этом году. Паренёк-то стал известным... интересно, сколько ещё про него будут кропать статейки? Пока ему не исполнится пятьдесят? Раз, по крайней мере, героический штат «Ворлд Вайд» лицезрел этого мальчика, то, наверное, кто-нибудь ещё его видел. Кто-нибудь из вас видел мальчика — летучая мышь? Я хочу послушать ваши истории. Линия свободна.

Удивительно, но на студию сразу же позвонили. Мне даже не пришлось упрашивать.

— Алло!

— М-м-м, алло, чуваха. Хай. М-м-м, ты не могла бы поставить «Перл Джем»⁵?

— Что я вам говорила? Вы меня слышали? Ничего позднее восемьдесят девятого.

До свидания.

Ещё один звонок в очереди. Двойная удача.

— Приветик.

— Вы верите в вампиров?

Я пришла в замешательство. Любой другой диджей без раздумий выдал бы залпом

панк-рока. Несмотря на большую популярность, которую коллектив обрёл на панк-сцене, он также экспериментировал с различными музыкальными стилями от регги до хип-хопа.

⁴ Вымышленный персонаж таблоидов, «родился» в 1992 году на страницах газеты «Викили Ворлд Ньюс». Изначально сюжеты с мальчиком-летучая мышь позиционировались как правда. Сейчас данный герой стал символом американской поп-культуры.

⁵ «Перл Джем» - одна из четырех главных грандж групп, пользовавшегося большой популярностью в первой половине 90-х годов XX века. Группа выпускает альбомы по сегодняшний день.

бойкий ответ — просто ещё один полуночник-чудак ищет внимание. Но мне-то лучше знать.

— Если я скажу «да», вы расскажете хорошую историю?

— Так вы верите? — звонил мужчина со звонким уверенным голосом.

Я добавила улыбку в свой голос.

— Да.

— По-моему, статьи о мальчике-мыши — всего лишь уловка. А для чего ещё нужны все эти бульварные истории и такие сериалы как «Неизведанный Мир»?

— Да?

— Все воспринимают их как шутки. Слишком оторванные от реальности, слишком сумасшедшие. Бессмысленный хлам. И если все думают, что это шутка, а они на самом деле существует — никто ведь не поверит.

— Вы хотите сказать, что они прячутся у всех на виду? Просто говорите о странных сверхъестественных вещах, пока они не будут выглядеть нелепо, и вы отвлечёте внимание от истины.

— Да, вот именно.

— Так кто именно скрывает? И что?

— Их. Вампиры. Они скрывают, ну, э-м-м... всё. Вампиров, оборотней, волшебство, круги на полях...

— Не гони коней, Ван Хесинг.

— Не называй меня так!

Кажется, он по-настоящему рассердился.

— Почему нет?

— Я... не такой как он. Он был убийцей.

Волосы на моих руках встали дыбом. Я наклонилась к микрофону.

— И кто ты?

Собеседник выдохнул, и вздох эхом прошёлся по телефонной линии.

— Не важно. Я звоню по поводу таблоидов.

— Да-да, по поводу мальчика — летучая мышь. Так ты думаешь, он вампир?

— Возможно, не знаю. Но прежде, чем вы отмахнётесь от моих слов, подумайте, а вдруг они действительно существуют.

А мне и не нужно. Я уже знаю.

— Спасибо за совет.

Парень повесил трубку.

— Какой интригующий звонок, — задумчиво сказала я, почти забыв, что нахожусь в эфире.

Мир, о котором он говорил — вампиры, оборотни, невидимые монстры — скрыт даже для людей, которые по неосторожности нашли туда дорогу. Люди случайно в него попадают, и им остаётся либо тонуть, либо выплыть. Обычно тонут. Но став частью иного мира, ты не будешь особо трепаться об этом с чужаками, потому что, ну, кто тебе поверит?

Но ведь на самом деле мы о нём не говорили?

Это ночное радио. Это шутка.

Я расправила плечи и привела в порядок мысли.

— Итак, перед нами открывается столько возможностей. Мне хочется узнать — у звонящего просто сдвиг по фазе? Или на той стороне действительно что-то существует? У вас есть истории о том, что якобы не существует? Звоните.

Я поставила «Конкрет Блонд»⁶ и стала ждать.

Лампочка на телефоне вспыхнула быстрее, чем заиграл первый басовый аккорд. Не знаю, хотела ли я, чтобы кто-нибудь позвонил. Если я продолжу отпускать остроты, то смогу притвориться, что все нормально.

Я подняла трубку.

— Оставайтесь, пожалуйста, на линии, — сказала я и подождала, пока закончится песня.

Я сделала несколько глубоких вздохов, полунадеясь, что возможно звонящий просто хочет послушать «Перл Джем».

— Отлично. Китти на связи.

— Привет... думаю, я понимаю, о чём говорил тот парень. Знаете, говорят, что волки в округе вымерли более пятидесяти лет назад? Так вот, у моих предков домик в Недерленде, и, клянусь, по ночам я слышу волчий вой. Каждое лето. Однажды я позвонила в дикую природу, но мне сказали стандартную отмазку. Типа они вымерли. Но я им не верю.

⁶ «Конкрет Блонд» - калифорнийская группа альтернативного рока. Вела активную деятельность с 1982 по 1995, 2001-2004 и снова возродилась в 2010.

— А ты уверена, что это волки? Может, это были койоты.

Я пыталась моделировать нормальное поведение. Играла роль скептика. Но я была в тех лесах и знала, что девушка права. Ну, наполовину права.

— Я знаю, как воют койоты, и было совсем непохоже. Возможно... возможно... это что-то ещё. Оборотни или типа того, понимаете?

— Ты когда-нибудь их видела?

— Нет. Я боюсь пойти туда ночью.

— Оно и к лучшему. Спасибо за звонок.

Как только я повесила трубку, поступил следующий вызов.

— Алло?

— Привет... Вы думаете тот парень настоящий вампир?

— Не знаю. А что думаете вы?

— Возможно. Я хочу сказать, м-м-м, я часто хожу в ночные клубы, и иногда там появляются такие личности... они просто не подходят этому месту. Знаете, они слишком круты. Так пугающе круты, что им место в Голливуде и других подобных местах. И что, чёрт возьми, они здесь делают...

— Продуктами затовариваются?

— Да, точно!

— Воображение — замечательная штука. А у меня на линии ещё один звонок... привет?

— Привет. Я вот что хочу сказать... если бы вампиры действительно существовали, вы не думаете, что их бы уже раскрыли? Тела в переулке с отметинами от зубов...

— Если отчёты коронёра утаивают истинную причину смерти...

Звонки продолжали приходить.

«Аллергия на чеснок ещё не означает...»

«Но кровь в любом случае...»

«Если оборотень укусит беременную, то что произойдёт с ребёнком, когда она обратится? Он превратится в волчонка?»

«Ошейники от блох. И прививки от бешенства. Оборотням ведь нужны прививки от бешенства?»

А затем раздался Звонок, и все изменилось.

Я поддерживала разговор да отшучивалась. Оставляя потусторонний мир нереальным. Пыталась быть нормальной всеми силами. Упорно старалась удержать мою настоящую жизнь — мою дневную работу, так сказать — подальше от остальных. Я пыталась не дать им проскользнуть в потусторонний мир, в котором всё ещё не научилась жить как следует.

Однако, кажется, я проигрывала битву.

— Привет, Китти. — Голос мужчины звучал устало, безжизненно. — Я вампир. Я знаю, что вы верите в меня.

Моя вера звучала в голосе всю ночь. Должно быть, именно поэтому он мне позвонил.

— Да, — ответила я.

— Можно... можно поговорить с вами кое о чём?

— Конечно.

— Я вампир. На меня напали и обратили против моей воли приблизительно пять лет назад. Я... по крайней мере, раньше... был набожным католиком. Это было нереально... тяжело. Все эти шутки о крови и причастии... я больше не могу пойти в церковь. Не могу пойти на мессу. И я не могу наложить на себя руки, потому что это неправильно. Католическая доктрина учит, что моя душа потеряна, что я пятно позора божьего творения. Но Китти... я не чувствую ничего подобного. То что моё сердце перестало биться, ещё не означает, что я потерял свою душу, ведь так?

Я не министр, не психолог, а специалист по английскому языку, чёрт подери. У меня нет квалификации давать советы в духовной жизни. Но моё сердце откликнулось на его зов, потому что он казался таким грустным. Что ж, всегда можно попробовать.

— Вы не можете пойти к своему священнику, чтобы обсудить данный вопрос?

— Нет, — произнёс он слегка хихикая.

— Вот. А вы читали «Потерянный рай»?

— М-м-м, нет.

— Конечно, нет, его больше никто не читает. «Потерянный рай» — великая эпическая поэма Мильтона о войне на небесах, восстании ангелов, падении Люцифера и изгнании Адама и Евы из Эдема. Между прочим, некоторые полагают, что именно в это время и появились первые вампиры и ликантропы — как знак осмеяние Сатаны величайших созданий Бога. Однако речь не об этом. Как бы то ни было, в первых главах поэмы главным героем выступает Сатана. Он произносит длинные монологи, делится

своими мыслями, терзаниями души. Он размышляет, не отомстить ли Богу за своё изгнание из Рая. Читая это произведение, ты понимаешь, что самый большой грех Сатаны, его величайшая ошибка — не гордыня или восстание против Небес. Его самая большая ошибка — это вера в то, что Бог не простит его, даже если он попросит прощение. Его грех не гордыня, а самобичевание. Я думаю, что в какой-то степени у каждого, человек он или вампир, есть выбор: проклинать судьбу или бороться с нею, бороться за лучшую долю, несмотря на обстоятельства. Верите ли вы в Бога понимающего и всепрощающего или мстительного? Все сводится к тому, какими вы видите отношения между собой и Богом, а это вы должны решить сами для себя.

— Это... прекрасные слова. Спасибо. Спасибо, что поговорили со мной.

— Всегда пожалуйста.

Моя смена закончилась в четыре часа утра. Я не поехала домой спать, даже притом что меня шатало. На все эти разговоры ушло много душевных сил. После ночной смены я всегда пью кофе с Ти Джейем в закусочной вниз по улице. Он будет ждать меня.

Друга не оказалось на месте, но я все равно заказала кофе. Вскоре явился Ти Джей и тоже заказал кружечку. Стульяясь в поношенном пальто и прочёсывая глазами каждого посетителя кафе, он не обращал на меня внимания, пока не скользнул в кабину.

— Эй, Китти, — бодро отчеканил он, сигнализируя официантке принести чашку кофе. За окном, бледнея первыми лучами солнца, серело небо. — Как проходит обращение?

— Ты не слышал? — Я попыталась не казаться разочарованной, но надеялась поговорить с ним об этом.

— Нет, прости. Я не в курсе.

Я закрыла глаза и сделала глубокий, успокаивающий вдох. Животный жир, сигаретный дым, неприятный запах изо рта и уставшие нервы. Мои чувства приняли все это, каждый из слабейших ароматов. Но сильнее всего, прямо через кабину от меня, ноздри щекотал земляной запах леса, влажного ночного воздуха и меха. От неуловимого аромата крови у меня волосы встали дыбом.

— Ты бегал. Ты превращался в волка, — нахмурилась я. Ти Джей отвёл глаза, виновато потупив взгляд. — Блин, если ты продолжишь так себя вести, то забудешь свою...

— Я знаю, знаю. Только полдороги. Просто... это такое прекрасное чувство.

Его взгляд стал отдалённым, пустым. Часть его всё ещё находилась в том лесу, свободно бегая в теле волка.

Обращаться мы обязаны только в ночь полнолуния. Но мы можем перекидываться всякий раз, когда захотим. Некоторые делают это постоянно, почти все время. И чем больше они так поступают, тем меньше в них остаётся от человека. Они сбиваются в стаи совсем как люди, живут вместе, меняют форму и вместе охотятся, пресекая все связи с человеческим миром. Чем больше они обращаются, тем тяжелее им этого не делать.

— Пойдём со мной в следующий раз. Завтра.

— Полнолуния ещё неделю не будет, — ответила я. — Я отчаянно пытаюсь примирить свои личины. Мне нравится быть человеком.

Ти Джей отвёл взгляд, постукивая вилкой по столу.

— Значит, ты так и не порвала с этой жизнью.

— Со мной всё в порядке.

Последнюю пару лет после нападения, которое меня изменило, я хвалила себя за то, что не потеряла рассудок. Или то, что старалась не быть разорванной на куски другими оборотнями, которые видели в симпатичной молодой девушке, как я, лёгкую добычу. А ещё я поддерживала подобие нормальной человеческой жизни.

Хотя какая там особо человеческая жизнь, учитывая все обстоятельства. У меня быстро устаревший диплом бакалавра Колорадского университета, захудалая однокомнатная квартира, никудышная работа, зарплата, которой едва хватает на оплату аренды, и ноль перспектив. Иногда возможность убежать в лес и никогда не возвращаться кажется такой заманчивой.

Три месяца назад я пропустила вечеринку по случаю дня рождения матери, потому что она совпала с полнолунием. Я не могла быть там, улыбаться и болтать в пригородном домике своей родни в Ороре, в то время как моя волчья половина вырывается на свободу, выгрызая последние крупицы самообладания. Я придумала какое-то оправдание, и мама сказала, что все понимает. Но как показывала практика в споре между двумя личинами, обычно выигрывал волк. Так что поддерживать энтузиазм по поводу человеческой жизни тяжело. Даже бесполезно. Я сплю днём, ночью работаю и все больше думаю о тех временах, когда буду бегать волчицей в лесах вместе с остальной стаей. Я уже на грани продать одну семью на другую.

Я вернулась домой, отоспалась и вечером вернулась на КНОПКУ. Оззи,

администратор станции и немолодой хиппи, убирающий свои реденькие волосёнки в «конский хвост», вручил мне стопку бумаг. Телефонные сообщения, все до единого.

— Что это?

— Это я должен у тебя спросить. Что, чёрт возьми, произошло в твою вчерашнюю смену? Нам весь день приходят звонки. Линия была занята всю ночь. А сообщения... шесть человек утверждали, что они вампиры, двое говорили, что оборотни, а один хотел знать, можешь ли ты порекомендовать хорошего экзорциста.

— Серьёзно? — спросила я, сортируя сообщения.

— Да. Серьёзно. Но, что я действительно хочу знать...

Он выдержал паузу, и я попыталась взвесить как много у меня проблем. По контракту я веду ночное музыкальное шоу, где «Велвет Андерграунд» сменяет Эллу Фицджеральд⁷. Если вспомнить, то я ведь проболтала всю ночь? Превратила музыкальную передачу в ток-шоу. Кажется, я потеряю работу и не думаю, что у меня будет стимул найти другую. Я смогу сбежать в лес и отаться во власть волка.

И тут Оззи произнёс:

— Чтобы ты там ни творила вчера ночью — ты не могла бы это повторить?

Глава 2

Второй выпуск шоу, получившего название «Полуночный час» (для меня та удивительная ночь навсегда останется первым эпизодом), вышел неделю спустя. Это дало мне время провести исследование. Я просмотрела полдюжины статей, опубликованных в альтернативных медицинских журналах и одну государственную научно-исследовательскую работу удивительно высокого уровня, своего рода медицинский проект «Синяя книга»⁸. Это было исследование парастатической биологии, спонсируемое Национальными институтами здравоохранения (НИЗ) и Центрами по

⁷ «Велвет Андерграунд» — американская рок-группа 1960-х и 1970-х годов, стоявшая у истоков альтернативной музыки. Velvet Underground были одной из первых групп, экспериментировавших в авангардном направлении. Сложный и экспериментальный звук, как и реалистичные тексты Лу Рида, повлиял на развитие панка, нойз-рока и альтернативного рока. Медитативность, тягучесть композиций первого альбома группы повлияла на становление пост-панка.

Джейн Хиллз (25 апреля 1917, Ньюпорт-Ньюс, Виргиния — 15 июня 1996, Беверли-Хиллз, Калифорния) — американская джазовая певица, известная также как «первая леди джаза» и «первая леди песен».

⁸ Проект «Синяя книга» — один из серий проектов систематических исследований поступающих сообщений неопознанных летающих объектов (НЛО), проводившихся BBC США в середине XX века. Начавшись в 1952 году, он представлял собой вторую волну таких исследований. Распоряжение о прекращении исследований поступило в декабре 1969 года, и вся деятельность под эгидой проекта прекратилась в январе 1970 года.

контролю и профилактике заболеваний (ЦКЗ). Учёные попытались зафиксировать эмпирическое доказательство существования таких созданий, как вампиры, ликантропы и т.д. Исследователи не просто нашли доказательства, они задокументировали их: фотографии, диаграммы, истории болезни, статистика – и пришли к заключению, что эти явления недостаточно широко распространены и не смогут заинтересовать правительство.

Документация меня не поразила: всё это я уже видела прежде в той или иной форме. Меня удивило, что кто-то из тайного мира принял участие в этом исследовании. Как учёные получали испытуемых? В докладе мало что сообщалось о подопытных. По-видимому, к ним отнеслись как к доступным лабораторным крысам. Это подняло целый ряд вопросов, которые можно было обсудить в эфире.

Если собрать всю информацию вместе, то выходит, что, по крайней мере, часть медицинского сообщества признаёт существование таких людей как я. Я начала шоу, изложив все данные, и открыла линию для звонков.

«Это правительственный заговор...»

«...Сенатом управляют кровососущие злодеи!»

«Это не означает, что они на самом деле вампиры, но всё же...»

«Так, когда они собирались опубликовать...»

«... медицинские школы проводят секретные программы...»

«Общественность готова...»

«...в более просвещённое время, конечно, нас бы не стали выслеживать как животных...»

«Включат ли жертв ликантропии в закон о защите граждан с ограниченными возможностями?»

Пролетело время. Спустя неделю мы со слушателями обсуждали, кто из исторических фигур в тайне мог быть вампиром или оборотнем. Мой фаворит,

предложенный одним смелым гостем — генерал Уильям Т. Шерман⁹. Я просмотрела о нём информацию, увидела фото и знаете, весьма вероятно, что он был оборотнем. Все остальные генералы гражданской войны как истинные пуритане застёгивали воротнички и стригли бороды, а вот у Шермана был открытый воротник, потрёпанные волосы, небольшая щетина и взгляд из разряда «да пошёл ты». О, да. Неделю спустя я получила с полдюжины вопросов как сказать своей семье, что ты вампир или оборотень. На это у меня самой нет хорошего ответа — я так и не призналась семье кем стала. Для них одна работа радио-диджея уже дикость.

Летели дни и недели.

Я выпускала шоу уже два месяца, как Оззи позвонил мне домой.

— Китти, приезжай.

— Зачем?

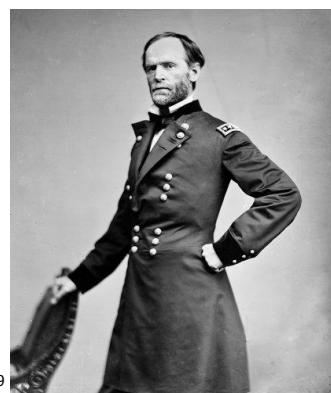
— Просто приезжай.

Я обдумала полдюжины сценариев кошмара. Мне предъявляли иск за сказанное в эфире. Баптистская церковь объявила бойкот. Хотя вот это ещё можно провернуть в свою пользу. Свобода слова и все такое. Или шоу подтолкнуло кого-то на самоубийство или убийство.

Поездка на автобусе заняла полчаса. Я не успела принять душ, и настроение было уже некуда. Чтобы Оззи ни собирался мне сказать, я просто хотела покончить со всем поскорее.

Дверь в кабинет оказалась открыта. Я засунула руки в карманы пальто и ссутулившись вошла внутрь.

— Оззи?

9 Уильям Текумсе Шерман, (8 февраля 1820 — 14 февраля 1891) — американский политик, военный и писатель. Прославился как один из наиболее талантливых генералов Гражданской войны 1861—1865 гг., где он воевал на стороне Севера. В то же время приобрёл печальную славу за свою тактику «выжженной земли».

Он не оторвал глаз от разбросанных по столу груды бумаг, книг и газет.

В углу тихонько шумело радио. Конечно же, наша волна — новости.

— Заходи и закрой дверь.

Я подчинилась.

— В чём проблема?

Оззи поднял голову.

— Проблема? Никакой проблемы. Вот, взгляни на это.

Он протянул мне стопку бумаг.

Сплошной текст с юридическими терминами. Контракты. Я увидела только одно слово, и перед моими глазами все поплыло.

Синдицированная сделка¹⁰.

Я снова посмотрела на Оззи. Он чинно сидел на своём рабочем месте, положив руки на стол, и улыбался, точно кошка, которая только что съела очень жирную канарейку.

— Что думаешь? Мне позвонили с дюжины радиостанций. Все хотят заполучить твоё шоу. Меня берут в качестве продюсера. Ты получишь повышение с каждым новым рынком. По рукам?

Вот это куш. Шоу станет национальным, по крайней мере, в ограниченном масштабе. Я попыталась прочитать договор. *Лос-Анджелес*. Меня хотят видеть в Лос-Анджелесе? Это... невероятно. Я сидела напротив стола и хихикала. Ничего себе! Ничего себе, ничего себе, ничего себе, ничего себе! Как же я это проверну. Новый формат потребует ответственности и обязательности — а я бегу от этого как от чумы с тех пор... как я начала болтаться с такими людьми как Ти Джей.

Но если я откажусь, кто-нибудь из радио-сообщества украдёт мою идею. А, чёрт возьми, это моё детище.

Я дала ответ:

— Мне нужен личный веб-сайт.

Той ночью я съездила в Арваду, к хижине Ти Джая, которую он арендовал за автогаражом. У Ти Джая не было постоянной работы. Он ремонтировал мотоциклы за плату и большую часть времени с трудом терпел человеческий мир. Пару раз в неделю я

¹⁰ Означает продажу радиопрограммы нескольким радиостанциям для одновременного транслирования

приезжала к нему на ужин. Он хорошо готовил. Но важнее всего, что он не осуждал любовь к едва прожаренному стейку.

Казалось, я знаю Ти Джая уже целую вечность. Когда я ещё была новичком, он выручал меня чаще, чем кто-либо другой в местной стае. Он стал мне другом, и он не хулиган – множество людей используют свою звериную натуру как оправдание ужасному поведению. С Ти Джаем мне комфортнее, чем с кем-либо ещё. С ним не нужно притворяться человеком.

Я нашла его в сарае на улице. Он работал над своим байком, пятнадцатилетней «Ямахой», его гордостью и радостью, требующей постоянного ухода.

Ти Джей бросил гаечный ключ в ящик с инструментами и встал, чтобы обнять меня, совершенно не волнуясь по поводу пятен от смазки.

— Ты счастлива, — сказал он. — Просто светишься изнутри.

— Моё шоу синдицируют. Его будут транслировать в Лос-Анджелесе. Ты можешь в это поверить? Меня синдицировали!

Он улыбнулся.

— Рад за тебя.

— Я хочу это отпраздновать. Хочу оттянуться. Я знаю одно местечко. Вампиры там не тусуются. Пойдёшь со мной?

— Я думал, ты не любишь клубы и вечеринки. Тебе же не нравится, когда мы гуляем с Карлом и стаем.

Карл был вожаком нашей стаи, богом и отцом в одном флаконе. Он клей, скрепивший местных оборотней. Он защищал нас, и мы хранили ему верность. Карл выходил в свет вместе со стаей только чтобы отметить территорию, образно говоря. Похвастаться удачью перед местным кланом вампиров. Устроить словесные разборки и драку за господство.

— С ними скучно, а я хочу повеселиться.

— Ты знаешь, что должна попросить у Карла разрешение на выход в город.

Я нахмурилась.

— Он запретит.

Стая волков — это демонстрация силы. Одиночки или пары уязвимы. Но я хотела, чтобы это был мой праздник, человеческий праздник, а не волчий.

Однако, когда ты часть стаи, тебе нужен друг за спиной, и мне неуютно идти одной. Я нуждалась в Ти Джее. И, возможно, Ти Джей нуждался в Карле.

Я попробовала ещё раз, бесстыдно умоляя, но что поделать, у меня нет ни капли гордости.

— Ну же, пойдём! Что может произойти? Всего на пару часиков. Пожалуйста!

Ти Джей поднял тряпку с руля и вытер ладони. Он ухмыльнулся мне как снисходительный старший брат. Если бы я сейчас находилась в волчьем обличье, то мой хвост завилял бы от надежды.

— Хорошо. Я пойду с тобой. Только на пару часов.

Я вздохнула от облегчения.

Клуб «Провод под напряжением» располагался в дальней части старенького склада на краю Лодо¹¹. Это всего в нескольких кварталах от стадиона «Курс Филд», где пробуждается исторический центр города. Никакой кричащей вывески. Вход (раздвижная дверь гаражного типа, которая раньше была частью погрузочной платформы) за углом от главной улицы. Балки и вентиляция не скрыты, а специально выставлены напоказ. Из динамиков льётся техно и индастриал. Грохоча об стены, музыка слышна снаружи как вибрация, и это служит единственным признаком того, что здание не пустует. Вампирам нравилось собираться в местах с помпезным фасадом — в модных, роскошных местах, где собирались модные, роскошные люди, на которых кровососы могли произвести впечатление и обольстить своим чрезмерным чувством стиля.

Мне не пришлось наряжаться. На мне были поношенные выцветшие джинсы и чёрный топик, а волосы заплетены в две косички.

Я планировала танцевать до упаду.

К сожалению, Ти Джей возомнил себя моим телохранителем. Его лицо было достаточно расслаблено, и он шёл, засунув руки в карманы жакета, словно ни в чём не бывало, но взгляд внимательно изучал всё вокруг, а ноздри раздувались, вдыхая запахи.

— Вот он, — сказала я, ведя друга к двери клуба. Ти Джей обошёл меня, чтобы первым войти внутрь.

Всегда было — и будет — что стоит мне зайти в переполненную комнату, как часть меня немедленно думает: «овцы». Добыча. Сто тел, прижатых друг к другу, молодые сердца бьются, гоняя горячую кровь по жилам. Я сжала кулаки. Я могу разорвать любого из присутствующих. *Могу*. Пришлось сделать глубокой вдох и отогнать навязчивую идею.

¹¹ Лодо, Lodo (от lower downtown) – это исторический (и развлекательный) центр Денвера. Дословно, означает даунтаун (downtown) в низине (lower). Отсюда и сокращение Лодо.

Я учゅяла пот, духи, алкоголь, сигареты и более тёмные запахи: кто-то поблизости недавно кололся героином. Я чувствовала колебания в сердцебиении наркомана, обоняла яд на его коже. Если бы я сконцентрировалась, то расслышала бы отдельные разговоры у барной стойки, в десять шагов от меня. Музыка ощущалась через обувь. Играли «Систерс оф мерси».

— Я на танцпол, — сказала я Ти Джено, который все ещё осматривал зал.

— Пойду, проверю милых мальчиков в углу.

Он кивнул на парочку болтающих парней в обтягивающих кожаных джинсах.

Мне, конечно, жалко Ти Джэя. Но ведь самые симпатичные, самые смазливые парни всегда геи?

Я была радио-диджеем дольше, чем оборотнем и всегда любила танцевать, потея под ритм музыки. Я присоединилась к прессу тел, дрыгающихся на танцполе, не как монстр с мыслями о резне, но как «я». Я не танцевала в клубах после нападения, которое превратило меня в то, что я есть. В общем, несколько лет. С толчёй иногда трудно справиться. Но когда музыка громка и ты всего лишь незнакомка в толпе, волнения и заботы исчезают, и ты начинаешь жить настоящим моментом.

Я закрыла глаза, позволяя музыке увести себя, ощущала каждое тело вокруг, каждое биение сердца. Я приняла все это, и меня переполнила радость.

И вдруг посреди пота и жарких тел я учゅяла нечто холодное. Тёмная точка прорезала толпу, словно судно воду, и люди — тёплые, живые организмы — расходились, как волны.

Оборотни, даже в человеческой форме, сохраняют некоторые способности своих альтер эго. Обоняние, обострённый слух, сила, проворство. По одному только запаху мы можем распознать любого человека в комнате, даже в толпе.

Прежде, чем я успела повернуться и убежать, вампир встал передо мной, блокируя путь к отступлению. Я попыталась обойти его, но он не пропустил меня, двигаясь быстро и изящно, без всяких усилий.

Противник довёл меня до паники, и моё дыхание участилось.

Он принадлежал местному клану вампиров, я знала его. Он выглядел молодым и дерзким: красная шёлковая рубашка с расстёгнутым воротником, самоуверенная ухмылка.

Кровосос слегка раскрыл губы и показал кончики клыков.

— Убирайтесь отсюда.

Поджарый и дикий, он напоминал безумца, героя фильма «Заводной апельсин»¹².

Я обернулась, ища взглядом Ти Джая. Ещё два мертвеца, безупречно одетых в шёлковые рубашки и скроенных на заказ слаксы, заблокировали его в углу. Кулаки Ти Джая были сжаты. Он поймал мой взгляд и угрожающе стиснул зубы. Я должна верить ему, он вытащит меня отсюда, но он стоял слишком далеко, чтобы помочь.

— Я думала вам, ребята, не нравится это место, — сказала я.

— Мы передумали. И вы — нарушители границ.

— Нет, — тихо заскулила я. Я всего лишь хотела провести здесь несколько часов.

Я сверкнула глазами, дрожа всем телом. Передо мной стоял хищник, и я хотела бежать, как того велел основной инстинкт. Я не смела отвести взгляд от вампира, но моё внимание привлек другий запах. Животный запах, с ноткой меха и мускуса, скрываемый под обычными человеческими ароматами. Оборотень.

Карл не колебался. Он просто встал на место, которое занимал вампир и аккуратно отодвинул противника, прежде чем тот понял, что произошло.

Наше небольшое передвижение привлекло внимание остальных кровососов. Ти Джей, который мог постоять за себя в честном бою, протолкал себе дорогу и подошёл к нам.

Карл схватил меня за плечо.

— Марш на улицу.

У Карла были жёсткие каштановые волосы и борода, и он постоянно зиркал глазами. С шестью футами четырьмя дюймами в высоту и внушительной комплекцией, он угрожающе возвышался над моими жалкими пятью футами шестью¹³. Даже если бы я не знала кто он, то выбрала бы из очереди претендентов на роль оборотня. Он обладал специфическим хищным взглядом.

Карл потащил меня к двери, и я запищала. Я бежала за ним, стараясь удержаться на ногах, но едва поспевала. Похоже, Карл волочил меня, но я едва это замечала. Я оцепенела от облегчения: вампир отстал, мы уходим.

¹²

¹³ 194 см и 168 см соответственно.

Вышибала заблокировал нам путь в коридоре, ведущем от танцпола к главному входу. Он проигрывал Карлу в росте, но плечи у него были не уже. И он понятия не имел, что при желании Карл мог разорвать ему лицо.

— Этот парень к вам пристаёт? — спросил меня вышибала.

Карл усилил хватку.

— Это не ваше дело.

Вышибала нахмурился и посмотрел на меня, ожидая подтверждения. Он оценивал ситуацию на основании человеческой восприимчивости. Он видел, что девушку тащат с танцпола, а это, вероятно, означало проблему. Но всё не так. Вроде бы.

Я расправила плечи и выровняла дыхание.

— Всё в порядке. Спасибо за беспокойство.

Вышибала пропустил нас вперёд.

Ти Джей последовал за нами.

Выйдя на улицу, мы спустились по боковой улице, завернули за угол в переулок, скрываясь от взора людей, которые вышли из клуба подышать свежим воздухом.

Карл прижал меня к кирпичной стене, уперевшись руками по обе стороны от моей головы.

— Что, чёрт возьми, ты делала в месте, где тебя могли найти?

Наверное, он имел в виду вампиров. Моё сердце заколотилось, голос напрягся, а угрожающий вид Карла лишь усилил беспокойство. Выдох вышел как удушье. Карл был так близок, его горячее тело прижималось к моему, а я вот-вот потеряю его. Я хотела обнять его, вцепиться, пока он меня не простит.

— Я всего лишь хотела погулять по городу пару часиков, хотела развеяться. Я не думала, что здесь будут вампиры. — Я отвела взгляд, смахивая слезу с щеки. — Ти Джей был со мной. И их здесь не должно было быть.

— Не спорь со мной.

— Прости, Карл. Прости.

Так трудно унижаться без хвоста.

Скрестив руки и сгорбив плечи, Ти Джей стоял на расстоянии нескольких футов, прислонившись к стене.

— Это моя вина, — сказал он. — Я разрешил ей.

— Когда ты начал раздавать разрешения?

Ти Джей отвёл взгляд. Карл был единственным человеком, который мог заставить его выглядеть робким.

— Прости.

— Вы должны были позвонить мне.

Я всё ещё пыталась отдохнуться.

— Как… как ты узнал, где нас найти?

Карл посмотрел на Ти Джая, который водил ботинком по асфальту.

— Я оставил ему сообщение, — ответил Ти Джей.

Я закрыла глаза, признавая своё поражение.

— Разве мы ничего не можем сделать, не доложив Карлу?

Карл зарычал. Человеческие голосовые связки могут породить рык. Парни из профессионального реслинга все время это делают. Но рычат они совсем не так как Карл. Карл рычит, словно волк сейчас выпрыгнет из горла и укусит меня за лицо.

— Нет, — сказал Ти Джей.

— Ти Джей, ступай домой. Мы с Китти немного поговорим. С тобой я позже разберусь.

— Да, сэр.

Ти Джей поймал мой пристальный взгляд на мгновение, широко улыбнулся и, кивнув Карлу, зашагал по улице. Между тем, Карл положил руку на мой загривок и развернул меня в противоположном направлении.

Это должна была быть моя ночь.

Обычно я льну к Альфе. Его личность такова, что он может подчинить всех вокруг себя — по крайней мере, всех в стае. Я лишь хочу сделать его счастливым, чтобы он любил меня. Но прямо сейчас я рассердилась.

Не могу вспомнить, когда была больше сердита, чем напугана. Это странное чувство, схватка эмоций и животного инстинкта, который выражал себя в действиях: дерись или убегай. Я всегда убегала, скрывалась, унижалась. Волосы на моих руках и загривке встали дыбом, и проснулась глубинная память о густом мехе.

Грузовик Карла стоял за углом. Альфа усадил меня на пассажирское сидение, а сам сел за руль.

— Я навещал Артуро.

Артуро был господином местного клана вампиров. Он держал их в узде, как Карл

— оборотней, и пока обе группировки оставались на своей территории и не беспокоили друг друга, между ними царил мир, по большой части. Если Артуро решил переговорить с Карлом, это означало, что у него жалоба.

— Что случилось?

— Он хочет, чтобы ты бросила шоу, — сказал Карл, устремив вперёд сердитый взгляд.

Я залилась краской. Надо было ожидать, что произойдёт нечто подобное. Дела ведь шли так хорошо.

— Я не могу бросить шоу. Мы расширяемся. Синдицируемся. Это огромная возможность, и я не могу отказаться от неё...

— Сможешь, если я прикажу.

Я устало потёрла лицо не в силах придумать решение, которое удовлетворило бы обе стороны. Я заставила себя не плакать и откашлялась.

— Значит, ты тоже считаешь, что я должна уйти.

— Артуро жалуется, что некоторые из его людей обращались за советом к тебе вместо того, чтобы идти к нему. Это вызов его власти, и он прав.

Ничего себе! Карл и Артуро договорились о чём-то. Великий день для сверхъестественной дипломатии.

— Тогда он должен отчитать своих людей и не возлагать ответственность на меня...

— Китти...

Я опустилась на место и надулась как маленький ребёнок.

— Его также волнует вопрос безопасности. По его мнению, ты привлекаешь к нам слишком много внимания. Какой-нибудь телепроповедник или ультраправый сенатор объявит охоту на ведьм, и люди начнут нас искать.

— Расслабься, девяносто процентов слушателей воспринимают передачу как шутку.

На секунду Карл отвлёкся от дороги и впился в меня взглядом.

— Мы держались друг друга и хранили тайну уже долгое время. Артуро дольше, чем большинство. Так что не жди, что он одобрит твоё шоу.

— Почему он говорил с тобой, а не со мной?

— Потому что моя работа держать тебя на поводке.

— Привязи или удавке? Прости.

Я принесла извинения прежде, чем у Карла появился бы шанс снова впиваться в меня взглядом.

— Ты должна бросить шоу, — сказал он и с силой сжал руль.

— Ты всегда исполняешь желания Артуро?

Печально, но мне не удалось придумать аргумента лучше. Карл не захочет осознавать, что он осчастливили Артуро.

— Это слишком опасно.

— Для кого? Для Артуро? Тебя? Стai?

— Неужели нельзя поверить, что я ставлю твои интересы превыше всего? Артуро может слишком остро реагирует, но ты чертовски сильно светишься. Если какой-нибудь фанатик решит, что ты прислужница зла, и придёт в твою студию с ружьём...

— Ему понадобятся серебряные пули.

— Если он поверит, что шоу настоящее, то может и прихватить парочку.

— Этого не произойдёт, Карл. Я никому не скажу кто я.

— И сколько времени это продлится?

Карлу не нравилось шоу, потому что он его не контролировал. Оно всецело моё, а я, как предполагалось, принадлежу Карлу. Прежде я никогда не спорила с ним так яростно.

Я посмотрела в окно.

— Мне будут повышать зарплату с каждым новым рынком. Сейчас сумма небольшая, но если проект выстрелит, то я заработаю много денег. Половина — твоя.

Двигатель жужжал, за окнами текла ночь, и детали растворялись в темноте. Я не должна думать о торге, чтобы сохранить шоу. Вопрос о прибыли имел эффект божественного явления. Я отдаю Карлу все бонусы синдикации, лишь бы сохранить шоу. Если он захочет, я буду валяться у него в ногах каждый день.

Я должна держаться за шоу. Оно моё. Я горжусь им. Это важно. Я никогда не делала ничего важного раньше.

Карлу потребовалось много времени на ответ. Каждую секунду надежда узлом завязывалась на моём горле. Конечно, если бы Карл собирался отказать, то не думал бы так долго.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Но я всё ещё могу передумать.

— Это справедливо.

Я так выдохлась, словно участвовала в гонке.

Путь из города к открытому пространству и частной зоне, которая окаймляла предгорья вдоль шоссе № 93 на западе, занял двадцать минут. Там располагалось сердце территории стаи. Некоторые волки купили себе здесь дома. Зона изолирована и безопасна, так что можно бегать без опаски. Никаких уличных фонарей. Небо затянуто тучами. Карл припарковался в конце грунтовой дороги. Мы взобрались на первый холм, уходя подальше от дороги и домов.

Если я думала, что разговор окончен, то ошиблась. Мы обсудили только половину проблемы. Человеческую половину.

— Обратись, — приказал Карл.

Полнолунье будет только через две недели, а в иных случаях мне не нравилось менять форму. Мне не нравилось поддаваться порыву. Я заколебалась, но Карл разделся и стал волком: выгнулась спина, вытянулись конечности, заколыхался мех.

Почему Карл не может успокоиться? Мой гнев стал лишь сильнее, а ведь должен был отступить и дать дорогу страху. Карл утвердит своё господство, и мне, скорее всего, причинят боль.

Но я впервые так рассердилась, что мне стало все равно.

Я не могу бороться с ним. Я вдвое меньше. Даже если бы я знала, что делаю, то все равно бы проиграла. Итак, я пустилась наутёк, сбрасывая рубашку и лифчик, затем остановилась спустить джинсы и трусики, выпрыгнула из них и обратилась на лету, чтобы к тому моменту как мех прекратит расти, я продолжала бег.

Если не думать об обращении слишком много, то процесс пройдёт не слишком болезненно.

Руки утолщаются, вырастают когти. Она думает о текучей воде и не чувствует, как скользят кости под кожей, а суставы и мышцы группируются в нечто иное. Она приседает, глубоко дыша сквозь выступившие зубы. Зубы и лицо удлиняются, меняются волосы и глаза. Сквозь очи волчицы темнота уже не кажется столь густой.

Она прыгает. Волчица появляется и продолжает бег на своих четырёх лапах. Это чувство настолько естественно, настолько великолепно. Лапы едва касаются мягкой земли, и она взлетает в воздух. Порывы ветра проходят по меху точны пальцы, запахи ударяют в нос: деревья, земля, гниение, жизнь, вода, старые следы, свежие следы, гильзы от винтовочных патронов с прошлого сезона, кровь, боль, её стая. Территория стаи. И Альфы. Вожака. Он прямо позади неё. Преследует.

Она не должна от него убегать. Но бегство лучше, чем борьба, а желание бороться сильно. Убей её, если она не сказала, что сожалеет. Но она сожалеет: она все сделает для своего Альфы.

Она бежит, но он крупнее и быстрее. Он ловит её. Она падает и борется, её гонят страх, но Альфа пресекает сопротивление зубами. Клыки впиваются в её плечо, и она визжит от боли. Используя плечо как точку опоры, он добирается до горла, и она уже лежит на спине, вверх брюхом. Его контроль гарантирует, что он никогда не прокусит её кожу.

Она не шевелится, лишь скулит с каждым вдохом. Откидывает голову назад, выставляя горло. Он может убить её в этот момент. Его челюсть смыкается вокруг шеи и не отпускает.

Только после того, как она пролежала неподвижно целую вечность, он медленно дарует ей свободу. Она остаётся на месте и облизывает его челюсть снова и снова. «Ты Бог», — вот что она говорит. Она ползает на животе перед ним, потому что любит.

Они охотятся, и она показывает ему, он — Бог. Она ждёт, пока он не разрешит ей съесть кролика. Он оставляет ей кожу и кости, и она облизывает и сосёт их.

Она удовлетворена.

Я проснулась в серых сумерках. Волчица не желала уходить, цепляясь за моё сознание, и я позволила ей заполнить мой разум, потому что её инстинкты лучше моих, особенно когда дело касается Альфы.

Она лежит голая в логове, прикрытом кучей земли. Именно здесь, выспавшись, Альфа сбрасывает свою волчью шкуру. Он стоит перед ней обнажённый и возбуждённый. Онкусает её ухо, облизывает подбородок, сосёт горло и взбирается наверх, раздвигая её ноги. Она стонет и впускает его, и он медленно и нежно продвигается внутрь. Ради этого она и живёт — его внимания, его обожания.

Он шепчет ей на ушко:

— Я буду заботиться о тебе, и тебе никогда не придётся растя. Понимаешь?

— Да. О, да

Он кончает, прижимая её к земле, она льёт к нему и исчезает. Я снова становлюсь собой.

Прерогатива Альфы — он имеет в стае кого угодно и когда угодно. Одна из льгот положения. Одна из причин, почему я таю от него. Стоит ему только войти в комнату, и я становлюсь горячей и возбуждённой, и ради одного его прикосновения готова сделать все что угодно. Вдыхая его аромат и аромат других волков, я чувствую себя дикой.

Я обвилась вокруг него, и он прижал меня к себе. Мой защитник.

Мне нужна стая, потому что я не могу защитить себя. В дикой природе волчат учат охотиться, бороться. Но никто меня ничему не учил. Карл хотел, чтобы я зависела от него. Никто не ждёт, что я буду самостоятельно охотиться или помогать защищать стаю. У меня нет обязанностей, пока я подчиняюсь Карлу. Пока я остаюсь «волчонком», он будет заботиться обо мне.

На следующий день, в студии, я шугалась каждой тени. Я вздрагивала и оборачивалась при каждом шорохе. Свет божий на улице, а я не могла отделаться от впечатления, что сейчас через окно залезут вампиры, придя по мою душу.

Я не думала, что кто-нибудь воспримет шоу настолько Серьёзно. Да я половину эфира отшучиваюсь.

Если Артуро действительно хочет, чтобы я покинула шоу, и я ослушаюсь, то возникнут проблемы. Я не знаю, какие именно, но они меня затронут. В следующий раз Артуро и его закадычные друзья могут не потрудиться обратиться к Карлу как к посреднику. Он выскажет свою жалобу прямо мне. Я шла, мечтая обзавестись глазами на затылке. И по бокам. Как же тонка грань между осмотрительностью и паранойей.

Карл не всегда будет рядом, чтобы позаботиться обо мне. К примеру, он не сможет прийти ко мне на работу.

Я нашла Мэтта, звукооператора шоу, когда он возвращался с ужина. Одна из привилегий моего новообретенного успеха: рекламу в нужное время включаешь уже не ты. Мэтт — спокойный, немного отрешённый парень, и он тоже получил работу на радиостанции, пройдя здесь практику. Я всегда думала о нём как о друге, который выполнит всю нужную тебе работу.

— Эй, Мэтт... ты случайно не знаешь хорошего учителя по самообороне?

Глава 3

— Я Китти Норвиль, и вы слушаете «Полуночный час», шоу, где не боятся темноты и обитающих в ней созданий. Сегодня наш первый звонок из Окленда. Мари, привет.

— Привет, Китти. Спасибо, что приняла мой звонок.

— Пожалуйста. У тебя есть вопрос?

— Ну, у меня есть одна проблема.

— Хорошо, выкладывай.

— Это касается моего господина. Ну, по большей части у меня нет жалоб. Понимаете, он действительно сексуален и богат. У меня уйма плюшек: брендовая одежда, драгоценности и все такое. Но... меня беспокоит парочка вещей.

Я вздрогнула.

— Мари, давай сразу внесём ясность: ты человек?

— Да.

— И ты добровольно покорилась вампиру как его человеческая служа?

— Ну, да.

Не она первая...

— И теперь ты недовольна ...

— Я всё не так себе представляла.

Конечно, и в этом вопросе Мари не первопроходец.

— Дай угадаю. Он пьёт намного больше крови, чем ты думала. Он заставляет тебя убираться после своих кровавых оргий?

— О, нет, с кровью у меня нет проблем. Просто, ну... ему не нравится шея. Он предпочитает пить из моего бедра.

— И ты недовольна? У тебя должно быть прекрасные бёдра.

— Я думала, будет шея. Во всех историях речь шла о шее.

— Согласно некоторым легендам вампиры вырывают сердце у своих жертв и выдавливают из него кровь. Будь благодарна, что тебе такой не попался.

— И он не носит шёлк.

Что я могу сказать? У бедной девочки рухнули иллюзии.

— Он заставляет тебя есть комнатных мух?

— Нет...

— Мари, если ты озвучишь свои желания как просьбу, а не требование — только вложи в просьбу всю душу — твой господин может ещё тебя удивит. Купи ему шёлковую рубашку на день рождения. Лады?

— Хорошо. Я попробую. Спасибо, Китти.

— Удачи, Мари. Следующий гость. Пит, ты в эфире.

— Я оборотень, пойманный в ловушку человеческого тела.

— Как я понимаю это метафора.

— Нет, я Серьёзно. Я *пойман в ловушку*.

— О? Когда ты в последний раз менял форму?

— В этом-то и дело. Я никогда не менял форму.

— Значит, ты не настоящий оборотень.

— Ещё нет. Но мне суждено стать одним из них, я знаю это. Как мне заставить оборотня напасть?

— В полнолуние стань в чаще леса, привязав сырой стейк к лицу, и держи табличку с надписью «Съешьте меня. Я дурак».

— Нет, я серьёзно.

— Я тоже! Послушай, ты не хочешь, чтобы на тебя нападал оборотень. Ты не хочешь *быть* оборотнем. Ты можешь думать, что хочешь этого, но позволь мне объяснить ещё один раз: ликантропия — болезнь. Это хроническая, изменяющая жизнь болезнь, от которой нет лечения. Её жертвы могут учиться жить с этим — некоторые лучше, другие хуже — но ликантропия никогда не даст снова зажить нормальной жизнью. Она в разы увеличивает шансы на страшную и преждевременную смерть.

— Но я хочу обзавестись клыками и когтями. Я хочу охотиться на оленя голыми руками. Это было бы так круто!

Я потёрла лоб и вздохнула. Каждый выпуск мне приходит, по крайней мере, один такой звонок. Если мне удаётся убедить одного из этих шутников, что быть оборотнем не круто, я считаю, что шоу удалось.

— Знаешь, совсем другое дело, когда ты охотишься на оленя, не потому что этого хочешь, а потому что тебя толкает на это жажда крови, и если ты не поймаешь оленя, то начнёшь выслеживать людей, а это сулит огромные проблемы. Как тебе идея охотится на людей, Пит? *Есть* их?

— Гм, я бы привык к этому?

— Тогда тебя застрелят серебряными пулями. В последний раз повторяю, я не поддерживаю ликантропию как выбор образа жизни. Следующий, пожалуйста.

— Гм, да. Привет.

— Здравствуйте.

— У меня есть один вопрос. Оборотни и вампиры... мы же сильнее, чем люди. Что должно удержать нас от, ну, не знаю... ограбления банка? Полиция не может остановить нас. Обычные пули тоже не работают. Так почему же большинство из нас не сеет хаос и разрушение?

— Человеческая благопристойность, — ответила я не раздумывая.

— Но мы не...

— ...люди? Ты действительно думаешь, что ты не человек?

— Ну, нет. Кем я ещё могу быть?

Я скрестила руки и вздохнула.

— Я постоянно слышу от своих гостей, что в независимости от своей природы и действий, они всё ещё хотят быть частью человеческого общества. Общество обладает преимуществами, даже для них. Таким образом, они принимают участие в общественном договоре. Они соглашаются жить по человеческим правилам. Это означает, что они «не сеют хаос и разрушение». И именно поэтому я думаю, что мы можем найти способ для существования.

Ничего себе. Иногда я сама удивляюсь, как разумно звучат мои ответы. Возможно, я даже верю в это. Нет, я должна верить в это, иначе у меня не получится делать шоу.

Парень помедлил с ответом:

— Значит, я говорю тебе, что я оборотень, а ты говоришь, что, по-твоему, я человек?

Он не может знать, что просит меня повесить ярлыки.

— Да. И если ты живёшь в человеческом мире, ты должен жить по человеческим законам.

Изюминка этого шоу — уверенность. Я только *делаю вид*, что знаю, о чём говорю.

— Да, ну, в общем, спасибо.

— Спасибо за звонок. Привет, Джеймс, ты в эфире.

— У меня есть вопрос, Китти. — Его голос звучал низко и приглушённо, словно он говорил слишком близко от телефонной трубки.

— Валяй.

— Оборотень должен жить в стае? Он не может быть одиночкой?

В вопросе звучала такая тоска.

— Я предполагаю, что теоретически оборотень не нуждается в стае. Почему ты спрашиваешь?

— Любопытство. Простое любопытство. Кажется, никто на вашем шоу никогда не говорил, что он оборотень без стаи. Ведь так?

— Ты прав. Чаще всего, когда речь заходит об оборотнях, то заходит она и о стае.

Думаю...

Вот я и дошла до сложного момента: сколько я смогу рассказать, не затронув личный опыт, не сболтнув лишнего?

— Думаю, стая важна для оборотня. Она предлагает безопасность, защиту, социальную группу и контроль. Стая не станет терпеть, чтобы одиночка творил беспорядок и привлекал внимание к остальным. Стая — способ следить за всеми ликантропами в зоне. Как и клан вампиров.

— Но оборотень—одиночка ещё не означает, что он автоматически собирается показываться и начать убивать людей. Я прав? — Парень был напряжён. Даже по телефону я слышала надрыв в его голосе.

— А что ты думаешь, Джеймс?

— Я не знаю. Именно поэтому я вам и позвонил. Вы всегда говорите, что каждый, даже монстр, имеет право на выбор пойти ли ему на поводу своей природы или возвыситься над ней. Но реально ли это? Возможно... возможно, если у меня нет стаи... если я не хочу иметь какое-либо отношение к стае... возможно, это мой собственный путь взять на себя ответственность. Я не сдаюсь. Я не должен становиться монстром. Я могу выжить самостоятельно. Но могу ли я? Могу?

Я вот не могу. С самого нападения всегда находился кто-то — Ти Джей, Карл, кто-либо иной — кто говорил мне, что со мной все будет в порядке и у меня есть друзья. Они помогли мне сохранить самообладание и дали место, куда я могла уйти, когда испытывала желание отбросить свою человеческую природу. Я знала, что не причиню им вреда. Чтобы я делала без них? Я была бы одна. Сколько людей — таких как Джеймс, у которых нет стаи или клана — сколько из них слушали моё шоу и думали, что у меня есть ответы на всё? Я не планировала это, когда начинала шоу.

А я что-нибудь вообще планировала, когда начинала шоу?

Кто я такая, чтобы считать, что я могу помочь этим людям? Я не могу прожить без своей стаи, но возможно Джеймс может.

— Я не знаю, Джеймс. Я ничего не знаю о твоей жизни. Если ты хочешь, чтобы я сидела здесь и убеждала тебя, говорила: «да, ты прав, тебе не нужна стая и все будет хорошо», то я не могу этого сделать. У меня нет ответов. Я могу лишь сказать, что слышу и думаю. Посмотри на свою жизнь и реши, доволен ли ты ею. Если ты можешь жить так, и люди вокруг могут жить так — хорошо, отлично, тебе не нужна стая. Но если ты несчастлив, разберись почему и измени свою жизнь. Возможно, тебе поможет стая, возможно нет. Мы говорим о странном причудливом мире. Глупо думать, что одно

правило универсально для всех. — Я подождала несколько ударов сердца, слыша дыхание по линии. — Джеймс, с тобой всё в порядке?

Ещё один удар сердца.

— Да.

— А я перехожу к следующему звонку. Держи хвост пистолетом и не торопи события.

— Хорошо, Китти. Спасибо.

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть следующий звонок будет лёгким. Я переключилась на другой вызов.

— Вы в эфире.

— Привет, Китти. Я ликантроп уже шесть лет и думаю, я вполне прилично приспособился. Я живу вместе со стаей.

— Хорошо, хорошо.

— Но я не знаю, могу ли я поговорить с ними об этом. Видите ли, у меня сыпь...

У меня появился кабинет. Небольшой. Скорее даже чулан со столом. Но у меня теперь собственный телефон и визитные карточки. Китти Норвиль, Полуночный Час, КНОПКА. Всего несколько месяцев назад я думала, что у меня никогда не будет настоящей работы. Теперь есть. Визитные карточки. Кто бы мог подумать?

Шоу выходило раз в неделю, но я работала почти каждый день. В основном во второй половине дня и вечером, в соответствии с ночным графиком. Мне пришлось потратить невероятное количество времени на организационное дерзко: подготовку к интервью, устранение непредвиденных обстоятельств, проведение исследований... Я не возражала. Я чувствовала себя настоящей журналисткой, как герои Национального общественного радио. Мне даже позвонили из СМИ. Шоу было экспериментальным и эксцентричным и стало привлекать внимание людей, контролирующих заскоки попкультуры. Многие думали, что это новое ухищрение, направленное на готов. Я заготовила несколько ответов на практически любой вопрос.

Меня часто спрашивали вампир/ликантроп/ ведьма/ и т.п. ли я; хотя у скептиков была одна поправочка, считаю ли я себя вампиrom/ликантропом/ ведьмой/ и т.п. Я всегда отвечала, что я человек. Это же не совсем ложь. Что ещё я могла сказать?

Мне нравилось проводить исследования. Я даже собирала вырезки, которые касались вампиров, ликантропов, волшебства, чёрной магии, призраков, парапсихологии,

кругов на полях, телепатии, прорицаний, затерянных городов — всего что угодно. Доброму вору всё впору.

Звонил даже продюсер «Неизвестного Мира»: приглашал на передачу. Я отказалась. Я не готова светиться на экране, не мой формат. Зачем подвергать себя ещё большей опасности.

Мне приходили письма от фанатов. Ну, не только. Нередко бывали записки в духе «Умри, сатанинская сука из ада». Я складывала их в специальную папку и каждую неделю передавала полиции. Если меня когда-нибудь убьют, то у детективов будет толстый и внушительный список подозреваемых. Ага.

Оборотни неуязвимы к обычным пулям. Довелось видеть.

Шесть месяцев. Я выпускала шоу раз в неделю уже шесть месяцев. Двадцать четыре эпизода. Меня крутили на шестидесяти двух радиостанциях в масштабе страны. Песчинка в мире синдицированного разговорного радио. Но я чувствовала себя властительницей мира. Я думала, что устану от шоу. Но у меня всегда находилась тема для разговора.

Однажды, в семь или восемь вечера, я сидела в кабинете — моём кабинете! — и читала местную газету. «Проститутку забили до смерти в самом центре города» читайте подробнее на странице 3. Не успела я преодолеть первый параграф, как зазвонил телефон — мой телефон!

— Алло, Китти слушает.

— Вы Китти Норвиль?

— Да.

— Я хотел бы переговорить с вами.

— Кто это?

Парень заколебался на секунду, но продолжил беседу.

— Люди, которые вам звонят... которые утверждают, что они экстрасенсы, вампиры и оборотни... вы верите им? Вы считаете, что это реально?

Я внезапно почувствовала себя точно на шоу: говорю по телефону, спорю с чудиками — так шла моя жизнь. Но здесь только я и он, и голос у звонящего такой... обыденный.

В эфире мне приходится вызывать людей на откровенность. Я должна дать такой ответ, чтобы гости почувствовали себя комфортно и продолжили болтать. Я хотела

разговорить этого парня.

— Да, считаю.

— Они пугают вас?

Я наморщила лоб. Понятия не имею, куда он клонит.

— Нет. Они люди. Вампиризм и все остальное всего лишь болезни, а не печати зла. К сожалению, некоторые используют свои недуги как лицензию на зло. Но нельзя грести всех под одну гребёнку.

— Это необычайно рациональное отношение, мисс Норвиль, — голос напрягся. Стал авторитетным, решительным, словно парень знал, что да как.

— Кто вы?

— Я представляю правительственные учреждение...

— Какое именно?

— Не имеет значение. Я не должен был вам звонить...

— Не вешайте мне лапшу на уши!

— Мне просто интересны ваши мотивы.

— Позвольте мне, по крайней мере, выдвинуть предположение. Вы из НИЗ?

— Я не уверен, что такая идея пришла бы в голову человеку, у которого нет... личного... интереса.

У меня от страха волосы встали дыбом. Парень подкрался слишком близко.

— Так, вы с ЦКЗ?

Пауза и ответ:

— Не поймите меня неправильно, я восхищаюсь вашей работой. Но вы разожгли моё любопытство. Мисс Норвиль — кто вы?

Признаю, это странный вопрос. Я должна дать быстрый ответ и отогнать панику.

— Что вы имеете в виду?

— Я думаю, что мы можем помочь друг другу. Обменяться информацией, возможно.

Чувствуя себя как дочь мельника из сказки «Румпельштильхен», я ткнула пальцем в небо:

— Вы из ЦРУ?

— Интересно, что вы сможете найти в Центре исследования парасинтетической биологии, — ответил парень и повесил трубку.

Великолепно, теперь мне уже звонят анонимы.

После такого трудно сосредоточиться на работе. Я продолжила мысленно воспроизводить беседу, задаваясь вопросом, что я упустила, и какую цель преследовал неизвестный.

Я не провела над размышлениями и пяти минут, как телефон снова зазвонил. Я вздрогнула от испуга и попыталась заставить сердце колотиться не столь быстро, иначе стоит мне взять трубку, как собеседник услышит это сумасшедшее биение.

— Алло? — робко произнесла я.

— Китти? Это мама.

Мамин голос звучал столь же бодро и привычно как всегда. Я закрыла глаза и вздохнула.

— Привет, мам. Как дела?

— Ты так и не сказала, сможешь ли приехать на свадьбу кузины Аманды. Мне нужно дать им ответ

Вылетело из головы. Главным образом, потому что я ни при каких обстоятельствах не хотела туда идти. Свадьба означает кучу народа, а я ненавижу толпу. И надоедливые расспросы типа «А когда мы погуляем на твоей свадьбе?» или «А у тебя есть кто-нибудь особенный?»

В смысле, *Особенный*.

Я попыталась быть немного более вежливой. Мама не заслуживает бессмысленного компостирования мозгов. Я достала органайзер.

— Не знаю. Повтори, когда свадьба?

Она назвала дату, я перелистнула на следующий месяц и посмотрела. На следующий день после полнолуния. Я никак не смогу приехать к семье в приличном виде на следующий день после полной луны. Не смогу мило любезничать с огромной оравой.

Теперь нужно только придумать оправдание.

— Прости, но я занята. Мне придётся пропустить праздник.

— Ах, а Аманда так хотела тебя видеть.

— Я знаю, знаю. Мне очень жаль. Я пошлю ей открытку.

Я даже написала записку, чтобы не забыть это сделать. По правде говоря, не думаю, что Аманда так уж сильно будет по мне скучать. Но здесь замешены иные силы. Маме хочется объяснить всем, почему меня нет, не сильнее, чем мне хочется объяснить ей,

почему я на самом деле не могу приехать.

— Знаешь, Китти, ты пропустила уже несколько семейных встреч. Если ты занята, я всё понимаю, но было бы хорошо, если бы ты время от времени наведывала нас.

Снова она о своём дне рождения. Эти неуловимые случайные уколы вины, на которые способны только матери. Я же не избегаю семью только потому, что не хочу видеть родственников.

— Я попробую в следующий раз, — отвечала я каждый раз.

Мама не сдавала позиций:

— Я знаю, тебе не нравится, когда я о тебе волнуюсь. Но раньше ты была такой общительной, а теперь... — Я представляю, как она пожимает плечами не силах закончить мысль. — У тебя всё хорошо?

Иногда мне жаль, что я не способна на откровенные признания из разряда «я лесбиянка».

— Все прекрасно, мама. Я просто занята. Не волнуйся.

— Ты уверена? Иногда нужно поговорить...

Я не могу рассказать ей. Представить не могу, какие ужасы она себе воображает каждый раз, когда я отвечаю ей, что занята. Но я не могу рассказать правду. Мама ведь такая хорошая. *Нормальная*. Она носит женские брючные костюмы и продаёт недвижимое имущество. Играет в теннис с папой. Попытайся ей объяснить про обратней.

— Мам, мне нужно работать. Я знаю, что ты волнуешься, и я ценю твою заботу, но все прекрасно, клянусь.

Вру и не краснею, но что ещё я могу сказать?

— Тогда ладно.

Кажется, я её не убедила.

— Позвони мне, если передумаешь насчёт свадьбы.

— Хорошо, буду держать тебя на связи.

Конец разговора, и с моих плеч точно падает груз.

Телефон, визитные карточки... и секретарша, которая будет отслеживать звонки.

Через несколько минут в дверь постучали, и я достигла точки кипения. В ярости откинула газету и, подняв глаза, увидела мужчину в дверном проёме. В моём кабинете есть дверь, но я редко её закрываю. Незнакомец вошёл ко мне, а я даже этого не заметила.

Мужчина был среднего роста и комплекции, с тёмными волосами до плеч и

тонкими чертами лица. Непрятательный в большинстве отношений, за исключением трупного запаха. Хорошо сохранившийся труп, честно говоря. От него не несло разложением. Но по его жилам не текла горячая кровь, а сердце не билось.

Вампиры знают толк в незаметных проникновениях. Скорее всего, он прошёл мимо охранника в вестибюле, а тот его даже не увидел.

Я знала этого вампира. Его звали Рик.

Я встречала его пару раз, когда Карл и Артуро собирались вместе, чтобы разрешить ссоры. Рик был странным. Он принадлежал к семье Артуро, но не очень интересовался его политикой, всегда держался сзади и никогда не подходил к самому Артуро. Он не имел скучающий вид, что повсеместно распространено среди вампиров, и мог даже посмеяться над чужой шуткой. Как-то раз я вежливо его попросила, и он рассказал мне истории о Старом Западе. Настоящем Старом Западе — он жил в те времена.

Конечно, стало покалывать от тревоги, и я со вздохом плюхнулась обратно на стул. Я старалась вести себя непринуждённо, как будто присутствие вампира ничуть меня не беспокоило.

— Привет, Рик.

Его губы растянулись в мимолётной улыбке. Он заговорил, показывая зубы, тонкие и острые как иглы.

— Прости, если напугал.

— Не ври, тебе ничуть не жаль. Ты наслаждаешься подобными ситуациями.

— Не хотелось бы терять сноровку.

— Я думала, ты не можешь войти, пока я тебе не приглашу.

— Правило не распространяется на коммерческую недвижимость.

— Так, что тебя сюда привело?

Вопрос прозвучал напряжённо. Конечно, Рик пришёл, потому что я не бросила шоу, и Артуро этим недоволен.

На лице гостя не дрогнул ни один мускул.

— А как ты думаешь?

Я зло посмотрела на Рика. Достали меня сегодня игры разума.

— Артуро сказал Карлу заставить меня бросить шоу. Я осталась. По-видимому, Его Величество Упырь собирается лично меня теребить, чтобы я ушла из эфира. Он отправил тебя передать своего рода угрозу.

— Кажется, у тебя паранойя.

Я не унялась.

— Нет, если меня действительно хотят прикончить.

— Я здесь не по приказу Артуро.

Я с подозрением сузила глаза.

— Правда?

— Он не знает, что я здесь.

Это полностью меняет дело, если Рик говорит правду, а у него нет причин лгать. Если он встречается со мной за спиной Артуро, то у него на это есть веская причина.

— Тогда, зачем ты здесь?

— Я пытаюсь заполучить кое-какую информацию и подумал, что ты могла бы мне помочь. — Он достал свёрнутый листок бумаги из кармана, развернул его и вручил мне. — Что думаешь по этому поводу?

Это была листовка на золотистой бумаге. Общая стоимость продукции — гроши. Наверное, её напечатали на компьютере, а затем фотокопировали в супермаркете. Надпись гласила:

«Вам нужна помощь? Вы прокляты? Вы вампир или ликантроп? У вас есть надежда! Есть лечение! Преподобный Илайджа Смит и его церковь Чистой Веры хотят спасти Вас. Чистая Вера Освободит Вас».

В конце была указана дата нескольких недель тому назад. Располагалась церковь на старом ранчо в тридцати милях к северу от города, около Брайтона.

Я снова перечитала сообщение и сморщила лоб. Курам на смех. Я представила образ стереотипного южного проповедника, возлагающего руки, ну скажем, на Карла. Экзорцизм, аминь и Аллилуйя. Да Карл откусит ему голову — серьёзно.

— Лечение? Исцеление верой? Это шутка?

— Нет, к сожалению. Одна из последовательниц Артуро покинула семью и присоединилась к ним. С тех пор мы её не видели. Лично, я чую неладное и очень волнуюсь.

— Да, беда. Артуро должно быть писает кипятком.

— Да. Но на этого Смита и его церковь невозможно нарвать информацию. Артуро слишком горд, чтобы попросить помощи, я — нет. У тебя есть контакты. Может, ты что-нибудь слышала.

— Нет. — Я перевернула страницу, как будто это могло раскрыть больше секретов, но изнанка была чиста. — Лечение, ха? Настоящее?

Любая разысканная мною зацепка на лечение оказывалась мифом. Дым да бабушкины сказки. Так что простите мой скептицизм.

— Я не знаю, — просто ответил Рик.

— Я никогда не слышала об эффективном лечении.

— Я тоже.

— Последовательница Артуро думала, что это возможно. И она не вернулась. Так это сработало?

— Некоторых могла привлечь такая возможность. Соблазнительная приманка, если кто-то хотел соблазнить людей как мы.

— Приманка, зачем?

Он пожал плечами.

— Заманить в ловушку и убить. Поработить. Такое уже происходило.

Уж слишком мрачные он рисует перспективы, подстрекает смутный страх перед целями, которые я не могла вообразить. Охота на ведьм, погромы. Реалити-шоу.

Рик пытается испугать меня, чтобы я возмутилась и согласилась помочь. Это сработало.

— Посмотрим, что я смогу узнать.

Ну всё, налила воду на мельницу. Интересно, а согласится Смит прийти на шоу.

— Спасибо.

— Спасибо за совет. — Я скривила губы, подавляя усмешку. — Хорошо, когда скромные подчинённые продолжают действовать за спинами своих лидеров, иначе бы дела не двигались бы с мёртвой точки.

Рик невинно посмотрел на потолок.

— Я бы такое не стал говорить в присутствии Артуро. Или Карла.

А разве они не узнают? Владыка, Альфа. Мы словно запрограммированы служить им. Наверное, это не даёт нашим сообществам пасть в хаос.

Я спросила ещё более унылым тоном:

— Думаешь, Артуро попытается сделать что-нибудь с шоу?

— Это зависит от того, что сделает Карл.

Другими словами, если Карл ничего не предпримет, то за дело может взяться

Артуро. Я вздрогнула.

— Ты прав.

— Я должен идти.

— Да. Будь осторожен!

Он кивнул, почти поклонился, и это напомнило мне, что Рик стар. Он родом из того времени, когда джентльмены кланялись леди. А затем он ушёл также тихо, как и пришёл.

Телефон. Визитные карточки. Личный помощник. Наверное, мне нужна секретарша... и телохранитель.

Глава 4

Одетая в тренировочные штаны, спортивный топ и майку, я стояла на мате и по сигналу тренера отрабатывала удар ногой. Крейг, невероятно накаченный и энергичный студент колледжа, точно вышедший из реалити-шоу канала MTV, крикнул «Начали!» и дюжина учениц — все женщины лет двадцати-тридцати — выполнили удар.

Вместо того чтобы изучать определённое боевое искусство, мы взяли приёмы нескольких дисциплин и объединили их в одну технику, разработанную чтобы временно вывести противника из строя и убежать, сверкая пятками. Мы не зарабатывали очки за стиль и не тратили уйму времени на мистические размышления. Вместо этого мы снова и снова повторяли движения, чтобы в момент паники и в пылу атаки нам удалось инстинктивно переместиться и защитить себя.

Это был довольно хороший спортивный курс. Тяжело дыша и потея, я могла на час забыть о мире за пределами спортзала и дать голове отдохнуть.

Мы поменяли сторону и отработали приём другой ногой примерно дюжину раз.

Затем Крейг упёр руки в бока.

— Хорошо. Выстройтесь в шеренгу, чтобы мы смогли провести спарринг.

Я ненавидела спарринг. Первые несколько занятий мы отрабатывали удары на подвесной груше. Большинство женщин едва могли сдвинуть её с места, а от моих усилий она раскачивалась из стороны в сторону. На что я получила немало восхищённых комплиментов относительно силы рук. Но это не имело никакого отношения к силе мышц. Просто оборотни сильнее обычных людей. Я без всяких тренировок могу победить всех учениц в этом зале, и вероятно самого Крейга.

Это не помогло бы мне в битве с вампирами.

Эпизод с грушей научил меня, что я должна очень аккуратно драться с людьми. Я не знала, насколько сильна или к чему способна. Нужно сдерживать каждый удар. Не хочу причинить кому-то боль по ошибке.

Я вообще не хочу никому причинять боль. Моя Волчица работала и скучала от мысли о борьбе, потому что она знала: Карл не хотел бы этого. Волчица, ха. Меня все представляют свирепым кровожадным монстром. Но монстр в самом низу стаи столь же свиреп как новорождённый щенок.

Я покорно встала в шеренгу вместе с остальными и стиснула зубы.

Мы отрабатывали выпад и падение. Подножки, захваты, падения, перекаты, подъём, снова и снова. Я часто падала, ударяясь об мат, что у меня зубы заклацали. Я не возражала. Моей партнёршей по спаррингу была Патриция, пухленькая мать-одиночка, которая даже не задумывалась о спорте, пока не стала похожа на своего восьмилетнего сына, мастера тхэквондо, который скоро сможет побить самого Джеки Чана (по крайней мере, так утверждала Патриция), и не хотела отставать от сына. Патриция казалось, ликовала от мысли, что может одолеть взрослого мужчину всего парой быстрых ударов. Большинству этих женщин приходилось преодолевать культурный барьер: они не отваживались причинять вред людям или решать конфликт силой. В этом отношении я счастлива способствовать образованию Патриции.

— Ты сдерживаешься, Китти.

Я снова распласталась на спине.

Я открыла глаза и увидела как Крейг, шесть футов белокурого энтузиазма, сердито на меня смотрит. Он так странно выглядел под этим углом. Сплошные ноги от ушей.

— Да, — вздохнула я.

— Ну же, поднимайся. — Он протянул руку и помог мне подняться. — Будешь отрабатывать приём лично на мне.

Он имел наглость зажечь искорки в своих глазах.

Остальная часть класса встала в круг. Мне совсем не понравилась такая перспектива, и я ощетинилась. Волчица очень не хотела бороться. Она предпочитала сжиматься от страха. Я жалобно хныкала .

Крейг изогнул руки и сгорбился, словно готовясь сбить меня с ног. Если он сделает рывок, то я должна присесть на корточки, позволяя ему споткнуться об меня, а затем толкнуть, удостоверясь, что он потерял точку опоры. Конечно же, Крейг побежал на меня. Я присела. Однако вместо того чтобы споткнуться, он отошёл в сторону. Если я

сейчас толкну, то он потеряет равновесие. Но я просто замерла, позволяя Крейгу запрыгнуть на меня и обхватить рукой шею.

— Я знаю, ты можешь лучше. Ну же, попробуй ещё.

Я могу бороться, я достаточно сильная. Но у меня нет воли. Я слишком часто была жертвой, что привыкла к этому. Я закрыла глаза, чувствуя себя ребёнком, который завалил очередной тест, и медленно поднялась на ноги.

Крейг снова посмотрел на меня.

— Хорошо, давай вот что попробуем. На этот раз представь, что я твой худший бывший, и это твой шанс отомстить.

О, это просто. Его звали Билл. Стоило Крейгу произнести эти слова, как я представила Билла, и ко мне вернулась ярость. Я скакала кулаки.

Конечно, ярость плохо способствует самоконтролю. Не уверена, что смогу сдержаться, если буду думать о Билле.

Крейг кинулся в атаку. Я припала к мату и толкнула плечом, вложив весь свой вес в движение. Я врезалась в бок Крейга. Он резко выдохнул и полетел с мата. Женщины завизжали, отскакивая прочь с его пути, и, два раза подпрыгнув, наш тренер рухнул на пол.

Он лежал на спине и не шевелился.

Пол поплыл под моими ногами, и я почти упала в обморок. Я убила его. Убила своего преподавателя по самообороне. *Чёрт.*

Я подбежала к нему, присела на корточки и потормошила за плечо.

— Крейг?

Его веки затрепетали. Несколько испуганных ударов сердца, и он открыл глаза и усмехнулся.

— Да, вот об этом я тебе и говорю! Ты должна научиться бить людей, — с трудом выговорил он. Должно быть, я выбила воздух из его лёгких. — Только со мной такое больше не повторяй.

Я протянула ему руку. Крейг потёр голову. Уверена, болеть будет. Как смущает.

— Ничего себе, — подошла ко мне Патриция. — Твой бывший просто счастливчик.

— Да ещё какой.

После таинственного телефонного звонка и визита Рика я провела исследования для следующей недели. Сначала я разобралась с таинственным звонком.

Центр исследования паразитической биологии (ЦИПБ) спонсировался правительством и изучал ликантропию и вампиризм под руководством ЦКЗ и НИЗ. Именно такая информация была дана в сноске на последних страницах малопонятного отчёта, погребённого в архивах ЦКЗ. К сожалению, нигде не было указано ни одного контактного лица. Никто не хотел сотрудничать с этим институтом. Все, кому я звонила, не слышали о деятельности подобной организации. НИЗ отсыпал меня к ЦКЗ. Вероятно, это не настоящее агентство, а «мозговой центр». Или дымовая завеса.

Обычно я не покупалась на теории заговора. По крайней мере, правительственные. В конце концов, когда конгресс не может решить вопрос собственного финансирования, как я могу поверить, что это же правительство стоит позади ужасной тайной организации, которая скрывает истину и управляет мировыми событиями согласно некоему секретному плану, цель которого господство над умами и душами всех свободных людей?

Если только в деле не замешаны вампиры. Тогда это все меняет.

Затем я занялась листовкой Рика.

Как бы мне ни хотелось это признавать, но я начала с веб-сайта «Неизвестенного Мира». В интернете сложилось процветающее сообщество по поиску сверхъестественных новостей. Проблема в том, как отделить мистификации и заявления фанатиков от стоящей информации. Большая часть новостей «Неизвестного мира» рассчитана на сенсацию и неверна. Но у них есть поисковая система, которая фильтровала «мистические новости», и с достаточной долей терпения и посещением огромного количества ссылок, я смогла найти в сети хорошие источники и перепроверить информацию.

Наконец мне улыбнулась удача, и я нашла несколько объявлений и отчётов об исчезновении людей, зарегистрированных различными отделениями местной полиции. Кажется, все началось четыре месяца назад. Как-то глубокой ночью в предместьях Омахи, штат Небраска, появился огромный прицеп. Во всех злачных районах города, вероятных убежищах ликантропов и вампиров, разбросали плакаты: мол, есть исцеление, только основано оно исключительно на вере и заступничестве самообъявленного святого Илайджа Смита. Я не смогла найти информации о том, что произошло на той встрече. На следующее утро палатка исчезла.

Все повторилось неделю спустя в Уичито, штат Канзас. Затем в Пуэбло, штат Колорадо. Стали ходить слухи: парень не врал, лечение работало, и исцелённые были так ему благодарны, что не захотели его покидать. Вокруг прицепа образовался целый

караван последователей.

Приход Смита известен как церковь Чистой Веры, и её девиз «Чистая вера освободит Вас». Я не смогла найти ни фотографий, ни записей того, что происходит в караване или как проходят встречи. И никаких деталей, касаемых самого лечения. Те, кто искренне не искали средство исцеления, не смогли приблизиться к Смиту или его последователям. Тем, кто приезжал искать своих друзей, любимых или членов семьи, исчезнувших в той палатке, угрожали расправой. Община не допускала любого вмешательства.

Я нашла несколько веб-сайтов с предупреждениями держаться подальше от Смита. Некоторые объявляли его приход sectой. Прочитав всю найденную информацию, я склонилась к тому же выводу.

Вампиризм и ликантропия — это ведь не болезни, так сказать. Люди изучили нас, исследовали, разобрали на части, нашли определённые параметры, отличающие нас от *Homo sapiens*, но вот источник... Он не обладал генетической, вирусной, бактериальной или даже биологической природой. И это заставляло нас дрожать от страха. Сотни лет наука отказывалась признавать, что этот источник — сверхъестественное. Если есть способ излечить вампиризм и ликантропию, то только сверхъестественный, вопреки позициям ЦКЗ и ЦИПБ. В случае вампиров, как ещё можно вернуть бескровных немертвых к полнокровной жизни? Лечение силой веры — вот ваш ответ. С попыткой представить Смита как мошенника, а его церковь как культ возникнут проблемы.

Я не верила в исцеление. Иначе его бы давно уже нашли.

— Добро пожаловать на «Полуночный час». Я Китти Норвиль. Сегодня вечером у меня особый гость — Вероника Сивилла, автор книг «Хроники Бледсо», «Книги обрядов» и полдюжины других бестселлеров, которые повествуют о многовековых испытаниях и невзгодах клана вампиров. Её новый роман «Солнце никогда не встанет» только что поступил в продажу. Мисс Сивилла, спасибо, что пришли на наше шоу.

— Моя дорогая, зовите меня просто Вероника.

Вероника Сивилла, при рождении Марта Перкинс, носила прямое вязаное чёрное платье, чёрные чулки, чёрные лакированные туфли и чёрную меховую накидку. Модно завитые тёмные волосы — крашенные, без сомнений — обрамляли бледное лицо. В мочках ушей сверкали бриллиантовые гвоздики. Писательница откинулась на спинку кресла, обнимая себя за плечи, и не потому что ей было холодно или от волнения — это была поза. В её официальной биографии не указывался возраст или дата рождения. Глядя

на неё, я не могла определить, сколько ей лет. Её лицо испещряли морщины, но не глубокие. Ей может быть как сорок, так и шестьдесят. Должно быть, работа пластического хирурга.

Сивилла не была вампиrom. Она пахла теплом, и я слышала биение её сердца. Но она старалась походить на них. Я не могла прекратить пялиться на неё с немым вопросом в глазах: «Вы это серьёзно?»

— Хорошо, Вероника. Вы создаёте очень живые и яркие образы вампиров. Некоторые критики отмечают вашу способность вынести вампиров из реальности стандартного ужастика и превратить в ярко прописанных персонажей. Они — герои ваших историй.

— Да, конечно, а почему вампир не может быть героем книги? Это лишь вопрос перспективы.

— Вы собрали целую армию поклонников, которые, кажется, идентифицируют себя с вашими протагонистами. Некоторые из них настаивают, что ваши романы не вымысел, а записи настоящих вампиров. Как вы можете это прокомментировать?

Она махнула рукой в снисходительном жесте, который совершенно не передать по радио.

— Я не знаю где найти настоящего вампира. Они — продукт человеческого воображения, а мои книги — продукт моего.

У меня были сомнения на этот счёт. Даже если отбросить заявления ярых поклонников Сивиллы и её витиеватые тексты, она угадала слишком много деталей. Как действуют вампирские кланы, как вампиры общаются, их намеренное позирование и игры за господство, которые не слишком отличаются от драк оборотней — детали, которые посторонний человек просто не смог бы угадать. Или она провела великолепное исследование, и тогда я хочу знать её источник информации о культуре вампира, или у неё свои связи. До встречи с ней я почти ожидала, что она окажется вампиром или человеческой слугой, что-то в этом духе.

— Как вы думаете, почему фанатов так привлекают ваши персонажи и истории? Почему люди хотят верить в вампиров?

— Мои книги создают заманчивый мир. Мой мир, семейство Бледсо, вампиры в целом — это всё метафоры силы, которую бедные дети мечтают заполучить, но не могут, потому что они так... так...

— Незащищены?

— Изгои. Одиночки. Плохо приспособлены к жизни.

— Вы утверждаете, что ваши поклонники — социальные нонконформисты?

Она поднесла покусанный ноготь к губам.

— Гм, не совсем.

— Некоторые поклонники приезжают к вам, желая больше узнать о вампирах, желая стать одними из них. Они считают вас специалистом в данном вопросе. Что вы им отвечаете?

— Я говорю им, что это вымысел. Все, что я хотела сказать, находится в моих книгах. А что вы отвечаете, когда люди задают вам подобные вопросы?

— Я говорю, что возможность быть вампиrom не так уж замечательна.

— Китти, вы когда-нибудь встречали вампира?

Я сделала паузу, уголки моего рта дрогнули в улыбке.

— Да, встречала. И откровенно говоря, я нахожу ваши романы довольно точными.

— Ясно. И чтобы мне ответить? Может, вы нас познакомите.

Я подумала об этом и решила, что Артуро с радостью захотел бы Веронику на обед — но у него вкус утончённее.

— Почему вампиры? Вы пишете семейные саги длиной в столетия — почему бы вам не написать исторические эпопеи без всякого паранормала?

— Ну, это было бы скучно.

— Да, только бог знает, о чём думал Толстой. Тем не менее, в чём ваше вдохновение? Откуда вы черпаете свои идеи?

— Писатели ненавидят этот вопрос.

— Думаю, писатели только так говорят, стараясь избежать ответа.

— А вы не могли бы спросить что-нибудь иное?

Я вздохнула. Она привыкла быть избалованной. Личная гrimёрка, миска зелёного эмэмдемс и все такое.

— Я приношу извинения, Вероника. Не сообразила.

Она смерила меня взглядом и слегка кивнула.

Интервью вышло не самым удачным. Мы начали не с той ноги, а Вероника вела себя слишком закрыто, чтобы помочь мне. Она не хотела здесь находиться. Её издатель согласовал интервью как часть рекламного тура новой книги. Должно быть, Вероника уже дюжину раз появлялась на подобных передачах.

Я приняла несколько звонков и получила ожидаемый лепет сентиментальных возбуждённых фанатов. Вероника обработала их лучше, чем я, но у неё за плечами много практики.

Наконец, словно открылась тюремная решётка, шоу закончилось, и мы освободились. Я сняла наушники и поблагодарила Веронику Сивиллу.

— Ещё раз спасибо, что пришли на наше шоу. Я знаю, мои слушатели получили удовольствие от вашего появления.

Я ожидала, что она хмыкнет на меня, отмахнётся и удалится, оставляя за собой след надменной слизи. Вместо этого она облизала губы, смазывая помаду. Понурив взгляд, она выпрямила плечи и глубоко вздохнула перед признанием:

— Я должно извиниться перед вами, мисс Норвиль.

— О?

— Я была не до конца честна. Я встречала вампира. Мой сын — вампир.

Я не знала, что ответить. Я попыталась сделать сочувствующий взгляд и стала ожидать большего.

— Я не хочу обнародовать данную информацию. С небольшим воображением я думаю, вы можете понять почему. Мои фанаты и так достаточно назойливы. Но я хотела, чтобы вы знали истину. Надеюсь, я могу вам доверять, и вы сохраните мой секрет.

Я кивнула

— Я умею хранить секреты. У меня есть несколько собственных. Как — не считите только за наглость — как вы узнали правду?

— Он выглядит на восемнадцать уже двадцать лет. Я стала что-то подозревать и попросила рассказать его секрет, и он во всем признался. Мои истории — они о нём. У моего сына не будет жизни, которую я представляла для него, и эти романы — мой способ примириться с его жизнью. Если это только можно назвать жизнью.

Я проводила Сивиллу до двери, где она поправила своё норковое манто и вздёрнула подбородок. Само воплощение достоинства.

Ночь полнолуния. Время бежать.

Ти Джей подобрал меня на байке, который грохотал ровно и непрерывно, точно медведь гризли. Ти Джей гнал очень быстро и резко брал повороты. Я не надела шлем и наслаждалась бьющим в лицо ветром. Откинула голову назад и насладилась ощущениями. Городские ароматы асфальта и выхлопных газов уступили запахам сельской местности,

сухой траве, земле и дальним соснам. Солнце село за горизонт, луна ещё не вышла, но я чувствовала её серебристое дыхание. Луна управляла не только приливами и отливами, но и моим сердцем. В горле рождался рык — стая рядом. Я прижалась к Ти Джою и улыбнулась.

Стая собралась в доме Карла и Мэг, на краю лесного заповедника. Со стороны все напоминало обычную вечеринку: на улице припарковано около дюжины машин, в гостиной собирались гости. Но присутствующих охватило напряжение, предвкушение и нервозность. Завеса к потустороннему миру пала наполовину. Мы уже смотрели через неё, ждали сигнала. Карл ещё не пришёл.

В местную стаю входило двадцать два волка. Они жили в радиусе в две сотни миль, тянущийся вдоль городских зон вверх и вниз по Передовому хребту, от Колорадо-Спрингс до Форт-Коллинз. Большинство членов стаи я видела только в ночь полнолуния. Мы знали свои места. Я слонялась по краю комнаты, стараясь никому не мешать.

Кожа зудела. Я обнимала себя, стараясь сохранять спокойствие. Так близко. Она, Волчица, ждёт, смотрит из моих глаз. Её когти карябают изнанку кожи, желая прорости сквозь кончики пальцев. Она хочет мех вместо кожи. Её кровь так горяча.

Я вздрогнула, когда чужое присутствие нарушило моё уединение, словно сила прорвалась через окружавшую меня мемброну. Я почувствовала Зана ещё до того как увидела, что он преградил мне путь.

Он был молод, мой одногодка, но превращался в волка с подросткового возраста. У него были бледная кожа, неопрятные тёмные волосы и животный взгляд.

Я ненавидела его. Именно его аромат сопровождал мои кошмары. Это он атаковал меня и превратил в монстра.

Иногда он преследовал меня, словно ожидая шанса закончить начатое. Словно он всё ещё чувствовал запах крови на мне. Или он думал, что я чем-то ему обязана. Я избегала его, как только могла. Ти Джей. Карл и Мэг сдерживали его остальную часть времени. Он не был настолько жесток.

Ти Джей находился на кухне. Мне бы пришлось пересечь всю комнату, чтобы добраться до него. Зан загнал меня в угол.

— Что ты хочешь?

— Тебя, — наклонился он ко мне. Я уже вжалась в стену и не могла пошевелиться, так что Зан поднёс губы к самому моему уху. — Побегай со мной сегодня.

Это эвфемизм среди оборотней. Зан говорил это всякий раз, когда Карла не было

рядом. Обычно я сжималась и скользила по стеночке за спину Ти Джея. Зан мог достать меня, но не Ти Джея. Именно так действует доминирование.

Я была не в настроении для такого дерьяма.

— Нет, — выщедила я сквозь зубы, прежде чем поняла, что говорю.

— Нет? Что значит нет?

Я отошла от стены, расправляя плечи и впиваясь в Зана свирепым взглядом. В глазах потемнело. Волчица хотела порвать его.

— То и значит. Отвали от меня.

Его плечи вздыбились, из горла вырвалось раздражённое урчание.

Блин. Я только что бросила ему вызов, подвергла сомнению его господство, и он не может пройти мимо, не избив меня, как следует. И Карл с Ти Джеем меня не спасут, потому что я сама ввязалась в конфликт.

Комната затихла. Все наблюдали за нами с неподдельным интересом. Это не было обычнойссорой — наши вечно устраивали драки, всеми правдами и неправдами борясь за позиции в середине иерархии. Но только не я. Я не боролась. В лучшем случае меня добродушно подразнивали как ребёнка стаи. В худшем — издевались. Я всегда уходила в свой панцирь, жертвуя положением в обмен на безопасность. Но не в этот раз.

Я не могла разорвать зрительный контакт с Заном. Я сама в это ввязалась. Посмотрим, что у меня выйдет.

Приёмы, которые я изучала на занятиях самообороны, отличались в зависимости от первого шага противника. Это ведь самооборона, а не мордобой. Парочка хорошенъких ударов и со мной все кончено. Я бросила вызов: Зан ожидал первого шага от меня.

Я сделала обманный манёвр вниз, словно собираясь врезать Зану в живот. Он замахнулся на меня, и я отступила, толкая его в спину, чтобы сбить с ног. Он завертелся и врезался в спинку дивана. Я снова кинулась на него, не зная, что делать. Но Волчица знала. Прежде чем Зану удалось вернуть равновесие, я вскочила ему на спину и стала раздирать горло, зарывая ногти в кожу.

Он заревел, хватая мои руки и вертаясь во всех направлениях, с целью сбросить меня. Я врезалась спиной в угол дивана: позвоночник взорвался болью. Но я держалась, вцепившись в Зана руками и ногами. Я хотела пустить в ход зубы. Ещё один выпад, и мы задели торшер.

В гостиную вышла Мэг. Высокая и сухощавая, с прямыми тёмными волосами, придающими ей неопределённый этнический вид, она была помощницей Карла, второй

Альфой стаи. Она носила майки и спортивные штаны и часто занималась на велосипеде-тренажёре в домашнем спортзале, кроме того она выбрировала. Только так я могу это описать. Она выбрировала властью, силой и господством. Обычно я чувствовала её энергетику даже через всю комнату. Но я так рассердилась на Зана, что не заметила Мэг, пока она не схватила меня за волосы и не дёрнула со всей силы. В другой руке она сжимала пряди Зана.

Она посмотрела на меня, наморщив лоб в замешательстве.

— Ты уверена, что хочешь этого?

Она дала мне шанс остановиться, защитила меня от моей собственной глупости.

Кровь диким током мчалась по жилам. Мне до боли хотелось порвать Зана на куски. Я быстро кивнула.

— Тогда разбирайтесь на улице, — произнесла Мэг, толкая нас на выход. Кто-то любезно открыл кухонную дверь на задний двор.

Я отступила к двери, не сводя глаз от соперника. Он напирал на меня. Я слышала стук его сердца. Его пот пах как огонь. Он сжал ладони в кулаки. Его мышцы напряглись, и я поняла, что он собирается напасть на меня в последних паре футов от двери.

Я пригнулась, позволяя ему споткнуться об меня, и Зан мешком полетел на бетонное крыльцо. Я не стала мешкать, я прыгнула и приземлилась прямо на Зана. Его голова с грохотом ударила об бетон. Зан без всяких усилий сбросил меня, повернув ситуацию в свою пользу, и придавил к земле. Удар — и в ушах звенело, а перед глазами поплыли звёзды. Он ударил меня ещё два раза, выворачивая мою голову и сжимая рукой горло. Я не могла дышать.

Зан собирался меня убить.

Я хотела научиться драться, чтобы защититься от врагов, а не участвовать в борьбе за власть. Что же я делаю?

Гнев и страх. Именно их них состоит жизнь. Гнев соперничает со страхом, и от того кто победит зависит станешь ли ты ведущим или ведомым. Почти три года я провела в страхе и сыта им по горло.

Я ударила Зана в промежность.

Он открыл рот от боли, но только ослабил хватку. Захватив его запястье, я скинула его с себя. Не отпуская, я переместилась за спину, выворачивая конечность. Раздался хруст, и Зан закричал. Я усилила давление. Свободной рукой я схватила соперника за волосы и потянула что есть силы, почти полностью отводя голову назад. Потребовался

весь мой вес, чтобы сохранить голову под данным углом, но оно того стоило: теперь Зан не мог шелохнуться, не причинив себе адской боли. Отпустить бы его и отдубасить как следует, но такой роскоши я не могла себе позволить. Поэтому ударила его прямо на месте. В челюсть и щёку. Я била, пока не почувствовала кровь. Зан захныкал.

Наконец он потерял сознание. Я отпустила его, облизывая губы и стирая кровь с зубов. Вырвала кусок его плоти — с мяса свисали лоскуты кожи.

Я наклонилась к уху Зана:

— Ты мне не нравишься. Я тебя не простила и никогда не прощу, так что держись подальше или я разорву тебя на куски.

Я не шутила. Зан знал это, и поэтому, как только я встала с него, он покорно пополз прочь, скочившись на четвереньках.

Я присела и уставилась на него. Кровь ударила мне в голову. Я видела его, обоняла его страх, и мне снова захотелось его порвать. Но я не могла: он часть стаи, и он принёс извинения. Я подошла к нему. Зан скочился в позе эмбриона, словно желая исчезнуть. А бой мог закончиться совсем по-иному — я видела больше не страх в его глазах, а удивление. Я выиграла битву, не потому что сильнее, а потому что он не ожидал сопротивления. Больше мне не удастся победить так легко.

Зан перекатился на спину. Его вздохи перешли в жалобные всхлипы. Я нависла над ним. Повернулась спиной и ушла.

Меня отчасти тошило, но Волчица не позволит мне блевать в угол. Она была голодна.

Слегка шатало. Я страдала от страшной головной боли. Вытерла лицо, на руках осталась кровь. Нос был разбит. Я попыталась остановить кровотечение рукавом, но забила на это. На мне ведь всё быстро заживает, верно?

Вся соль в том, что Зан занимал не последнее положение в стае. Теперь остальные будут бросать мне вызов, чтобы сохранить свои места в иерархии.

Карл стоял у кухонной двери, скрестив руки.

— Он вывел меня из себя, — сказала я, отвечая на невысказанный вопрос.

— Нет.

Я сразу же подумала: «что, чёрт возьми, он понимает?». Но я совсем не хотела бросать вызов Карлу. Карл не станет тратить время, чтобы выбить из меня дурь.

Я опустила взгляд и кротко встала перед ним.

— Может быть, у тебя и крутое радио-шоу, но это не делает тебя кем-то значимым.

Это напомнило мне кое о чём. Я нашупала в кармане джинсов и вытащила конверт, который захватила перед выходом из дома. В конверте лежала месячная зарплата, и я протянула его Карлу. Резко сверкнула кровь, которую я случайно заляпала белую бумагу.

Карл открыл конверт, пролистал стопку пятидесяток и снова сердито посмотрел на меня. Может быть, деньги и не решили всех проблем, но хотя бы его отвлекли. Он передал конверт Мэг.

Если Карл был плохим полицейским, то Мэг — хорошим. В первый год, в трудную минуту, я приходила поплакаться на её плече. Она научила меня основным правилам: повинуйся Альфам, держись своего места.

Я не хотела её сердить. Мой внутренний волк распластался перед Альфой ниц. Я ничего не могла сделать, только стоять.

Окинув меня взглядом, Мэг скрестила руки.

— Ты становишься сильнее, — сказала она. — Взрослеешь, наверное.

— Я просто рассердилась на Зана. Он не оставлял меня в покое. Вот и всё.

— В следующий раз попробуйся попросить о помощи.

Она ушла убрать деньги.

За её спиной показался Ти Джей, Бета стаи и лейтенант Карла. Я иногда забываю, что по закону стаи у него столько же прав побить меня, сколько у Карла. Я предпочитала видеть в нём друга.

Я прильнула к Ти Джею и обняла. В стаи прикасание несло в себе успокоение, а я так хотела чувствовать себя защищённой. Я — моя человеческая половина — исчезла.

— Зачем все это было? — осторожно спросил Ти Джей.

— Я не знаю, — ответила я.

Но на самом деле я — она — знала. Я чувствовал себя сильной. Я не боялась.

— Наверное, я устала, что ко мне цепляются.

— Ты должна соблюдать осторожность — ты чуть не настроила Альфу против себя.

Он улыбнулся, но я не смогла сказать, пошутил ли он.

Этой ночью стая охотится вместе, и она съедает оленя. Раненый самец, полный мяса и крови. Она больше не низшая среди них и получает кусок плоти вместо того, чтобы довольствоваться костями и потрохами.

Другие навостряют уши и в вызове обнажают клыки на неё, но лидеры удерживают их на расстоянии. Сегодня никаких драк.

Она бежит и упивается своей силой, преследуемая остальными. Все воют от радости. Устав, она устраивается на ночлег, в тепле и безопасности, уже полная сновидений о следующей луне, когда она ещё раз сможет вырваться на свободу и вкусить крови.

Я проснулась на рассвете, в куче мале с полудюжиной других оборотней. Мы так часто просыпаемся после полнолуния. Мы бегаем, охотимся, едим, находим логово и ложимся спать, сворачиваясь в клубок вокруг друг друга, зарыв мордочки в мех и поджав хвосты. Мы крупнее обычных волков — результат сохранения массы. Человек в двести фунтов превратится в волка в двести фунтов, когда взрослый *Canis lupus* не может быть вырасти больше ста фунтов или около того. Не то что мы.

Мы всегда теряли сознание при возвращении в человеческую форму.

Мы просыпались обнажёнными, в логове нашей стаи. Бекки, худая женщина со стрижкой «ёжик», старше меня на пару лет, свернулась в изгибе моих ног. Сзади прижата спина Дэва, а сама я пристроилась к спине Ти Джая, прислонив лицо к его плечу. Я лежала неподвижно, поглощая теплоту, запах, довольство. Мне было хорошо.

Ти Джей должно было быть почувствовал, что я просыпаюсь. Услышал, как изменился дыхательный ритм или что-то иное. Он повернулся ко мне и приобнял.

— Я волнуюсь, — нежно произнёс он. — Зачем ты бросила вызов Зану?

Я скривила гримасу. Не хотела обсуждать этот вопрос перед другими. Но дыхание вокруг нас было ровным; все ещё спали.

— Я не бросала ему вызов. Я должна была защитить себя. — Через секунду я добавила: — Я рассердилась.

— Это опасно.

— Я знаю. Но я не могла отступить. Я больше так не буду.

— Ты самостоятельно учились бороться.

— Да.

— Карлу это не понравится.

— Это больше не повторится.

Я съёжилась, услышав жалобные нотки в своём голосе. Ненавижу быть такой.

— Да, хорошо. Думаю, это из-за шоу. Ты становишься дерзкой.

— Что?

— Шоу делает тебя дерзкой. Ты думаешь, что у тебя есть ответ на все случаи

жизни.

Я не знала что сказать. Комментарий застал меня врасплох. Возможно, Ти Джей прав. Шоу — моё детище; оно дало мне цель. Я должна о нём заботиться. Должна бороться за него.

— По-моему, Карл прав. Думаю, ты должна бросить шоу.

Нет, только не он!

— Карл заставил тебя так сказать.

— Нет. Я просто не хочу видеть, как тебе причиняют боль. Вот к чему ты пришла. Я вижу, как Карл думает, что ты наступаешь ему на пятки. Я вижу, как это разбивает стаю.

— Я никогда бы не навредила стае...

— Не специально.

Я крепче обняла Ти Джая.

Я не хотела дерзить.

Я хотела быть в безопасности.

Глава 5

— Наш следующий гость, привет. Вы в эфире.

— М-м-моя подруга... Она меня не кусает.

По голосу Бобби из Сент-Луиса около двадцати. Он нервный и инфантильный, застенчивый большой подросток с огромными фантазиями, с которыми не знает что делать. Наверное, он носит чёрную кожаную куртку, и у него, по крайней мере, одна татуировка в месте, которое можно прикрыть рубашкой.

— Хорошо, Бобби, давай немного сдадим назад. Твоя подруга....

— Да?

— Твоя подруга — оборотень.

— Да, — немного мечтательно произнёс он.

— И ты хочешь, чтобы она тебя укусила и заразила ликантропией.

— М-м-м, да. Она говорит, что я не знаю о чём прошу.

— Ты не думал, что она может быть права?

— Ну, это моё решение...

— Бобби, ты заставлял её заниматься с тобой сексом?

— Нет! Это было бы насилием.

— Тогда не вынуждай её обращать тебя в оборотня. Просто представь, какой виноватой она будет себя чувствовать, если поддастся на твои уговоры, а потом ты передумаешь. Это не татуировка, которую можно свести лазером. Мы говорим о кардинальном изменении образа жизни. Ты будешь превращаться в кровожадную тварь раз в месяц и скрывать сей факт от окружающих, пытаясь создать иллюзию нормальной жизни, хотя ты не совсем человек. Ты видел её в стае?

— М-м-м, нет.

— Тогда ты действительно не знаешь о чём говоришь, утверждая, что хочешь стать оборотнем.

— М-м-м, нет.

— Бобби, обычно я даю советы, а не указываю, но в твоём случае я сделаю исключение. Послушайся свою подругу. Она знает чертовски больше об этом, чем ты, хорошо?

— М-м-м, хорошо. Спасибо, Китти.

— Удачи тебе, Бобби, — сказала я напоследок. — И удачи подруге Бобби. Мой совет ей: динамь парня; не нужен тебе такой стресс в жизни. Вы слушаете «Полуночный час» с Китти Норвиль. За последний час мы обсудили отношения с ликантропами, как высказать свои претензии и недовольства, не сломав кости и не поджарившись на медленном огне. Прервёмся на заставку и вернёмся в эфир с новыми вопросами.

Я махнула Мэтту через окно кабины. Он нажал на переключатель. Знак «в эфире» потускнел, и заиграл лейтмотив шоу «Bad Moon Rising». Не какой-то там обычный синтезированный готический мотивчик, который можно ожидать от подобной передачи. Я выбрала песню за её мощь. Казалось, лирический герой с восторгом встречает надвигающуюся гибель.

Я сняла наушники и отодвинула микрофон. Если бы я устала от шоу, а мне казалось, что все эти шесть месяцев оно мне надоест, я бы ушла с лёгкой душой. Но мне нравилось моё дело. До сих пор нравилось. И всё же я не хотела сердить Ти Джея. Да и Карла мне не нравилось сердить. Но все-таки... Если они до сих пор дуются, то, что я могу поделать? Я не хочу бросать дело, которым горжусь, а я очень горжусь шоу. Ненавижу Ти Джея и Карла за устроенную мне нервотрёпку.

Стая оборотней — самая взаимозависимая группа в мире.

— Всё нормально? — спросил Мэтт. Он не брился несколько дней, а его тёмные волосы достаточно отросли, чтобы их можно было убирать в "конский хвост". В любом другом месте на него бы бросили косые взгляды. Но за пультом он выглядел на своём месте.

Я облокотилась о стол и потёрла виска. Мне не удалось хорошо поспать, и голова просто раскалывалась от боли. Хоть вой.

— Да, — сказала я, выпрямившись и взяв большую кружку кофе. Я так себя до язвы желудка доведу.

Кстати, а оборотни могут заработать язву?

Двухминутный перерыв подошёл к концу. Мэтт показал пальцами обратный отсчёт. Загорелся знак «в эфире» и мой пульт для приёма звонков. Наушники на месте, телефонная линия включена.

— Добро пожаловать обратно на «Полуночный час». У нас на связи Сара из городка Суи.

Женщина была вся в слезах. Она старалась не зарыдать во весь голос, но безуспешно.

— Китти?

— Привет, Сара, — успокаивающе произнесла я, готовясь к натиску. — О чём бы ты хотела поговорить?

— Мой муж, — сказала она после судорожного вдоха. — Я застукала его на прошлой неделе. Я шпионила за ним и вот...

Она замолкла, и я дала ей время взять себя в руки и только потом спросила:

— Что произошло, Сара?

— Он... он превращался... в... в волка. В лесу... позади нашего дома. Он думал, что я сплю.

— И ты понятия не имела, что он ликантроп.

— Нет! То есть я подозревала. Ежемесячные командировки в полнолуние, любовь к непрожаренным стейкам. Как он мог хранить это втайне от меня? Я его жена! Как он мог так со мной поступить?! — голос женщины задрожал и сорвался на визг.

— Ты подходила к нему? Говорила с ним об этом?

— Да, да. То есть я спрашивала его об этом. Он сказал, что сожалеет. Он больше никогда не посмотрит мне в глаза!

— Сара, отдохните. Вот так. Я знаю, это удар, но давайте посмотрим на ситуацию вместе. Сколько времени вы женаты?

— Шесть... шесть лет.

— И ваш муж говорил, сколько времени он был оборотнем?

— Два года.

— Теперь, Сара, я собираюсь попросить посмотреть на ситуацию с его точки зрения. Ему ведь, наверное, было больно превращаться в оборотня?

— Да. Он работает один, в ночную смену, и заперся на складе, когда это произошло. Он... он сказал, что ему повезло, и он смог оградить себя от людей. Почему он никогда не говорил мне об этом?

— А вы не думаете, что он, возможно, пытался защитить вас? У вас прекрасный брак, и он не хотел его портить? Я не говорю, что он поступил правильно. При хороших отношениях он должен был признаться с самого начала. Но он должен хранить свой секрет от огромного числа людей. Возможно, он не знал, как вам признаться. Возможно, он боялся, что вы бросите его после такого признания.

— Я не брошу его! Я люблю его!

— Но ведь некоторые бросают своих партнёров, когда узнают о подобном. Скорее всего, ему страшно, Сара. Послушайте, он всё ещё любит вас?

— Он говорит, что любит.

— Знаете, чтобы я сделала? Сядьте с ним. Скажите, что он причинил вам боль, но вы хотите поддерживать его, если в дальнейшем он будет честен. Тем не менее, прежде чем вы отважитесь на подобный шаг, вы должны решить сможете ли вы жить в браке с оборотнем. Вы должны быть предельно честной с собой, если хотите, чтобы он остался с вами.

Сара уже успокоилась. Она немного икала от плача, но голос звучал спокойно:

— Хорошо, Китти. Я всё поняла. Спасибо.

— Удачи вам, Сара. Сообщите мне, как всё пройдёт. Ладно, у меня полно звонков на линии, и я перехожу к другому вызову. Кормак из Лонгмонта, привет.

— Я знаю кто ты.

— Простите?

— Я знаю, что ты такое, и я иду убить тебя.

Согласно сообщениям Мэтта, у этого парня должен быть вопрос о ликантропии и

венерических заболеваниях.

Следовало отклонить вызов. Но меня всегда привлекали чудики.

— Кормак? Не объяснишь мне, о чём ты сейчас?

— Я убийца и специализируюсь на ликантропах.

Его голос шикнул и исчез на секунду.

— Ты звонишь с сотового?

— Да. Я сейчас в вестибюле и иду убить тебя.

Добрый Мэтт уже звонил охране. Я наблюдала, как он стоит с трубкой у уха... и молчит. Что случилось?

Мэтт бросил трубку на место.

— Не берут, — сказал он достаточно громко, чтобы я услышала через стекло.

— Я подстроил небольшой отвлекающий манёвр на улице, — объяснил Кормак. —

В здании нет охраны.

Мэтт взял трубку, переключился на внешнюю линию и набрал всего три цифры. Вызов кавалерии.

Затем снова набрал номер. И снова. Его лицо стало белее мела.

— Занято, — произнёс он одними губами.

— Ты смог перекрыть 911? — спросила я у звонящего.

— Я профессионал, — ответил Кормак.

Чёрт, это слишком реально. Я видела, как передо мной стоит Карл и произносит те самые: «*Я же тебе говорил*». Надеюсь, он не слушает моё шоу. С другой стороны, он смог бы приехать и спасти меня.

Я слышала по линии, как на первом этаже остановился лифт и распахнул двери. Это всего лишь акт устрашения: позвонить мне по телефону и описать моё убийство. Это был *хороший* акт устрашения.

— Хорошо, ты идёшь убить меня, и при этом предупреждаешь о своих намерениях по телефону.

— Это часть сделки, — натянуто произнёс Кормак, и я предположила, что он сморщил гримасу при этих словах.

— Что?!

— Я должен убить тебя в прямом эфире.

Мэтт провёл ладонью по горлу с немым вопросом в глазах. Вырубить шоу? Я

покачала головой. Возможно, мне удастся найти выход из этой ситуации.

— С чего ты решил, что я ликантроп, Кормак, убийца, специализирующийся на ликантропах?

— У моего заказчика есть доказательство.

— Что за доказательство?

— Фото, видео.

— Ага, и съёмка велась в ночное время, а на кадре ничего не разобрать. Я видела подобное на ТВ. Такое можно показать в суде?

— Это меня убедило.

— А ты у нас псих и маньяк, — нервно ответила я. — А ты не думал, Кормак, что ты просто лох в рекламном трюке, цель которого убрать меня из этого бизнеса? Некоторые группировки пытаются избавиться от меня уже не один месяц.

В это время ночи во всей студии только Мэтт и я. Даже если какой-нибудь сообразительный слушатель вызовет полицию, то Кормак доберётся до кабины прежде, чем она приедет. Конечно, именно таким был расчёт.

Мэтт вошёл в кабину и произнёс громким шёпотом.

— Можем уйти по пожарной лестнице, пока он не добрался до нас.

Я прикрыла микрофон руками.

— Я не могу бросить шоу.

— Он хочет убить тебя!

— Это блеф. Просто праведный ревнитель пытается меня запугать.

— Китти...

— Я не уйду. А ты делай, как хочешь.

Мэтт нахмурился, но вернулся на своё место.

— И передай мне беспроводные наушники со стойки.

Мэтт выполнил мою просьбу и переключил звук. Я покинула кабину, чтобы стоять не в прямой видимости от двери. В следующей комнате, кабине Мэтта, находилось окно с видом на коридор. Я опустилась на пол, под окно у двери. Если кто-нибудь войдёт, я увижу его первым.

Кормаку потребуется примерно пять минут, чтобы доехать на лифте и дойти до кабины. Значит... нужно болтать быстрее.

— Хорошо, Кормак, позволь мне задать один вопрос. Кто тебя нанял?

— Я не могу это сказать.

— Запрещено контрактом?

Он заколебался. Мне показалось, что убийца не привык вести беседу, да и в душе обижен условиями сделки. Я не сомневалась, что он не врёт. Он говорил слишком уверенно, слишком спокойно.

— Профессиональная политика, — ответил он наконец.

— А это не из тех соглашений, где я могу предложить тебе большую сумму, чтобы ты меня не прикончил?

— Нет. Плохо сказывается на репутации.

Не то, чтобы у меня были деньги.

— И во сколько оценили мою жизнь?

Пауза.

— Это конфиденциальная информация.

— Нет, мне, правда, любопытно. Думаю, я имею право знать. Если меня оценили на заоблачную кучу бабок, то я могу назвать свою жизнь успешной, раз я разозлила кого-то до такой степени? Значит, я оказываю влияние, верно, а это единственное, на что любой из нас может надеяться...

— Боже, ты такая трещотка.

Я не смогла сдержать ухмылки. Мэтт сидел, прислонившись к стене, качая головой в жесте многострадальной выдержки. Встреча с профессиональным убийцей определённо не входит в список его должностных обязанностей. Но я рада, что он не ушёл.

Думать о том кто заказчик все равно, что упражняться в тщетности — много кто мог, в конце концов: Лига охотников на монстров, его преосвященство де Торквемада¹⁴ новой инквизиции, Христианская коалиция...

Лифт звякнул, раз, два... ещё два.

— Давай немного открутим назад, Кормак. Обычно тебе дают не такую работу? Ты привык выслеживать одиночек. Оборотней, которые нападают на людей и не контролируются стаей. Законопослушных оборотней сложнее найти, да и не стоит овчинка выделки. Я права?

— Да.

— Ты хоть представляешь, какие проблемы могут доставить несколько волков?

¹⁴ Указание на Томаса де Торквемаду, первого великого инквизитора Испании.

— Не особо.

Моё разоблачение в прямом эфире требовало ответа. Отрицания. Криков о моей невиновности и неправомерности обвинений — пока Кормак не выстрелит и не убьёт меня. Или пока он не попытается выстрелить в меня, а я смогу защититься. Я надеялась, что до этого не дойдёт.

Наверное, Кормал ждал, что я начну все отрицать: «ты не можешь в меня стрелять, я не оборотень». Но я немного запоздала с реакцией. Отрицание теперь будет звучать немного неубедительно. И если у охотника действительно есть фотографии (где он только их взял?) оставалось только во всём признаться. Вот оно. Грандиозное шоу-разоблачение. Надеюсь, мне выплатят премиальные за высокий рейтинг.

— Так вот, я вполне уважаемый законопослушный оборотень — должно быть странно выслеживать монстра, который даже не собирается поднимать на тебя когти.

— Не дрейфь, Норвиль. Выходи и поднимай когти. Я люблю, когда мне бросают вызов.

Вот и всё. Я призналась по национальному радио. Я оборотень. По ощущениям разницы никакой — Кормак все равно поднимается на лифте на мой этаж. Но моя мама не знала. Я услышала в наушники серию металлических щелчков. Пушки, большие пушки. Предохранитель снят, можно стрелять.

— Разве это спортивно, Кормак? Ты же знаешь, что я безоружна. Здесь я лёгкая добыча, и у меня полмиллиона свидетелей в эфире.

— Думаешь, я не сталкивался с таким дерзьмом раньше?

Хорошо, ложный путь. Я попробовала снова:

— А если я отключу эфир, тем самым нарушив условие твоего договора?

— Мой заказчик полагает, что ты останешься в эфире как можно долго. Ты будешь держаться ради рейтинга.

Чёрт, да кто заказчик? Кем бы он ни был, он знает меня слишком хорошо. Возможно, это не обычный фанатик, а кто-то из местных, кто точит на меня зуб.

Артуро.

Карл не заставил меня выйти из шоу. Возможно, Артуро решил позаботиться обо мне. Он не мог сделать это лично. Подобное нападение приведёт к войне между двумя группами. По крайней мере, Карл и стая объявили его нарушителем границ. Артуро придётся разбираться с последствиями.

Но Артуро мог нанять кого-то. Ему даже не нужно марать руки. Он сработает через

посредника, и Кормак никогда не узнает, что его нанял вампир. У Артуро были средства получить мои снимки в ночь полнолуния. Он знал, где бегает стая.

Я услышала, как разъехались двери лифта. Раздался звук ботинок по линолеуму.

— Я вижу окно твоей кабины, Норвиль.

— Эй, Кормак, ты знаешь Артуро?

— Да. Он отвечает за местных вампиров.

— Он тебя нанял?

— Холодно. Как думаешь, кто стоит в моём расстрельном списке после оборотней?

Значит, он выслеживает ликантропов и вампиров. Я действительно хотела найти хорошую сторону этого парня, но в данный момент это казалось совершенно невозможным.

Я должна придумать, как мне доказать, что Артуро нанял Кормака через посредника. Возможно, это заставило бы охотника за головами отступить.

Затем я услышала вой сирен. Окно в моей студии выходило на улицу. Мне даже не нужно было перемещаться, чтобы увидеть красно-синие всполохи. Полиция. Последние несколько минут тянулись словно часы, но даже если смелый слушатель вызвал копов, как только Кормак объявил о своих намерениях, то им бы не удалось приехать так быстро.

— Ты слышишь это, Кормак?

— Чёрт, — пробормотал он. — Слишком быстро.

Эй, мы до чего-то договорились.

— Скорее всего, кто-то позвонил полицейским заранее, и копы знали, что ты придёшь сюда. Ты точно не хочешь заново пересмотреть мою теорию «обманули дурака»?

Артуро мог достать меня через Кормака, а с полицейскими внизу он мог разобраться с самим Кормаком, если только у него есть зуб против охотника за головами. Полицейские не купятся на историю об оборотне. Они посадят его за убийство.

— Ты это несерьёзно.

— Артуро, глава местного клана, хочет выгнать меня из эфира. Могу предположить, что ты разозлил его недавно?

— Гм, да, можно и так сказать.

Есть какая-то подоплётка. Придётся обождать, чтобы позже вырвать у Кормака признание.

— Давай представим, что он нанимает тебя через третью сторону и вызывает

полицейских, пока ты на задании, тем самым лишая тебя шанса уйти. Ты может, и уничтожаешь оборотней из принципа, но моё убийство тебе ничем не оправдать. В ту минуту, как ты нажмёшь на спусковой крючок, полицейские изрешетят тебя пулями. Как тебе такая перспектива?

Пауза, достаточно долгая, чтобы моё трепещущее сердце сделало удар с полдюжины раз.

— Ты псих.

Я не слышала шагов, не слышала оружие. Он перестал двигаться. Я нервничаю? Я не видела пушек. А мне и не надо: я чувствовала запаха тела Кормака, взвинченные нервы и пряный лосьон после бритья. Я чувствовала запах оружейного масла. Чувствовала... серебро. У него серебряные пули. Любые сомнения относительно правдивости его требований и намерений исчезли. Он выслеживал ликантропов и вампиров, и если он жив, чтобы говорить о своих жертвах во множественном числе, то он знал своё дело.

Я всё ещё в эфире и затыкаю за пояс все остальные шоу, беря в прямом эфире интервью у моего потенциального убийцы по национальному синдицированному радио. Поэтому я возбуждена? Я заговорила быстрее. Слова были моим оружием, как пушки Кормака — его. Оставалось только надеяться, что моя мишень тоже смертна.

— Эй, Кормак, а ты когда-нибудь имел дело с оборотнем с предменструальным синдромом?

— Нет.

— Ну, это реальная сука.

Он стоял прямо за дверью. Ему нужно лишь заглянуть внутрь и выстрелить. Мои пальцы зудели, кости тоже. Я хотела измениться, хотела бежать. Я чувствовала, как Волчица цепляется за мой жёстко удерживаемый контроль, в самозащите, самосохранении. Я могу бороться... но не буду. Сжав дрожащие ладони в кулаки, я задержала дыхание. Мэтт присел в углу с широко раскрытыми от страха глазами. Он уставился на меня. Не на дверь или Кормака, а на меня. Оборотень.

Кормак рассмеялся. Смех прозвучал нежно, почти неразборчиво даже для моего чувствительного слуха. Следующим я услышала щелчок — предохранитель вернулся на место.

— Я могу задать вопрос?

Буду я жить? Умру? Какой?

— Конечно.

— Что это за имечко для оборотня? Китти?

— Не трогай моё имя, — зашипела я.

— Предлагаю сделку, Норвиль. Я отменяю контракт, а ты не выдвигаешь обвинения.

— Хорошо, — быстро откликнулась я. Меня больше интересовала сохранность своей тушки, чем какой-то иск в суд.

— Мне нужно кое-что проверить. Если ты ошиблась, я приду по твою душу.

Я сглотнула.

— Звучит справедливо.

— Если ты права, то мы оба начистим рожу Артуро. А теперь, наверное, подождём полицейских и объясним им, что произошло как разумные люди.

— Гм, я могу закончить шоу?

— Валай.

Мэтт кинулся к пульте.

— Осталось сорок секунд, — сказал он, слегка затаив дыхание.

Идеально.

— Эй, слушатели, я не забыла о вас. Кажется, произошло недоразумение, но думаю, мы с Кормаком Убийцей всё разрешили. Пока я говорю, по лестнице поднимается наряд полиции. Если бы снимали кино, сейчас бы начались титры. Именно это сейчас и произойдёт. На следующей неделе у меня в гостях будет сенатор Джозеф Дюк, инициатор законопроекта в Конгресс, который предоставит федеральным должностным лицам статус официальных заклинателей, изгоняющих бесов. Псих ли он или страна под угрозой вторжения орд коммунистических демонов? Не могу обещать столь же захватывающее шоу, как это сегодня, но кто знает. Я приложу все усилия, чтобы было интересно. На этом всё. С вами была Китти Норвиль, Глас Ночи.

Мэтт включил заключительные титры с протяжным волчим воем под полной луной. Это был мой собственный вой, записанный специально для шоу.

Я сняла наушники и протёрла глаза. Возможно, Карл прав, и мне нужно бросить шоу. Слишком много проблем. Да и стоит ли программа, чтобы за неё отдать жизнь? Я просто должна уйти. Неа...

У меня закололо волоски на шее; я повернулась и увидела в проёме мужчину, блокирующегося о дверной косяк. Даже без револьвера в кобуре аля опытный стрелок,

он выглядел довольно грозно. Стройный и шести футов высотой¹⁵, в чёрной кожаной куртке, чёрной футболке, поношенных джинсах и массивных байкерских сапогах со стальным носком. Рот растянулся в ухмылку под подстриженными усами. Под мышкой была зажата винтовка.

— Это ты? — спросил Кормак в последние секунды затухающего волчьего завывания.

На вид ему было тридцать. В глазах горели смешины в пару к сдерживаемой усмешке.

Я кивнула, поднимаясь вдоль стеночки. Крупный, опасный оборотень — ага. Мне хотелось горячего душа и сна.

Копы уже бежали по коридору, крича положить оружие на пол и поднять руки вверх. Кормак последовал указаниям, как будто ему не впервые.

В голове у меня копошилось тысяча вопросов к нему. Как он попал в этот бизнес? Какие приключения пережил? Как мне заполучить его на шоу в качестве гостя? Что мне теперь делать? Представиться? Пожать руку?

— Только не давай мне повода пожалеть о своём решении, Норвиль, — сказал он, прежде чем на этаже появилась полиция.

С застывшей улыбкой и подкосившимися коленями я наблюдала, как люди в униформе врываются в комнату, окружают Кормака и уводят.

Главный полицейский, детектив Джесси Хардин, лично сопроводила меня по пожарной лестнице. Она объяснила, что я должна проехать в полицейский участок, оформить заявление, подписать отчёт и так далее. Долгая ночь собиралась стать ещё более долгой.

Я хотела высказаться. Сказать хотя бы «я оборотень». Интересно, изменит ли это что-нибудь. Нет, если бы. *Как* это все изменит. Я призналась всему миру. Мне казалось, что я должна повторять эти слова снова и снова. Только так я поверю в реальность происходящего.

На этот раз я держала рот на замке.

— Между прочим, вас внизу ищет один парень. Карл, кажется. Я сказала ему, что он сможет поговорить с вами только после того как вас выпустят из участка. На всякий случай, предупреждаю, что прохождение всех процедур может занять немало времени.

Карл. Ублюдок. Сколько времени у него ушло на выяснение, что я в беде. И он ещё

¹⁵ 182 см.

называет себя Альфой.

— Все нормально. Держите меня сколько нужно. Карл может подождать.

Глава 6

Полицейские продержали меня два часа. Они были хорошими. Очень вежливыми. Хардин отвела меня в безликую комнату ожидания с пластиковыми стульями, грязно-белым ковром и стенами, вручила кофе и добродушно похлопала по плечу. Большинство отсаживались от меня подальше и пялились, когда я проходила мимо. Слухи летят быстрее ветра. Люди стали шептаться, как только мы приехали в участок.

«Это она. Оборотень. Да, точно».

Казалось, Хардин их не замечала.

Я кратко изложила ей произошедшее. Простая формальность — мы записывали шоу. Все сохранилось на плёнке. Но Хардин не отпускала меня, пытаясь образумить.

— Вы уверены, что не хотите поддерживать обвинение? Мы можем повесить на этого парня тяжкое преступление. Причинение вреда, покушение на убийство...

Я заключила сделку с Кормаком и останусь верна своему слову. Несмотря ни на что, я верю, он тоже сдержит своё. Я настолько привыкла действовать в рамках «закона» — мы установили собственные правила. Мы и люди, такие как Кормак. Но если я скажу Хардин: «Мы сами обо всём позаботимся», - скорее всего, она не оценит моих слов.

Ой. О чём я только думаю? Возможно, по Кормаку кутузка плачет.

— Только не говорите, что это всего лишь пиарный ход, — сдалась Хардин. Её хмурый взгляд стал ещё более сердитым, если такое было возможным.

— Нет.

А все могло закончиться совершенно по-иному. Возможно, мне придётся благодарить Кормака.

— Я хочу поехать домой, если можно.

Я попыталась улыбнуться как скромная маленькая жертва.

— С вашим содействием нам будет намного проще привлечь этого парня к ответственности. Без вашей помощи я могу продержать его здесь лишь ночь, не дольше.

— Никто не пострадал. Все нормально, правда.

Детектив положила руку на стол и наклонилась ко мне.

— Из-за такого отношения мы и находим трупы молоденьких девушек.

Я заморгала, съёжившись от страха. Хардин выпрямилась и вышла из комнаты. Меня отпустили через десять минут.

У дверей полицейского участка ждали Карл и Ти Джей. Ти Джей приобнял меня за плечи, Карл обхватил локоть.

Я думала, что буду спорить с ними, обижусь и отмахнусь от их помощи, тем самым отстаивая свою независимость. Вместо этого я чуть не упала в обморок.

Я припала к Ти Джэю, обняла его крепко-крепко и прошептала срывающимся голосом:

- Я хочу домой.

Карл встал рядом, точно щит за моей спиной, и стал наблюдать. Он отвёл нас к своему грузовику, и меня доставили домой.

Они просто обнимали меня, и этого было достаточно. Я не хотела оставаться одна. Не хотела быть независимой. Я могла сказать Карлу: «позаботьтесь обо мне», и он бы выполнил моё желание. Половинка моей души хотела только свернуться у его ног и почувствовать себя защищённой. Это во мне говорила Волчица.

Я жила в квартире-студии, презентабельной, но маленькой: на одной стороне кухня, на другой ванная и все остальное в середине. Обычно я даже не застилала диван-кровать.

Ти Джей сел на диван, прислонился к стене, и я свернулась на его коленях точно щенок. Карл стал расхаживать между окном и дверью квартиры. Он был убеждён, что кто-нибудь явится за мной — Кормак ли пожелает завершить свою миссию или ещё какой-нибудь тип захочет убить меня из принципа. Меня это мало волновало: если рядом Ти Джей, мне не о чём беспокоиться.

— Что мне делать? — вздохнула я. — Меня выгонят с работы. А шумихи будет. Боже, я попаду на главный заголовок «Энкуайрер».

— Может даже в «Ньюсик», малыш, — пошутил Ти Джей, гладя моё плечо.

Я застонала.

Зазвонил телефон. Карл чуть не подпрыгнул до потолка и уж потом только кинулся к тумбочке. Я добралась до трубки первой.

— Алло?

— Китти. Это мама. Ты... как?

Я почти забыла. Как я только могла забыть? Я ведь молила о таком шансе.

Нужно было позвонить первой.

— Привет, мам.

— Черил звонила; она слушала твоё шоу и сказала... она сказала, что тебя чуть не убили, а ты сказала... сказала...

Черил — это моя старшая сестра. Я едва ли разобрала остальную часть лепетаний. Мама не могла заставить себя выговорить слово «оборотень». Мне пришлось много раз повторять: «Да, мама. Это правда, мам. Прости... нет, я не сумасшедшая. Нет, не думаю. Нет, я не могла сказать тебе... трудно объяснить. Нет, я не собираюсь умирать, по крайней мере, не сейчас. По моим подсчётам, почти три года. Да, так долго». Мама начала плакать.

— Да, я поговорю с папой. Да... Привет, пап.

— Привет, Китти. Как жизнь? — Он произнёс это так буднично, словно я только что позвонила из колледжа с признанием, что разбила машину, а он заверяет меня, что все будет хорошо.

Я вытерла слёзы.

— Словно контузило. Но я справлюсь.

— Я знаю. Ты хорошая девочка. Я знаю это и мама тоже. Она просто немного вышла из равновесия.

— Спасибо... твои слова много значат для меня. С ней все будет хорошо?

— Да, думаю, да. Уверен, если ты перезвонишь попозже, ей будет уже лучше.

— Хорошо.

— Ты одна? Ты не могла бы у кого-нибудь остаться? Хочешь, я приеду?

Вот только не надо, чтобы папа приехал и нашёл меня в постели со стаей.

— Со мной друзья. Они присматривают за мной.

Взяв с меня ещё три раза обещание перезвонить сегодня вечером, он повесил трубку.

Ти Джей улыбнулся.

— Я слышал его по телефону. Он сказал прекрасные слова. Тебе очень повезло с отцом.

Ти Джей не отпускал меня все утро. Чтобы ни произошло, он будет рядом. Он часть стаи, и он заботится обо мне

— Да, — ответила я. — Мне очень повезло.

Карл скрестил руки.

— Вот именно, — сказал он. — А теперь ты покинешь шоу.

Я прижала лицо к ноге Ти Джая. Я не ответила, не спорила. Перед лицом всех фактов Карл прав. Я должна уйти. Только я не знала, как объяснить ему, что не могу, поэтому промолчала. Ти Джей напрягся, словно понял, о чём я думаю.

— Он прав, Китти, — прошептал он.

Я закрыла уши. Не хотелось его слышать. Я села и отползла от Ти Джая, пока не оказалась на середине кровати, и он обнял мои колени.

— Разве ты хоть немного не подавлена, что Артуро нанял того парня?

Если даже это был Артуро. Я должна все выяснить. Возможно, Рик что-нибудь знает.

Карл ощетинился, подёрнул плечами и скривил губы в оскал.

— Дело не в Артуро, а в том, что ты подвергаешь себя опасности.

— Я должна выяснить стоит ли за покушением Артуро. Ты мог бы поговорить с ним. Ты поможешь мне?

Карл не ответил. Он просто впился в меня глазами.

Ти Джей переводил взгляд с меня на Альфу, ожидая некоего сигнала. Все же друг остановил взгляд на мне и произнёс:

— Если ты покинешь шоу, я вызову Артуро ради тебя.

Карл прыгнул на кровать. Я закричала. Ти Джей отпрянул, соскользнул с кровати и рухнул на пол. За секунду он перевернулся на четвереньки, но продолжил держать дистанцию. Карл прижал меня, поставив руки по обе стороны моей головы и придавив всем весом. Я задрожала и попыталась вырваться.

Я была не готова сражаться с Карлом.

— Я не торгуясь, — выщедил он сквозь зубы. Он покосился на Ти Джая, и тот покорно отвёл взгляд. — Ты сделаешь, что я говорю. Я позабочусь об Артуро.

Я не верила ему.

Я крепко зажмурилась, скрывая слёзы, и отвела взгляд, так как ощутила дыхание Карла на щеке. Он мог спокойно меня укусить. Я кивнула, желая только, чтобы он остановился, оставил меня в покое. Если мы люди, и это человеческие отношения, я должна уйти от него. Это было насилие.

Через секунду он сжал руки и крепко меня обнял. Он только хотел позаботиться

обо мне. Волчица так его любила.

Лишь к полудню я убедила их, что со мной всё в порядке. Я сказала, что мне нужен отдохн. Я должна вернуться в КНОПКУ и объяснить, что ухожу. Произнося эти слова, я сама верила в них.

Но к вечеру я разозлилась.

Все: секретарши, ассистенты, технари — уставились на меня, как только я прошла через вестибюль. Никто не вымолвил ни слова. Словно сон, где ты голый. Волчица — ей все понравилось. Все эти куски ходячей плоти, дрожащие как добыча. Но я держала себя в руках. У меня было много практики, как держать себя в руках.

Я не знала, что все подумали. Сколько из них посчитало, что я действительно оборотень, а кто решил, что у меня поехала крыша? В воздухе витали страх и любопытство.

Мне не удалось переговорить с Мэттом вчера ночью. Полицейские развели нас по разным комнатам для допроса. Я не знала, что он думал обо мне теперь. Он работал над шоу достаточно долго, и я была вполне уверена, что он поверил мне.

Мы столкнулись в коридоре. Мэтт с усмешкой передал мне обувную коробку, полную писем. Я взяла её, изучила его. Небольшой страх сжал челюсть. Плечи напряглись, сердце стало биться чуть громче. Но он сохранил спокойствие и остался стоять передо мной словно ничего не произошло. Вот за это я его и любила.

— С тобой всё хорошо? — спросила я.

— Да. А с тобой?

Я пожала плечами.

— Это странно. Всё теперь по-другому. Словно я отрастила вторую голову.

— Или хвост и когти... прости. Но — ты ведь настоящая, правда?

Я кивнула, и Мэтт покачал головой.

— Ты права. Это странно. Тот парень был прав. Китти довольно забавное имя для оборотня.

— «Китти» я ему никогда не прощу.

— Оззи в своём кабинете и хочет тебя видеть.

О, прекрасно. Я мрачно улыбнулась в знак признательности и продолжила идти по коридору.

Открыла дверь, и Оззи тут же поднялся со стула. Определённо он был возбуждён.

Я тоже. Я засунула коробку под мышку и прислонилась к дверному косяку. Что, чёрт возьми, ему сказать?

Тогда я поняла — я сделала покорный вид, но он не мог считать мои сигналы. Он мой босс, и такое поведение целесообразно, но всё же... Я приложила сознательное усилие, чтобы выпрямиться.

— Привет, Оззи.

— Китти. Это...

Я ждала его слов, извиняюще отведя взгляд. Не знаю, почему я почувствовала, что должна извиниться. Тогда Оззи смягчился и примирительно поднял руки.

— Ай, Китти, почему ты мне ничего не сказала? Ты не должна была держать это в секрете.

— Отчасти должна, Оззи. Есть люди, которым не нравятся такие как я. Могут возникнуть проблемы.

— Тебе нужно больше охраны? Мы предоставим тебе секьюрити...

И что Карл и Ти Джей скажут на это? Я как бы ухожу.

Я посмотрела на письма. Некоторые я ждала: сообщения из «Нэшинел Энкуайрер», «Ворлд Вайд оф Ньюс», «Неизвестного Мира». Но «Си-Эн-Эн» и «Ньюсик»?.. Чёрт, почему Ти Джей всегда прав?

Я покачала головой.

— Нет, у меня есть друзья. Всё в порядке. Так как всё аукнулось?

Он вручил мне лист с заголовком «Предварительные Рейтинги». Числа были... огромными. Но как же так?

— Нас засыпали просьбами повторить шоу. Предварительный опрос показал, что авторитетность шоу выросла до небесных высот вчера вечером. По крайней мере, среди людей, которые верят во всю эту чушь. Прежде тебе нужно было только говорить. Теперь ты знаешь о чём. Скептики думают, что всего лишь пиар-ход ради рейтинга, и готовы умереть лишь бы увидеть, как ты продолжишь вести программу. Ты напала на золотую жилу, Китти. Ты в деле?

Карл будет в деле. Я просто покажу ему половину гонорара после следующего продвижения. Он согласится, я не сомневаюсь.

— Душой и телом.

— Отлично... просмотрю сообщение от Говарда Стерна. Он хочет сделать

объединённое шоу, наподобие двойного интервью с приёмом звонков. Перекрёстный допрос публики, отлично звучит. Я переговорил с Барбарой Уолтерс...

— Я не выступаю на ТВ. И думаю, вы знаете почему.

На моём веб-сайте даже нет фотографии.

— Да, да, знаю. Даже в таком случае... ты станешь первой оборотнем-знаменитостью страны.

Что-то я сомневаюсь.

— Только первой признанной. Спасибо, Оззи. Спасибо, что приняли меня.

— В конце концов, ты всё ещё прежняя Китти? Эй, похоже, ты не спала со вчерашней ночи. Почему бы тебе не взять отгул на день? Только сначала перезвони Говарду Стерну.

Я позвонила Ти Джою как только вернулась домой. Гудок прозвучал пять раз. Я уж было подумала, что он вышел. Но тут он взял трубку.

— Это я. Я отправляюсь к Артуро. Ты со мной?

Глупо было ему звонить. Он все расскажет Карлу. Стопроцентно расскажет. Тогда у меня будут крупные неприятности. Но я должна была позвонить. С кем ещё мне поговорить?

Возможно, я надеялась, что он поможет мне без всяких препирательств.

— Ты бросила шоу?

Я не ответила. Кажется, я даже всхлипнула. Он вздохнул.

— Ты же сама прекрасно понимаешь, что не сможешь откупиться от Карла. Дело не в деньгах.

— Нет, не в них. А ты никогда не задумывался, почему я продолжаю вести шоу?

— Нет. Но я знаю, сколь много оно значит для тебя.

— Тогда, как ты можешь просить меня бросить шоу?

— Оно меняет тебя. Шесть месяцев назад ты никогда не спорила со мной. Боже Всемогущий, ты избегала драк.

Я закрыла глаза. Мой голос больше не дрожал.

— Разве меняться плохо?

— Ты уничтожишь себя. И не из-за таких людей как тот убийца.

— Я взрослая. Я могу позаботиться о себе.

— Нет, не можешь.

Вот в чём загвоздка, не так ли? Кто из нас прав?

— Ещё узнаем.

Я повесила трубку.

Я забуксовала на переулке за «Обсидианом». «Обсидиан» представлял собой изысканную картинную галерею, специализирующуюся на предметах старины и импорте. Но это место было лишь ширмой. На подземных этажах жил Артуро. Под шикарным фасадом в центре города скрывалось убежище, где местные вампиры прятались от дневного света.

Шесть месяцев назад идея в одиночку пойти в логово Артуро обездвижила бы меня от страха. Теперь, по крайней мере, я могла обдумать эту идею. Но я не могла сделать последние несколько шагов, которые привели бы меня к подвальной лестнице и двери. Я стояла в переулке, пряча ладони в карманах куртки. Полночь, полная темнота. В любой момент на лестнице может появиться свара кровососов. Они сочтут моё нахождение здесь нарушением границ и защитят себя. Я уже видела заголовки газет: «Ведущая радио-шоу убита в бандитской разборке».

Если мне повезёт, и я простою здесь достаточно долго, то возможно появится Рик, и я смогу получить совет. Или заставить его поговорить с Артуро. Он ведь задолжал мне за расследование дела Илайджи Смита?

В конце концов, страх взял вверх над гневом. Я помялась с минуту, развернулась и ушла. Я всё ещё просто детёныш.

Я дошла до угла, как меня схватили чьи-то руки. Нет, когти. Руки, превращающиеся в когти. Перед глазами поплыли звёзды, так как меня толкнули к стене, и голова ударила об кирпич. Кто-то держал мои плечи железной хваткой, вжал меня в стену, и когтями впился в горло.

Это был Ти Джей

Его пальцы уменьшились, руки утолщались: волк брал над ним вверх. Он душил меня. Его лицо всего лишь в дюйме от моего, глаза светятся золотом. Зубы обнажены, пропуская настолько низкий рык, что он вибрацией отдался по всем конечностям.

Я выпучила глаза, задыхаясь. Я больше ничего не могла сделать.

И тут Ти Джей заговорил, напрягая подбородок:

— Ты не повиновалась. Каждая частичка моего тела твердит мне выбить из тебя

всю дурь. Почему я должен остановиться?

Я сглотнула. Он мог разорвать меня, хотя всё ещё не бросил кожу. Я могу бороться с ним. Я знала, что могу... Волчица, закорчилась, крича о шансе бежать или биться. Я не могу избить Ти Джая в драке. Но это почти не имело значения. Я не плакала, не собиралась вот так ему подчиниться.

Мне стало страшно. Я не хотела бороться с Ти Джеем. Я должна сконцентрироваться и не наложить на него руки.

С трудом сделав вдох, я заговорила:

— Иногда мы должны прислушиваться к нашей человеческой половине.

Он вздрогнул. Его руки задрожали на моих плечах. Я не шевельнулась, выдержала его пристальный взгляд и увидела складки на лбу и в уголках глаз. Ти Джей был слишком сердит, чтобы сдержаться, но все-таки старался усмирить свою ярость. Пожалуйста, пожалуйста. Я надеялась, что он заметит мольбу в моих глазах, что он всё ещё достаточно человек и сможет распознать человеческие эмоции.

Он отпустил меня. Я осела напротив стены. Он уставился на меня, ухмылка коснулась его губ. Пот струился по его лбу и спутанным тёмным волосам. Я попыталась завести разговор, но не знала что сказать, а горло пересохло.

Ти Джей развернулся и убежал. Снял рубашку и выбросил её, когда заворачивал за угол. Клок синевато-серого меха показался на спине. Друг ушёл.

Я рухнула на землю и спрятала лицо в колени. Чёрт, чёрт, чёрт. Как я себя во всём впутала?

Прекрасно. Я не поговорила с вампирами и не вышла из шоу.

— ...я лишь говорю, что это крик о внимании. Может, вам обратиться к кому-нибудь, к врачу там или кому-нибудь ещё, обсудить вашу потребность в выбросе агрессии...

Я наклонялась к микрофону.

— Ну, и кто из нас взял на себя роль психолога-любителя? Скажу прямо, я ведущая популярного радио-шоу. Думаете, я хочу больше внимания? Следующий.

Весь вечер у меня в желудке словно крутились мельничные жернова. Я перепугалась до смерти. Не Карла или Ти Джая, хотя я не видела ни одного из них всю неделю. Близилось полнолуние. Я не знала что делать. Вернуться к стае и получить по мягкому mestu или справляться самой.

Нет, я боялась, потому что не имела ни малейшего представления, что произойдёт во время шоу. Я уговорила Оззи не звать гостя, как было запланировано заранее. Я хотела провести два часа за моральным очищением. Хотела открыть линию для звонков, чего угодно. Я оказывалась перед необходимостью объясняться — много раз.

Все было не так уж плохо. Как всегда ожидание хуже всего. Половина звонящих выразило свою поддержку, дружный хор преданных фанатов «Мы за вас стеной». Большую часть эфирного времени я потратила на благодарности. Немного недоверия, угроз, немного привычных советов. Много вопросов.

— Вы когда-нибудь убивали?

Тroe задали один и тот же вопрос.

— Нет. Я миролюбивая девушка.

— Как вы стали оборотнем?

— Я подверглась нападению. Кроме того, я предпочитаю не говорить об этом.

— Значит, это м-м-м травмирующий опыт?

— Да, это неприятное воспоминание.

Одна девушка позвонила мне с диким криком:

— Не понимаю, как вы это делаете! Как вы можете столь спокойно говорить о подобном?! Иногда мне хочется содрать с себя кожу!

Я заговорила как можно спокойнее:

— Не падайте духом, Клэр. Я знаю, что вы чувствуете. У меня тоже бывают подобные дни. Я много-много раз считаю до десяти. И думаю, разговоры помогают. Мне не страшно говорить об этом. Вы вот что скажите, что вы больше всего ненавидите в своём состоянии?

Её дыхание замедлилось, речь стала размереннее.

— Амнезии. Иногда, когда я просыпаюсь, я не помню, что делала. Я боюсь сделать что-нибудь ужасное.

— Почему?

— Я помню все ощущения. Помню вкус крови. И... и я помню, что мне понравилось. Мне хочется блевать.

Мне не нужно больше подбирать слова. Теперь я могу ответить ей из личного опыта, что было бы невозможно на прошлой неделе. До прошлой недели она бы, скорее всего, мне бы не позвонила.

— Думаю, что даже после обращения в нас остаётся много человеческого. Если мы хотим оставаться частью цивилизации, наша человечность никуда не денется. Она останавливает нас от совершения поступков, на которые мы способны. Наверное, отчасти, поэтому я здесь, веду это шоу и пытаюсь прожить относительно нормальную жизнь. Я пытаюсь облагородить собственного волка.

— И получается?

Хороший вопрос.

— Пока неплохо.

— Спасибо, Китти.

— Не торопи события, Клэр. Мой следующий слушатель, привет.

— Я так и знал. Печёнкой чуял, что вы оборотень.

Я узнала говорящего — не первый его звонок. Посмотрела на монитор и не ошиблась.

— Как ты, Джеймс?

— Я всё ещё один.

Объявление настолько простое и очевидное.

— Я почти боюсь спросить, но как ты узнал?

— Не знаю, — сказал он, и я представила, как он пожал плечами. — Вы знаете, о чём говорите. Я сделал единственно возможный вывод.

Нетерпеливый как щенок, он продолжил:

— Так на что это похоже? У вас есть стая?

Чёрт возьми, есть или нет? Больше не знаю. Я получила взбучку от Ти Джая, ослушалась Карла — когда я приеду на следующее полнолунье, не факт, что меня примут. Но я рискну.

— Да, есть.

— На что это похоже? На что *они* похожи?

Иногда оборотень нападает на людей и поблизости нет стаи, чтобы позаботиться о жертве, показать что произошло, научить как быть дальше. Должно быть, Джеймс один из них. Я не могу представить, как так можно жить. Ти Джей держал меня в первое полнолунье, в первое моё превращение. Так хоть немного было легче.

Я старалась быть честной. Хотя бы на данный момент.

— Как бы сказать. И с ними жить невмоготу, и самому никак.

— Как это понимать?

Сейчас не до шуток.

— Я очень ценю свою стаю. Она всегда была рядом в нужный момент. Но иногда я разочаровываюсь в них. Мне не хватает пространства для отстаивания своей точки зрения.

Интересно, слушают ли меня сейчас Карл или Ти Джей.

— Но вы думаете, что оборотни должны жить в стае.

— Я думаю, что стаи служат хорошей цели. Они держат оборотней под контролем, поэтому они не убегают охотиться на овец. Или маленьких детей — и, между прочим, это была шутка.

— Тогда вы не считаете, что оборотень может быть сам по себе?

— Я этого не говорила. Судя по личному опыту, это очень нелегко.

— О!

— Ты сказал, что ты один, Джеймс. Как ты справляешься?

— Д-да... никак.

Он повесил трубку, и по линии пошли гудки. Великолепно. Меня тошнит.

— Ясно. Спасибо за звонок, Джеймс.

Мэтт махал мне через окно, указывая на дверь в кабину. Там стоял Рик. Я не заметила, как он вошёл. Он прислонился к дверному косяку, как будто провёл здесь уже несколько часов, и устало махнул рукой.

Я повернулась к микрофону.

— Итак, у нас перерыв на рекламу. Вернёмся с новыми звонками. В эфире «Полуночный час».

Мэтт рубанул ладонью в воздухе, показывая, что мы вышли из эфира. Местным станциям нужно несколько минут на прогон рекламы и промо-акций. Я сняла наушники и подошла к двери.

— Привет, Рик.

Я попыталась казаться непринуждённой. Или он пришёл передать язвительное сообщение от Артуро, или хотел узнать, что я накапала на церковь Чистой Веры. А накопала я совсем немного.

— Здравствуй. А это известная студия.

— Да. Не хочу показаться грубой, но я должна вернуться через минуту. Чем я могу помочь?

— Я думал, мы можем обменяться информацией. Что ты выяснила об Илайдже Смите?

Значит, церковь. Я пожала плечами.

— Не густо. Невозможно поговорить с кем-нибудь, кто бы его знал. Несколько репортёров попытались проникнуть в его автоприцеп и потерпели неудачу. Я продолжу копать. У меня ещё осталось пара ниточек. Прости, что не могу пока дать больше.

Он скривил губы, маскируя разочарование.

— Ну, возможно твоё упорство окупится. Пока же...

Он передал мне конверт из обёрточной бумаги.

— Я слушал твоё шоу на прошлой неделе и решил, что это может тебя заинтересовать.

— Что это?

— Доказательство. Теперь у тебя нет причины крутиться у «Обсидиана».

Я подняла взгляд. Горло сжало в узел.

— Ты знаешь?

Он кивнул.

— Как и Артуро. Он разочарован, что ты не дала ему шанс обсудить все лично.

— Да. Не сомневаюсь.

Ну, и где предел моей тупости? Конечно, у Артуро везде охрана. Конечно, меня заметили. Добавь ещё одно очко за трусливое самосохранение.

Я взяла конверт и извлекла содержимое. Несколько странно освещённых фотографий в чёрно-белых тонах, как будто они сделаны камерой ночного видения. Лесная местность. Я узнала склон холма позади дома Карла и Мэг. Пара человек бежит с парой волков. Одно из лиц обведено в кружок. Моё, конечно. Несколько фотографий в последовательности показывающих, как я срываю одежду и мое тело трансформируется. Это копии снимков, которые навели Кормака на меня. Я сунула их обратно в конверт.

Ещё там лежало с полдюжины листов с информацией. Телефонные записи, короткое письменное соглашение — кто-то составил контракт, хотя это ещё не значит, что его *на самом деле* заключили. Сомневаюсь, что наёмные убийцы выдают свидетельства.

Рик не стал медлить с объяснением:

— Здесь телефонные звонки между Артуро и его посредником, и посредником и Кормаком. Посредник — женщина со связями из местной национальной дружины.

Кормак с ними работает. Она обсуждала с Артуро возможность, э-м-м, поступления на работу, так сказать. Она делает для него все что угодно.

— Что ещё ты знаешь о Кормаке?

— Он не работает задаром. Вот его расценки.

Он показал мне соответствующий листок бумаги. Я заморгала.

— Здесь много нулей.

— Много.

— Артуро так жаждет моей смерти?

— О, я не знаю. У него есть поддержка. Целый конгломерат недовольных.

— Кто ещё?

— Боюсь, я не знаю. Прости.

— Нет, тебе незачем извиняться. Спасибо и на этом.

Признаюсь, я осталбенела. Я чувствовала себя такой одинокой в последнее время, а Рик неожиданно пришёл мне помочь.

— Зачем ты мне помогаешь? Если Артуро узнает...

Рик небрежно отмахнулся, как будто только что дал мне взаймы пять баксов, а не спас мою задницу.

— Не волнуйся. Он не узнает. Можешь мне не верить, но некоторые из нас считают, что ты делаешь правое дело.

Всегда остаётся возможность, что Артуро подговорил его ради некоего подлого заговора... с неясной целью.

Рик заслуживает лучшего к себе отношения. Я пристыжено вздохнула.

— Спасибо. Не сделаешь копию для Кормака?

— Уже сделал.

— Спасибо, Рик. Я твоя должница.

На секунду он задрал голову к потолку.

— Ты же знаешь, я помог тебе, потому что это сведёт Артуро с ума.

Он моргнул, усмехнулся и ушёл также тихо, как и появился. Растворился в тени в другом конце коридора. Как вампир или типа того.

Мэтт выпучил глаза.

— Это э-м... м-м-м...

Он поднёс два пальца к губам и изобразил ими клыки.

— Ага. Итак, Мэтт, что теперь ты думаешь о своей работе?

Он покачал головой и тихо присвистнул.

— Не соскучишься.

На следующий день я нашла список телефонных номеров, лежащей поверх груды бумаг захламиившей весь стол: прогнозы рейтингов, копии стенограмм, письма без ответов, телефонные сообщения, газеты и журналы, которые я использовала для заготовки материала. На свежем «Ворлд Вайд оф Ньюс» красовался следующий заголовок: «Признания Китти Норвиль: рейтинг звёздных вампиров и оборотней!». Журналиги поместили фотографии Квентина Тарантино, Дэвида Боуи, Бритни Спирс (ась?) и... Билла Клинтона? Ага, как же.

Я попала на заголовок «Ворлд Вайд оф Ньюс». Должно быть, я действительно добилась славы и успеха. Вроде того.

Я сделала несколько звонков и вычеркнула некоторые номера из списка. Пообщалась с репортёрами, полицейскими, всеми, кто знал исчезнувших в фургоне Илайджи Смита. Даже связалась с сотрудниками «Неизведанного Мира», которые попытались ворваться в автоприцеп. У одного из них была теория, что Смит на самом деле работает на правительственные учёных, так как те испытывают недостаток в подопытных. Другой звучал немного более нормально, решив, что вокруг Илайджи Смита сформировался своего рода культ личности. Никто из них не верил, что Смит мог на самом деле кого-нибудь излечить. Но мы не могли знать наверняка, ведь мы не связались, ни с кем из его людей.

Никто его не покинул. Трейлерный городок рос. А если лекарство на самом деле существует?

Я отследила последнюю ниточку в Модесто, штат Калифорния, где автоприцеп припарковался две ночи назад. Полиция попыталась выгнать Смита за нарушение границ штата и вызванные беспорядки. Двое дежурных, которых отправили передать постановление, проснулись следующим утром в патрульной машине, совершенно не помня, что произошло с ними за последние восемь часов. Трейлерный городок исчез. Я попыталась связаться с теми ребятами, но видимо они всё ещё находились в больнице под наблюдением. Провисела два часа на телефоне, но никто так и не смог объяснить мне, что с ними произошло или где, по их мнению, может появиться фургон.

Пока я висела на проводе, одна из стажёров КНОПКИ принесла мне письмо. Она

влетела в комнату, передала мне послание и исчезла. На конверте не оказалось ни штампа, ни обратного адреса — значит, передано лично. Я должна не терять бдительности, но у меня возникло хорошее предчувствие. Посылка не несёт угрозы. Я вскрыла конверт и достала карточку. На ней была написана всего одна строчка: «Ты была права. Я твой должник» и дан номер.

Глава 7

— Здравствуйте, вы позвонили на «Полуночный час».

— Я хочу узнать об оргиях.

— Оргиях?

— Да, вампирских оргиях. Как мне узнать, где они проходят? Как мне принять участие в одной из них?

— Гм... давайте подумаем. Вы — вампир?

— Да.

— Тогда обычно приходит приглашение. Вы часть организованной семьи или одиночка?

— У меня есть семья, — возмущённо произнёс парень, словно я посмела предположить, что он не достаточно породист.

— Не все семьи проводят оргии. Я хочу сказать... какая именно оргия вам нужна?

— Ну как сказать... оргия. Ну, оргия!

Я почти видела, как его объяснение сопровождается неопределёнными пассами руками. Мысленные сигналы тревоги стали смолкать — они лишь немного поддергивались при подозрении, что меня обводят вокруг носа.

— А, оргия. Поняла. Сколько времени вы являетесь вампиrom?

— М-м-м... не слишком долго.

— Нет, а конкретнее. Сколько времени именно? Вы же должны понимать, что это «недолго» у некоторых вампиров такое разное. Если вас обратили ещё во времена Римской империи, то «недолго» может занимать несколько столетий, понимаете? Так какое у вас «недолго»?

— Гм... год?

Он искал правильный ответ, который произвёл бы на меня хорошее впечатление.

— Хорошо, как вас зовут... Дэйв. Ага. Ты не вампир.

— Но...

— А знаешь почему? У вампиров нет *оргий*. Ты просто ищешь горячего секса с сексапильными вампирскими крошками и думаешь, что вампирская оргия — место, где ты получишь желаемое, потому что наслушался всяких баек. Я права?

— Но... но... Я э-м...

— А знаешь что? Вампиры воспринимают секс совсем по-иному. Когда о сексе говорят вампиры и люди, они понимают под этим совершенно разные вещи. Вампиры не занимаются сексом, не попив крови. Фактически секс для них — синоним кормёжки. Ты этого хочешь, Дэйв? Если ты испытываешь желание всенепременно стать основным блюдом, иди, ищи, потому что я могу описать во всех подробностях, что эти крошки с тобой сделают.

— Но... как же... истории... я слышал...

Легковерный и невразумительный. Просто милашка.

— Следующий гость, вы в эфире. Брюс?

— Гм, привет, да. Я хотел узнать, могу ли я получить телефонный номер убийцы, который приходил на ваше шоу в прошлом месяце?

— Вы имеете в виду Кормака? Вы хотите телефонный номер Кормака? — Я не смогла скрыть раздражения. — Того самого Кормака, который пытался меня убить?

— Да.

— А можно узнать зачем?

— Ну, понимаете... Я просто хотел спросить, нужен ли ему ассистент или ученик, или ещё кто-нибудь.

— Так значит, Брюс, ты хочешь стать охотником на оборотней?

— Да.

— Это опасный вид работы. Ты когда-либо видел оборотня в действии?

— Гм... по телевизору. Ну, в «Неизведанном Мире» и все такое.

— О боже, видео на том шоу такое фальшивое. Позволь описать, на что в действительности похоже нападение оборотня. У среднестатистического оборотня четыре набора когтей, как у тебя пальцев. Двухдюймовые клыки. Давление челюсти в пять раз больше человеческого. И оборотни быстры. Преодолевают милю за две минуты. А ты так можешь, Брюс?

— Э-м-м...

— Ты умеешь стрелять?

— Э-м-м...

— Знаешь, сколько времени понадобиться среднестатистическому оборотню, чтобы разорвать взрослого оленя?

— Нет...

Я сладенько улыбнулась. По радио не передать лица, но голос все компенсирует.

— В последний раз у меня ушло около пяти минут. И я обычный среднестатистический оборотень.

Клянусь, я слышала, как Брюс сглотнул.

—Ничего себе.

— Прости, Брюс, но бесплатная реклама охотников на оборотней не в моих интересах. Ты же понимаешь о чём я? Спасибо за звонок.

Я подавила внутреннюю дрожь. Люди не прекращали задавать вопросы о Кормаке, и это начинало действовать на нервы

— Наш следующий гость. Бетти, ты в эфире. Что ты хотела спросить?

—Привет, Китти. Я просто хотела узнать, ты в прошлом месяце ходила с Кормаком на свидание?

У меня отвисла челюсть. Мне понадобилось целых пять минут, чтобы прийти в себя и ответить:

— Чего?

— Ты ходила с Кормаком на свидание?

— Мы говорим о том Кормаке, который попытался убить меня в прямом эфире, да? Парне, который убивает оборотней ради проживания?

— Угу.

— И ты хочешь узнать, встречаюсь ли я с ним? Почему ты решила, что это хорошая идея?

— Ну, я как бы почувствовала между вами связь, когда он был на шоу.

— Ты почувствовала что-то. Ты экстрасенс?

— Да нет.

— Эмпат?

— Нет.

— Ясновидящая?

— Нет.

— Тогда, какого чёрта ты думаешь, что мы встречаемся? Конечно, ты что-то почувствовала! Он выслеживает оборотней. Я оборотень. Отношения охотник-жертва, вот что это было. Он хотел убить меня. Я была готова защитить себя, в ход могли пойти когти и пули — пахло горячим. Именно это ты и почувствовала.

— Но он не убил тебя. Ты справилась. Он так мило говорил. И голос такой славный. А сам он симпатичный?

— Ну, да, вроде. Если только ты сохнешь по парням, которые носят револьверы в кобуре.

— Просто ты всегда так волнуешься, когда упоминают Кормака, что я подумала, может между вами не все решено.

— Он пытался убить меня! Какое ещё объяснение вам нужно? Перехожу к следующему звонку. Здравствуйте!

— Гм, привет, Китти. Ну, вопрос я забыл. Но последняя идея — о свидании и все такое. Разве не интересное предложение, как думаете?

— Нет. Нет, я так не думаю, категорически.

— Ну, просто, вы всегда говорите о сверхъестественном расовом понимании, и могли бы... создать мост. Это было бы дипломатично.

Дипломатично. Ага. Мне пришлось очень сильно постараться, чтобы дать дипломатичный ответ:

— Простое напоминание — это моё шоу. Предполагается, что это я даю паршивый совет.

Я просмотрела список звонков, ища вопрос не связанный с охотником на оборотней.

— Привет, Ингрид из Миннеаполиса.

— Привет, Китти. Я просто хотела сказать, что я оборотень уже как десять лет, и я женат на самом замечательном человеке в мире. Он защитник дикой природой. Мы живём душа в душу, просто стараемся всегда друг друга слушать.

В студии стало душно. Я начала обмахиваться листом с памятками.

— Ничего себе, Ингрид. Очень интересно. Можно поинтересоваться, как вы познакомились?

— Ну, это была ночь полнолуния...

Я читала между строк и была готова поспорить, что у мистера Ингрида фетиш на мех. Бывает. Но, кажется, они счастливы и именно это имеет значение, верно?

— ...так что я не позволю вашему предубеждению против охотников за головами разрушить отношения, которые могут перерости в прекрасную любовь.

Сдерживая голос насколько возможно, я отчеканила:

— У меня нет предубеждения против охотников за головами. У меня предубеждение против людей, которые пытаются меня убить.

Мэтт яростно махал в окне кабины.

— Китти, перейди на вторую линию.

— Что? Зачем? — Я проверяла монитор. — Имя не указано. Ты его не проверял?

— Просто ответь на звонок.

Я переключила линию.

— Да? Что такое?

— Норвиль, это Кормак. Если ты сейчас же не сменишь тему, я приду с тобой серьёзно поговорить.

Кормак. Чёрт. Мне странно польстило, что он тоже слушает шоу.

— Я пыталась сменить тему.

Хотя он это знает из последних пятнадцати минут. Интересно, что будет, если я его спровоцирую.

— Но эй, спасибо за звонок. Так, тебя выпустили из тюрьмы.

— Окружной прокурор не захотел поддерживать обвинение без твоих свидетельских показаний. Вышел чистеньkim.

— И ты когда-либо ходил на свидание с оборотнем?

Двухсекундная пауза.

— Не твоё дело.

Он стал отрицать. О, как интересно.

— А если бы твоя девушка подверглась нападению, заразилась ликантропией и стала оборотнем? Ты бы поставил на ней крест? Чувствовал бы глубокое инстинктивное желание убить её?

— Меняй тему. Я серьёзно.

— Кормак, когда в последний раз ты ходил на свидание?

Одна из сложностей ведения радиошоу состоит в том, что ты делаешь оценки лишь по голосу. Я не могу видеть лиц и их выражений и должна быть внимательна к интонациям голоса, чтобы судить о настроении и реакции. Поэтому хоть и я не видела лица Кормака, по лёгкости в его голосе я могла сказать, что он усмехался.

— Норвиль, а когда ты в последний раз ходила на свидание?

Щёлкнула телефонная линия.

Ублюдок.

— Это, мой друг, не твоё дело, — сказала я в микрофон.

Я выпрямилась, нацепила улыбку и подумала о чём-нибудь счастливом. Мои когти вокруг горла Кормака. Руки так и чесались.

Несколько дней спустя я всё ещё пыталась очистить ту самую груду дерьма на столе, когда раздался телефонный звонок.

— Здравствуйте. Как поживаете, мисс Норвиль?

Это был парень из ЦКЗ, отдел паразитической биологии, на какую бы организацию на самом деле он не служил. Стоило догадаться, что он снова позвонит.

— Привет, господин Аноним.

— Что, простите?

— Проехали. Чем могу быть полезна?

— Ничем особенным. Я просто хотел поговорить.

— И в прошлый раз вы звонили за этим. Да вы просто одержимы мной.

— Я должен быть осторожен. Не думаю, что вы осознаете моё положение...

Я сердито выдохнула.

— Конечно, нет. Вы же не представились!

Сейчас я была уверена, что он всего лишь какой-то шизик с манией величия, который пытается сделать меня частью своей параноидальной фантазии. С другой стороны, кроме этого, он возможно действительно правительственный шпион.

Мужчина раздражённо вздохнул.

— Я хотел поговорить о вашем признании. Я заинтригован. Вы раскрыли свою личность. Это очень храбрый поступок.

— Почему?

— Вы раскрылись. Но вы также создали возможность. Быть может, вы облегчили

мне работу.

— Вы так и не сказали, в чём она заключается.

— Думаю, вы знаете больше, чем делаете вид.

Он упомянул Центр исследования парастественной биологии. Должно быть, он связан с тем проектом, связанным с написанием отчётов для правительства.

— Давайте проверим, правильно ли я догадалась, — сказала я. — Созданная моим шоу гласность в некотором роде придаёт вес исследованию. Вы пытаетесь привлечь внимание, и моё шоу открывает для вас дверь. Выполняет хлопотную работёнку за вас. В недалёком будущем люди потребуют разглашения.

— Это вполне вероятно.

Казалось, он улыбался от радости.

— Я могу задать несколько вопросов?

— Я сохраняю за собой право не ответить.

— О, конечно. Почему исследование не получило больше гласности с самого начала? Прошло больше года. Оно не засекречено, а просто... проигнорировано.

— Как ни странно, секретность привлекла бы больше внимания, а некоторые люди этого не хотят. Что касается разглашения... тайна — мощный инструмент некоторых сообществ.

Вампиров, например. У меня паранойя на этом пункте.

— Следующий вопрос. Как вы заставили испытуемых принять участие? Говоря об упомянутой вами секретности, почему именно они подверглись исследованию?

— Я могу задать вам вопрос?

— Конечно.

— Если бы лечение существовало, вы бы им воспользовались?

Спустя несколько месяцев после атаки, когда прошёл шок, и я снова начала находить опору в мире, я провела большое исследование: прочитала о волках, изучила весь фольклор, который только смогла достать. Множество историй описывало путь к исцелению. Уничтожь волка, который обратил тебя в оборотня. Этот вариант мне не попробовать. Выпей чай из аконита волчьего перед новолунием. Меня от него стошило.

Затем я сдалась, поскольку моё положение не такое уж и плохое, правда.

— Я не знаю, — сказала я, наконец. — Имя Илайджа Смит вам о чём-нибудь говорит?

— Нет. А должно?

— Возможно, он вас заинтересует. Вы же это ищете? Исцеление?

— Скажите мне — с кем вы говорите, когда нуждаетесь в совете?

Что это, игра в вопросы?

— Вы предлагаете стать моим барменом?

— Нет. Я просто... я уважаю вас. До свидания, мисс Норвиль.

— Постойте...

Но он уже повесил трубку.

Мне нужно выпить. Мне нужен телохранитель.

Телефон снова зазвонил, и я почти выпрыгнула со стула. Клянусь богом, если бы не шоу, я бы засекретила свой номер.

— Алло?

— Мисс Норвиль?

— Здравствуйте, детектив Хардин.

— Вы меня помните. Хорошо.

— Ту ночь я вряд ли забуду.

Вероятно, это была вторая самая страшная ночь в моей жизни.

— Нет, думаю, что нет. Я хотела узнать, не могли бы вы дать небольшую консультацию по одному делу.

— По поводу чего?

Пауза. Я могла слышать, как она глубоко дышит по телефону, словно собираясь с духом.

— Преступления. Убийства.

Я закрыла глаза.

— И вы думаете, что в этом замешан сверхъестественный мир.

— Вполне уверена. Но я хочу услышать чужое мнение прежде, чем начну поднимать шум. Ситуация может вылиться в кошмар.

Это она мне говорит? Нужно лишь чтобы один вампир-одиночка высушил досуха очаровательную десятилетнюю девочку.

— Вы знаете, что у меня нет специального образования, и я не разбираюсь ни в судебной экспертизе, ни даже в оказании первой помощи.

— Я знаю. Но вы единственный известный мне человек, кто хоть как-то знаком с этим предметом.

— За исключением Кормака, да?

— Я ему не доверяю.

И всё же что-то в этом есть — полицейский больше верит монстру, чем убийце монстра. Возможно, с шоу есть польза, в конце концов. Возможно, моё откровение во благо.

— Мне нужен водитель.

— Уже еду.

Хардин подобрала меня на немаркированном полицейском седане. Отъехав от бордюра, детектив начала бессвязный монолог. С виду обычный трёп, но костяшки её пальцев побелили, а лоб исполосовали морщины. Она курила, сосала сигарету, словно в первый рабочий день, стряхивая пепел в опущенное окно.

— Я начала слушать ваше шоу. Та ночь с вызовом на вашу станцию показалась такой странной... мне стало любопытно. Мне до сих пор любопытно. Я все время изучаю новое. Я просмотрела все наши смертельные случаи с разрыванием на части за последние несколько лет. Большинство из них слишком стары, чтобы раздобыть хоть какое-то доказательство и пойти по следу, в некоторых мы ловили животное, которое это сотворило. Но теперь... не думаю, что могу списать подобный случай на нападение диких собак. Вы переубедили меня. Вам ли, ребята, не знать, как отрывать людям головы.

Она искоса посмотрела на меня с мрачной улыбкой на лице. Её тёмные волосы были убранны в короткий конский хвост. Светло-карие глаза. Никакого макияжа. Функциональная одежда: рубашка, брюки и спортивная куртка. Ни капли гламура. Детектив Хардин до предела честная женщина.

Я прислонилась к дверце у пассажирского сидения.

— Мы *не все* отрываем людям головы.

— Ясно. Так или иначе, год назад в подобном случае я искала бы стаю диких динго, сбежавших из зоопарка. Но теперь...

— Вы сомневаетесь. Как всё плохо?

Хардин сжала руль.

— Я не знаю. У вас крепкий желудок?

Я заколебалась. Я регулярно ем сырое мясо, но не из-за личных предпочтений.

— Это зависит от того, что я делаю, — увильнула я от ответа.

— Что вы этим хотите сказать?

Как объяснить, что это зависит от того лапы у меня или ноги? Вдруг мои слова испугают Хардин. Она может попытаться меня арестовать. Лучше всего уйти от ответа.

— Не берите в голову.

— Она была проституткой, восемнадцать лет. Труп найден в трёх частях. Не считая мелких фрагментов. Зубчатые раны указывают на следы укусов и клыки крупного хищника. Ос... оставленная масса не равняется исходной массе жертвы.

— Блин, — пробормотала я, потирая лоб. Жертву съели. Возможно, я не готова к такому.

— Вчера ночью не было полнолуния, — отметила детектив. — Это всё ещё мог сделать оборотень?

— Оборотни могут обращаться в любое время, когда захотят. Ночи полнолуния — единственное время, когда они вынуждены это делать.

— Как мне узнать, что убийца — ликантроп, а не большая агрессивная собака?

— По запаху, — выпалила я, не подумав.

— Что?

— Запах. Ликантропы пахнут по-другому. По крайней мере, с точки зрения другого ликантропа.

— Ясно, — протянула Хардин. — А если под рукой нет такой «ищёйки»?

Я вздохнула.

— Если сможете найти ДНК нападавшего, то по маркёрам. У ЦКЗ есть малоизвестный доклад, касающийся особенностей маркёров ДНК оборотней. Я отправлю вам ссылку. Вы уверены, что это не большая собака?

Если напавший был оборотнем, то он должен быть из стаи Карла. Но я сомневалась, чтобы кто-нибудь из них решился бы поохотиться в городе или уйти в самоволку. Пришлось держать ответ перед Карлом. Если же в город забрёл чужак, то Карл наказал бы наглеца за вторжение на чужую территорию.

Я боялась увидеть место преступления. Если я почувствую там стаю, если пойму, кто конкретно убил девушку — выложу ли я Хардин всё как есть или придумаю оправдание, пока не обсуджу всё с Карлом? Я нервно забила пяткой по полу. Хардин покосилась на меня, и я перестала.

Мы ехали к Капитолийскому холму, плохой части города даже для таких людей, как я. Множество полуразрушенных одноэтажных домов, заросшие дворы, бандитские

тачки, разъезжающие по перекрёсткам при свете дня. Целая улица была огорожена полицейскими автомобилями и жёлтой лентой. Один из полицейских помахал Хардин. Она припарковалась на обочине около переулка. Рядом стояла карета скорой помощи, а место преступления кишело людьми в униформе и пластиковых перчатках.

Кроме того, в конце улицы мелькали фургоны трёх различных каналов новостей. Операторы держали видеокамеры, репортёры в опрятных костюмчиках притаились поблизости. Полицейские не давали им подойти, но операторы нацелили своё оборудование, словно крутили фильм.

Я спряталась за спиной Хардин, и мы пошли к месту преступления.

Детектив переговорила с мужчиной в деловом костюме и представила нас.

— Китти Норвиль, детектив Салазар.

Глаза детектива расширились, и он ухмыльнулся.

— Наша волчья знаменитость?

— Да, — ответила я, чуть ли не с вызовом.

Я протянула руку. На минуту мне показалось, что детектив не пожмёт её, но я ошиблась. Салазар на шесть дюймов выше меня, и вид у меня не страшный. И улыбка обаятельная.

Салазар обратился к Хардин:

— Ты уверена, что это хорошая идея? Если те ребята пронюхают, что она здесь, то не отклеяется, — указал он большим пальцем через плечо на фургоны новостников.

Вот только моей фотографии не хватало во всех вечерних новостях с заголовком: «Оборотни рыщут по даунтауну».

— Я прослежу за ними. Она консультант, только и всего.

Слишком поздно. Мы уже привлекали внимание. Одна из камер указывала на нас. Репортёр в строгом костюме с юбкой перевела взгляд на камеру, затем на нас. Как только мы оказались в их поле зрения, остальные команды стали усиленно искать, что же заметили их конкуренты. В джинсах и свитере, я выделялась как гражданское лицо в мести, куда полицейские обычно гражданских непускают. Медейники начнут задавать вопросы. Я демонстративно развернулась к ним спиной.

— Не люблю камеры, — призналась я. — Мне бы не хотелось, чтобы общественность узнала, как я выгляжу.

— Хорошо.

Хардин смеялась, загораживая обзор камер.

— Салазар, проводи репортёров в здание и удостоверься, что они не попытаются снимать из окон.

— Будет сделано.

— Хорошо. Это не займёт много времени.

— Давайте просто закончим со всем поскорее, — предложила я.

Салазар провёл нас к переулку.

Я видела, что могут делать оборотни и вампиры, когда они теряют свою человечность и знают лишь кровь и резню. Измельчённая оленина. Повсюду потроха, полдюжины волков роется в корпусе животного. Я думала, что знала чего ожидать. Но реальность оказалось совершенно иной.

Её глаза были открыты. Кровь запеклась на тёмных волосах и обрызгала безжизненное лицо, но первым я увидела глаза, стеклянные и сверкающие. Голова лежала приблизительно в четырёх футах от остальной части трупа. На секунду мой взор затуманился чёрными пятнами. Расчленённые фрагменты. Ноги валяются в одной стороне, обнажённые руки и туловище скручены в другой, одежда порвана прямо вместе с ними. Вытащенные органы — яркие, тёмные куски — лежат между. Как брак в мясной лавке, который жалко выбросить на улицу всем на глаза.

Хуже всего, что я понимала, как убийца всё провернул. Когти распарывают живот, отводя в противоположные направления, челюсти на горле...

Я человек и не могла такого сотворить. Я не могла даже *думать* о таком. Но Волк мог. И сделал. На секунду я забыла, кто я на самом деле, застряла между двумя сущностями.

Я должна помнить кто я.

Я прикрыла рот и отвернулась.

Какой-то шутник в униформе рассмеялся.

— И вы ещё называете себя монстром.

Я моргнула — другой волк воспринял бы эти слова как вызов. Но этот клоун не мог читать сигналы.

— Я никогда и никому не отрывала голову, — отвела я.

Хотя я чуть не проделала такое с Заном...

Ко мне подошла Хардин.

— Она — третья в одинаковом М.О¹⁶. за последние два месяца. Первые два случая были списаны на нападения диких животных. Койотов, например. Тогда я начала копать. Мы выяснили, что слюна на укусах принадлежит человеку. В основном.

Я вышла из переулка и прислонилась к стене. Итак, могут ли оборотни на самом деле преодолеть свою природу и стать полноценными членами общества, или я просто сотрясаю воздух пустыми словами? Я не хотела верить, что убийца — ликантроп. Хардин неправа; это было животное....

Я закрыла глаза и глубоко вздохнула.

Запах крови и гниения резко ударил в нос. Жертва лежала здесь с прошлой ночи. Падаль, подсказала слово моё второе «я», вызывая слюноотделение. А ну прекрати. Я сосредоточилась на незаметных запахах, которые дразнил нос, точно лучик солнечного света, играющий на слегка колеблющейся воде.

Дёготь и асфальт. Выхлопные газы автомобиля. Хардин недавно чистила зубы. Мята и табак. Крысы. И... вот оно. Животный запах, несочетающийся с характерными ароматами города. Мускусный и ярко выраженный. И всё таки человеческий. Мужской. Он пах кожей и мехом.

Я не распознала отдельные ноты аромата. И при этом он не пах моей стаей — группой Карла. Чуть камень с души не упал. Вот только след означал, что у нас по территории бродит чужак.

— Это оборотень, — сказала я, открывая глаза.

Хардин сощурилась на меня.

— Ваш друг?

Я заморгала.

— Нет. Давайте кое-что проясним. Вы попросили у меня помощи, но если собираетесь меня подозревать, я ухожу.

— Извините, — ответила Хардин, вскинув руки. — Но если я правильно поняла из вашего шоу, у вас есть стаи, верно? Я могу предположить, что вы знаете других оборотней в городе?

Она сделала домашнюю работу, мне пришлось проявить сдержанное восхищение. Она стояла близко — но не в пределах досягаемости — рука подпирала стену. Больше на её лице не читалось любознательность. Она не обращалась ко мне за ответом. Она

¹⁶ Modus operandi (сокр. М.О.) — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия». Данная фраза используется в юриспруденции для описания способа совершения преступления.

подозревала меня.

— Вы привезли меня не в качестве консультанта, — поняла я. — Вы думаете, что я могу назвать имя убийцы. Вы хотите меня допросить.

Она наклонила голову на мгновение; когда она снова посмотрела на меня, её решительное выражение подтвердило догадку.

— Вы сказали, что смогли различить запах. Если вы знаете кто убийца, то должны рассказать мне.

— Я не знаю кто убийца. Вы должны мне поверить.

— Я могу привлечь вас к делу как важного свидетеля.

— Свидетеля?! Я ничего не видела!

— Вы обладаете доказательством, которого нет у наших судебных экспертов. Это делает вас свидетелем.

У меня закружилась голова. Хардин ввязала меня в заваруху, но никак не сможет удержать. Прецеденты, юридические прецеденты... мне нужен научный ассистент. О чём это я? Не будет никакого прецедента.

— Вы узнаете убийцу, если с ним встретитесь?

— Да. Думаю, что да.

— Тогда оставайтесь на связи. Сообщите мне, если что-нибудь выясните. Это все, что я хочу.

Она хотела, чтобы я стала свидетелем чёртового преступления, к которому не имела ни малейшего отношения. Стерва-манипуляторша.

— Суд ни за какие коврижки не будет слушать свидетеля, распознавшего убийцу по запаху. Судья просто не будет знать, что делать с таким свидетельством.

— Пока что, — ответила Хардин с кривой усмешкой. — Дайте мне минуту, и я отвезу вас обратно на студию.

Один из репортёров, женщина в костюме, поджидала нас у машины Хардин. За её плечом стоял оператор, камера светила прямо на нас.

— Блин, — пробормотала я.

Хардин нахмурилась.

— Не обращайте внимания. Идите вперёд, словно их тут нет.

— Они же не могут передать моё изображение без разрешения?

— Могут. Извините.

Я сгорбила плечи и наклонила голову, не желая терять достоинство и закрывать лицо. Кроме того, было слишком поздно.

Репортёрша увернулась от Хардин и подошла прямо ко мне, вытягивая микрофон.

— Анджела Брайант, КТНК. Вы Китти Норвиль, ведущая радиошоу? Как вы замешаны в этом происшествии, мисс Норвиль? Вы свидетель? Эти убийства дело рук сверхъестественного?

На этот раз я держала рот на замке и позволила Хардин усадить меня в машину. Детектив молча прошла к водительскому сидению. Я подпёрла коленом дверцу и прикрыла лицо рукой.

Мы уехали.

— А вы застенчивы для знаменитости, — отметила Хардин.

— Мне всегда нравилось радио за его анонимность.

Мы остановились перед студией. Я уже хотела выйти из автомобиля — точнее, как можно невиннее высколизнуть из него — но Хардин меня остановила.

— Ещё один вопрос.

Я приготовилась. Детектив сунула руку в карман пальто.

— Я чувствовала себя такой идиоткой, отправившись искать их. Но оказалось их проще найти, чем я думала. Видимо, для таких товаров есть целый рынок. Я должна знать — они помогут?

Она раскрыла ладонь и продемонстрировала три блестящих серебряных девятимиллиметровых пули. Я уставилась на них, словно мне под нос сунули ядовитых змей.

— Да, — ответила я. — Они помогут.

— Спасибо. — Она положила пули в карман. — Наверное, стоит купить пару крестов.

— Не забудьте про деревянные колы.

Быстро помахав рукой на прощание, я сбежала прежде, чем разговор пошёл бы ещё дальше.

Глава 8

Телефон прозвонил восемь раз. Неужели у парня нет голосовой почты? Я уж решила было сдаться, когда трубку наконец взяли:

— Да.

— Кормак? Это Кормак?

Долгая пауза, и затем:

— Норвиль?

— Да. Это я.

— Ясно.

Ещё одна долгая пауза. Какой он... лаконичный.

— И зачем ты мне звонишь?

— Я только что общалась с копами. Слышал о серии убийств в даунтауне? Это оборотень. Я распознала запах. Работал одиночка.

— И что ты от меня хочешь?

Я знала его расценки. Несмотря на успех шоу, я не могу нанять его на поимку преступника. Неужели я надеялась на доброту сердечную?

— Не знаю. Просто будь бдителен. Возможно, я не хочу, чтобы ты подумал, что это моих рук дело.

— Откуда мне знать, что ты сейчас не лжёшь?

Я вздрогнула:

— Ниоткуда.

— Не волнуйся. Ты же сама призналась, что безобидна, так?

— Да, — слабо прошептала я. — Да.

— Спасибо за наводку.

Он повесил трубку.

Ну почему все вот так грубо вешают трубку? Я никогда так резко не обрываю разговор. По крайней мере, вне шоу. Ну, иногда.

И тут до меня дошло — я первым делом поговорила с охотником на оборотней, а не с Карлом.

И всё же рассказать придётся. До сих пор я избегала его, но завтра полнолуние, и я не хочу провести его в одиночестве. Конечно, Карл не оставит без внимания факт, что я всё ещё веду шоу. Я отчасти надеялась, что смогу тихонько прийти и незамеченной смешаться со стаей. Это столь же вероятно, как воротить нос от непрожаренных стейков Ти Джэя. Вопрос в другом: в которой из ситуаций — просто прийти или приехать заранее — может улыбнуться удача, и мне не станут вправлять мозги на место. Или, по крайней

мере, будут вправлять не так болезненно.

Возможно, было бы проще, если бы Кормак застрелил меня.

Сначала я позвонила Ти Джою. Под ложечкой засосало. Казалось, меня скрутит спазм, пока он подымет трубку. Я не говорила с ним после ночи у «Обсидиана».

Он ответил. Живот болезненно сжался. Но я всё ещё чётко слышала голос собеседника.

— Это я. Нужно поговорить. С тобой, Карл и Мэг.

Он долго не отвечал. Я прислушалась — будет ли он биться головой о стену? Рычать?

И тут он ответил:

— Я за тобой заеду.

Я ехала за спиной Ти Джоя, держась за него только чтобы не упасть. Мы не разговаривали. Я поджидала его на обочине, напрягая и ссутулив плечи. Он остановился, и я не посмела посмотреть ему в глаза. Оседлав мотоцикл, я сжалась в комок. Ти Джей обернулся и взъерошил мне волосы, быстро провёдя рукой по голове. Не понимаю к чему это. Я сожалела только о том, что он сердится на меня, но не испытывала вины за свои слова или действия. Я не хотела бороться с ним и не хотела покоряться. Иначе бы пришлось признать, что он прав. Я терялась в догадках. Он коснулся меня и значит... и значит, всё не так уж плохо.

Мы остановились перед домом Карла и Мэг. Ти Джей слез с железного коня. Я не шелохнулась. Я не желала встречи.

Ти Джей скрестил руки.

— Ты же сама этого хотела?

— Он убьёт меня.

— Да ладно.

Он схватил меня за загривок и потащил. Я споткнулась о мотоцикл и позволила тянуть себя словно прогульщицу.

Ти Джей открыл парадную дверь и втолкнул меня внутрь.

Карл и Мэг были на кухне, сидели у стойки, словно ждали нас. Видимо, Ти Джей позвонил им и предупредил. Мэг опиралась локтями о стойку; Карл сидел спиной. Оба выпрямились. Внезапно я почувствовала себя словно на трибунале. Вырвалась из хватки

Ти Джей. В конце концов, я могу стоять на своих двоих.

Карл встал передо мной скрестив руки и прожёг взглядом.

— Ты не бросила шоу. Что можешь сказать в своё оправдание?

Уехав из родительского дома, я решила, что избавилась от подобных сцен.

Я пожала плечами.

— Я получила повышение.

Он отвёл руку для удара, и я пригнулась. Мы оба замерли: он с поднятым кулаком, а я с согнутой спиной и дрожащими коленями. Затем Карл расслабился, и я сделала то же самое: медленно выпрямила спину, ожидая, что он передумает и все-таки ударит.

Ужасное начало. Но Волчица хотела лишь поджать хвост и выть, пока Карл не скажет, что снова любит нас.

Карл вытянул руки вдоль туловища и сжал кулики.

— Ты можешь хоть слово сказать, не пытаясь довести собеседника до белого каления?

— Нет.

Карл стал расхаживать по кухне. Мэг, скрестив руки, впилась в меня взглядом. Я съёжилась и попыталась всем видом показать раскаяние, но Альфа на это не купилась.

Остаётся только переть как трактор, раз я здесь. Что мне однажды сказал один чудаковатый профессор по философии?

«Самое худшее, что может произойти с нами в жизни? Мы умрём. А мы не знаем к худу ли это...»

Ах, вот поэтому я выбрала в специализацию английскую литературу.

Но я пришла говорить не о себе.

— Ко мне приезжала полицейская...

— Что?! — воскликнул Ти Джей, обхватывая моё плечо. Карл и Мэг кинулись ко мне.

Я пригнулась и развернулась, избегая хватки Ти Джея, и, убежав в гостиную, спряталась за диваном.

— Просто послушайте. Вы должны выслушать меня, чёрт возьми!

Диван не стал им помехой. Ти Джей зашёл с одной стороны, Мэг — с другой. Карл казалось, собирался перелезть прямо через грядушку. Я попятилась к стене, задаваясь вопросом, смогу ли я перепрыгнуть.

Пришлось объясняться в спешке.

— Мне позвонила детектив. Полиция ловит серийного убийцу — дела с разорванными трупами. Сначала они думали, что на жертв нападало животное, дикая собака или что-то типа того. Но теперь они считают, что преступник один из нас. Они попросили у меня помощи. Сегодня… меня отвезли на место преступления.

Моё дыхание сбилось. Пока я рассказывала о произошедшем, сцена встала у меня перед глазами, и я вспомнила тот запах. Воспоминание что-то делало со мной, будило другую половину. Кожу обдало жаром; я потёрла лицо.

— Я видела труп. Обнюхала его… Я распознала запах… они правы. Это оборотень, но я не узнала его. На нашей… вашей территории разгуливает чужак.

Вжимаясь в стену, я скользнула на пол, пряча лицо в руках. Я больше не могла говорить: я вспомнила запах, и мне стало дурно. Волчица вспомнила и проснулась. И она была голодна. Я держалась за ощущение своих конечностей, человеческих конечностей и форме тела.

Тогда Ти Джей опустился на колени рядом со мной и обнял, предоставляя свою поддержку.

— Держись, — прошептал он мне в волосы. — Умница.

Я отчаянно обняла Ти Джая и как-то опустилась на пол, пока достаточно не успокоилась, чтобы нормально дышать. Я больше не ощущала, что кожа готова порваться.

Ти Джей позволил мне отстраниться. Я несчастно сжалась на полу. Карл, казалось, был готов перелезть через диван. Мэг удержала его, коснувшись руки. Она уставилась на меня, словно никогда не видела прежде.

— Почему ты согласилась на разговор? — спросила она.

— Вы не думаете, что будет немного подозрительным сказать им отвалить?

— И чтобы они сделали?

— Я не могла так поступить. У меня репутация…

— Твои проблемы.

Я запустила пятерню в волосы, которые торчали из косы и нуждались в мытье. Мы так ни к чему не придём. Как всё объяснить, чтобы не казалось, что я подвергаю сомнению их авторитет или командую?

— Стая же разберётся?

Карл выпучил глаза.

— Если бы по городу расхаживал чужак, как думаешь, я бы знал?

— Не знаю. Возможно у него хорошее укрытие. То есть, если бы ты узнал о нём, он не был бы чужаком.

Мэг блокировала мне путь с одного конца дивана.

— Ты призналась полиции, что убийца оборотень? Ты сказала им, что унюхала?

— Да.

Она сжала плечи, словно ощетинилась. Больше она не вела себя как хороший полицейский.

— Ты должна была солгать. Сказать, что не знаешь.

Легко ей говорить. Я не умею врать. Особенно полицейским.

— У них есть тесты для подобного рода вещей. В конечном счёте, они бы всё узнали. Мне ещё повезло, что меня не сделали подозреваемой.

— Ты простая цель, — сказал Карл, поворачиваясь ко мне. — Сколько раз я должен повторять бросить шоу?

— Двести рынков, — парировала я, поднимая бровь. Я почти видела, как он подсчитывает в уме, сколько денег это ему принесёт.

Наконец Ти Джей сказал Карлу:

— Если по городу расхаживает чужак и убивает людей, копы не смогут его поймать. Мы должны вмешаться. Если мы не хотим привлекать к себе большего внимания, то должны избавиться от проблемы.

Именно это я и пыталась сказать. С меня стейк.

— Этот детектив знает достаточно, чтобы распознать проблему, но не может ничего предпринять, — продолжила я. — Ти Джей прав.

Плотно сжав челюсти, Карл стал расхаживать туда-сюда, словно в клетке.

— Ты знаешь что-нибудь о преступнике кроме запаха?

— Нет, — ответила я.

— Мы можем пойти посмотреть, — предложил Ти Джей. — Узнать, где произошли убийства. Если он помечает территорию, то мы найдём его. Я могу поймать его сам, если хочешь...

— Ты неправ. Нет никакого чужака, — вмешалась Мэг.

Конечно, она поддержит Карла. Она продолжила сверлить меня взглядом, и мне не понравился этот взгляд, холодный и хищный.

— Мы должны хоть что-нибудь сделать, — произнесла я, игнорируя исходящую от Мэг угрозу.

— Никто ничего не будет делать, пока я не разрешу, — рявкнул Карл.

— И когда это будет?

Ти Джей присел так, словно готовился атаковать.

Карл сверкнул глазами.

— Когда я скажу.

— И тем временем он снова убьёт.

Сжав кулаки и метая молнии глазами, Карл подошёл к Ти Джею.

— Ты бросаешь мне вызов?

На минуту я подумала, что Именно это сейчас и произойдёт. Драка между вожаком стаи и его заместителем может без промедления перерасти во всеобщую борьбу. Вот поэтому Ти Джей соглашается с Карлом большую часть времени. Малейшее разногласие может быть неправильно истолковано.

Ти Джей не отступил, но встретил пристальный взгляд Карла без колебаний, и я подумала, что они будут бороться. Затем Ти Джей резко осел, кланяясь и опуская голову.

— Нет, — произнёс он.

Карл торжествующе вскинул подбородок.

— Тогда решено. Будем выжидать. Это моя стая, моя территория. Я сам обо всём позабочусь. — Он схватил меня за рубашку и поставил на ноги. — А ты больше не будешь общаться с полицейскими.

— Да, просто подождём, пока они постучат в твою дверь.

Я прикусила губу. Фраза вышла язвительней, чем я задумывала.

Карл скривил губы.

— Кажется, нам нужно поговорить с глазу на глаз.

О, великолепно. Меня поставят на место. Карл схватил меня за загривок, подтащил к себе и поволок по коридору к спальне.

Мэг загородила ему дорогу.

— Позволь мне с нею поговорить.

Карл уставился на неё, словно Мэг позеленела. Она никогда не «говорила» со мной. Всегда оставляла эту часть на Карла. Даже зная, что наши «разговоры» часто заканчивались сексом, она позволяла ему. Это часть политики стаи, часть природы волка.

Возможно, Мэг всё надоело.

Она впилась в меня взглядом, словно хотела вырвать клюк мяса. Я постаралась стать невидимкой. Я не хочу быть Альфой, не хочу бросать вызов кому-либо. Я чувствовала, что моя Волчица сжалась, готовая скулить. Я никогда не думала, что предпочту трёпку от Карла. Я откинулась назад, чтобы коснуться его, потребовать защиты.

И тут Карл и Мэг пересеклись взглядами. Хорошая старомодная дуэль глазами. Что будет, если они сейчас подерутся? До такого дойти не должно.

— Не сегодня, — сказал Карл и властно прошёл мимо Мэг, таща меня с собой. Я старалась держаться на ногах: голова кружилась от страха и ирония, что в данный момент я чувствую себя уютнее с ним.

Когда мы дошли до спальни в конце коридора, он затащил меня в комнату и закрыл дверь. Он отрезал мне путь к отступлению, поставив руки по обе стороны от моей головы — его обычная позиция. Он смотрел на меня, словно не видел целую вечность. Моё сердце заколотилось, я потупила взор и стала выжидать.

И тут он укусил меня в шею.

Если бы я хуже знала его повадки, то подумала бы, что он превратился в вампира. Он уткнулся носом в верх шеи у самых волос и обхватил кожу губами, целуя. Я откинула голову назад, давая ему пространство. Он лизнул меня, схватил мочку уха зубами и задышал в щёку. Всем своим весом он вдавливал меня в стену. Я чувствовала его, как он встал, словно Карл сбежал из монастыря и отправился на тренировку черлидеров.

Несмотря на сумбур в голове, я растаяла в его руках. Я цеплялась за него, не желая потерять контакт ни с дюймом кожи. Есть не один способ добиться подчинения от слабого существа.

— Ты не сердишься? — пробормотала я.

— Я напоминаю тебе о твоём месте.

Игрушка Карла. А я почти забыла. Я слегка застонала, одновременно возбуждённая и разочарованная, что Карл полностью избегал проблемных тем.

Его руки массировали мою спину, скользили по рубашке, заползли под неё, оцарапали кожу. Я выгнула спину, прижимаясь к нему.

— Я не могу вернуться к прошлому.

Я сжала его волосы в кулак, не давая ему отвести голову, пока он водил языком по моему горлу.

— Я знаю, — пророкотал он. — Ты стала сильной. Ты можешь подняться.

В душе всё замерло. Карл не заметил. Его руки шарили по моей груди. Я задержала дыхание и попыталась думать ясно.

— Подняться?

— Ты могла бы бросить вызов Мэг, могла бы занять её место.

После этой фразы он стал ласкать и тискать «бездушную куклу». Я всё ещё цеплялась за него, но я смотрела поверх его плеча, и мой разум словно смотрел за сценой со стороны. Неожиданно беспристрастно.

— Ты поссорился с Мэг, я права?

Он замер. Его руки перестали щупать, просто сжали меня, и он зарыл лицо в моё плечо. Он ничего не говорил. Просто держал меня.

Я слегка улыбнулась. Идея, что у Карла проблемы в личной жизни, казалась настоящим откровением. Я лениво почесала его волосы, и он отпустил меня.

Карл прошёл к тумбочке, открыл ящик и вынул конверт. Вручил его мне и только затем посмотрел в глаза.

Внутри я нашла фотографии. Расплывчатые снимки, сделанные в ночь полнолуния — люди и волки, бегущие вместе. Среди них была и я. Это оказались копии фотографий, которые мне передал Рик. Снимки, которые Артуро использовал, чтобы нанять Кормака.

— Ты?..

Мой голос онемел от боли. Кто бы ни дал эти фотографии Артуро, вероятно, он также собрал средства, чтобы заплатить Кормаку. Кто бы ни желал моей смерти, но он должен был сохранить руки, а возможно когти и клыки, безупречно чистыми. Если это был Карл, то, вероятно, деньги, которые я дала, пошли на оплату Кормака. Ужасно об этом думать.

— Мэг, — произнёс он. Он стоял так близко ко мне и говорил шёпотом, но от него не исходила похоть. — Она сказала, что дала их Артуро, потому что завидовала тебе.

— Завидовала мне?

Мэг? Красивая и сильная Мэг?

— Успех шоу. Внимание. Моё внимание.

Он отвёл взгляд, и это был, вероятно, самый человечный жест, который я когда-либо видела у Карла. Словно он признал, что использовал динамику стаи, в качестве оправдания спать с кем попало. Словно на этот раз он понял, насколько странен этот промежуточный мир, в котором мы живём.

— Ты понимаешь, что это означает? — спросила я. — Она продала меня с потрохами, подала Артуро на серебряном блюдечке...

И тут мне внезапно пришло в голову, что возможно Карл сказал мне, что это была Мэг, чтобы я рассердилась и бросила ей вызов. Он манипулировал нами обеими с целью избавиться от неё, не замарав собственные лапы. Значит, он считает, что я выиграю, если брошу ей вызов. Я не хотела думать об этом.

Но карие глаза Карла были так полны боли, казались такими потерянными, и я решила, что он не притворяется. Он никогда не мог скрыть свой гнев или похоть. Он не умел скрывать чувства или подделывать их. Он из тех парней, что всё решают «в люб».

— Что ты сделал, когда узнал?

— Мы поговорили.

Это эвфемизм. Только вот означает ли он взбучку или наш «разговор» с Карлом минуту назад?

— Что она сказала?

— Она сказала, что сожалеет. Она отступит.

— И всё? И что, она отступит?

Я не знала на кого сердиться. Действительно ли Мэг сожалела или Карл оправдывается? Почему он ничего не сделал с ней?

— Может, мне стоит поговорить с нею.

— Может и стоит, — ответил Карл. Он медленно наклонился ко мне, его губы коснулись моей щеки, двинулись ко рту.

Я отвернулась. Запихнула фотографии обратно в конверт, отдала его и покинула комнату прежде, чем Карл успел бы выйти из себя.

Целую счастливую минуту я верила, что смогу дойти до парадной двери и сбежать незамеченной. Я коснулась ручки...

Мэг опустила руку на дверь прямо перед моим лицом.

Мне даже не пришлось поднимать голову. Я чувствовала её взгляд и исходивший от тела жар. Дыхание жгло мою щёку. Она знала, что я знаю. Всё уже никогда не будет прежним.

Если я не среагирую, она будет стоять так целую вечность. Она хотела, чтобы я среагировала. Она хотела испугать меня. Где Ти Джей? Я не смела повернуться и проверить в гостиной ли он.

На долю секунды я решила, что возможно Ти Джей вмешается, только вот чью сторону он примет. Он не встанет на мою сторону в драке. Внезапно, целый мир обернулся против меня.

Мэг зашипела на меня:

— Если ему когда-либо придётся выбирать между мной и тобой, даже не думай ни секунды, что он выберет тебя.

Она имела в виду Карла. Он у неё в руках.

— Он не будет бороться за тебя. — Она сморщила нос от отвращения. — Он бесхребетный.

Возможно, она права. Карл всё ещё в спальне, и если я закричу, то вряд ли он придёт помочь.

Я зашептала в ответ:

— Я не хочу драться с тобой, Мэг. Я ничего не хочу.

— Ничего? Совсем ничего?

Это было неправдой. Сжав зубы, я приготовилась к удару.

— Я хочу спасти шоу.

Её рука сместилась. Я вздрогнула, не смея дышать. Но она только коснулась моего лица, провела пальцем вдоль подбородка, сжала кулак и отпустила.

Мэг открыла дверь для меня и позволила уйти.

Ти Джей поджидал меня на улице, колдуя у мотоцикла.

— Мы можем теперь уехать? — спросила я, обнимая себя.

— Ты как? Ты вся дрожишь. — Он вытер руки об джинсы и оседлал байк. Я заняла место позади.

— Ты знал, что Карл и Мэг борются?

— Они всегда борются.

«Не так, как ты думаешь», — подумала я про себя. Закрыв глаза, я лишь крепче обняла Ти Джея.

Я никогда не смотрела местные новости, так что мне не пришлось бороться с искушением узнать, сняла ли меня Анджела Брайант с лучшего ракурса или нет.

Но ровно в 18:15 позвонил Оззи.

— Китти. Ты знаешь, что попала в вечерний выпуск новостей?

А я чуть ли не патологически надеялась, что произойдёт авиакатастрофа или что-то ещё, и репортаж об убийстве проститутки вырежут.

— Догадывалась, — устало ответила я.

— Что случилось?

— Разве по ТВ ничего не сказали?

— Там сказали, цитирую: «Известная радиоведущая Китти Норвиль замешана в расследовании убийства». Ничего определённого. Ты ведь... я хочу сказать, ты ведь на самом деле ни в чём не замешана?

— Блин, Оззи, ты действительно думаешь, что я могла пойти на убийство?

— Я знаю, что нет. Но все эти заморочки с обращением...

Я вздохнула. Я не могла победить.

— Я неофициальный специалист. Вот и всё.

— Значит, в дело замешаны оборотни.

— Не желаю это обсуждать.

Он заворчал, словно хотел продолжить спорить. Вместо этого он ответил:

— Может, проведёшь небольшую бесплатную рекламку ради шоу?

— До свидания, Оззи.

Я повесила трубку.

Телефон мигнул мне, показывая, что меня ждёт сообщение. Кто-то звонил, пока я говорила с Оззи. Я проверила вызов.

Это была мама.

«Привет, Китти, это мама. Мы просто увидели тебя в новостях, и я захотела удостовериться, что всё хорошо. Тебе нужен адвокат? У нас есть знакомый специалист, так что, пожалуйста, позвони...»

И я снова повесила трубку.

Очередное полнолуние. Тридцать седьмое по счёту. Сколько ещё их впереди? Ночи полнолуния запланированы и предопределены на всю мою оставшуюся жизнь. Сколько ещё я смогу продержаться? Иногда лунный свет, ветер в деревьях и ток крови по жилам заставлял меня кричать от радости, срываясь на волчий вой. А в другие ночи я думала, что на сей раз моё тело порвётся и сломается, кожа распадётся на куски и никогда больше не соединится.

Я ждала снаружи дома, пока стая не высыпала на крыльцо и заросший кустарником задний двор, ведущий в леса и к холмам. Словно туристический клуб отправился на полуночную прогулку. Некоторые стали обращаться, как только коснулись земли. Они перешли на рысь, пустились бегом к деревьям, растворяясь в своей другой оболочке. Там, где люди исчезли, волки образовали круг, убеждая друзей поспешить.

Я осталась стоять на углу дома, обняв себя, слыша их вызов. Обнажённый, серебристый в лунном свете Ти Джей оглянулся и улыбнулся мне. Я не улыбалась в ответ, но оттолкнулась от стены и пошла вперёд, к нему. Словно Волчица тащила меня на привязи.

Кто-то схватил меня сзади.

Мэг сжала мою руку, приблизилась и зашептала на ухо:

— Ты забылась, стала высокомерной и рискуешь разделить стаю. Я не позволю этому произойти. Возомнила себя крутой, но я напомню, где твоё место.

Она до боли сжала мою руку. В моей груди стал зарождаться рык. Я сглотнула.

Она не хотела начинать борьбу. Она была Альфой и не собиралась останавливаться. Она могла отчитать, доминировать, угрожать, но она не затеет драку на смерть. Она говорила так, словно думала, что я достаточно глупа, чтобы бросить ей вызов. Словно она хотела этого, чтобы получить возможность избить меня.

Я отвела взгляд, задаваясь вопросом, как же мне сбежать от неё. Волчица была готова бороться, лишь бы освободиться. Пальцы Мэг впивались мне в кожу, заставляя сжаться.

— Я не пытаюсь разделить стаю. Мне просто.... мне просто нужно пространство.

Будто я бунтующий подросток.

— Я знаю, что ты хочешь. Знаю, как работает система, как юные создания пробивают себе путь в жизни. И если ты возомнила, что можешь заполучить Карла, если ты думаешь, что сможешь заполучить стаю, то первым делом поговори со мной. Я ещё сильнее тебя.

Я покачала головой.

— Я не хочу бороться с тобой. Не буду.

И я доказала искренность своих слов. Я не шевельнулась. Я вела себя тихо. Просто позволь мне убежать. Я оставлю её в покое, если она позволит. Почти подсознательно я наклонилась в сторону, к стае, волкам, моей семье, где я могла измениться и раствориться.

Её руки изменились, выросли когти. Она не ослабляла хватку, и когти вошли в мою

кожу. По руке потекла кровь. Я посмотрела на Мэг, но не шелохнулась. Наши взгляды вновь встретились. Я задержала дыхание, чтобы не завыть.

Некоторые, уже волки, наблюдали за нами, навострив уши, зная, что происходит нечто важное. Они, свободные животные, вырвавшиеся из своих тюрем на одну ночь, неслись вперёд. У нас появились зрители.

Я уловила аромат собственной крови. Волчица корчилась и извивалась: запах сводил её с ума. Но если я не буду реагировать, Мэг оставит меня в покое.

Она отпустила руку. Услышав мой плохо скрытый вздох облегчения, она ударила меня по лицу — открытой ладонью, выставив когти. Моя щека взорвалась болью, такой сильной, что я не почувствовала отдельных порезов. «Три», подумала я, судя по тому, как Мэг держит руку. Быстрый удар. По ощущениям хуже, чем есть на деле. Кровь собралась в струйку, стекая по подбородку.

Я не боролась. Но и не сжалась в комок.

Наконец она отвернулась.

Моё тело стало огнем. Кожа горела. Дыхание сбилось на тихие всхлипы.

Волки окружили нас. К нам присоединилась целая стая. Они подталкивали нас, врезаясь плечами в наши бёдра. Серый, кремовый, синеватый, серебряный и чёрный меха смешались в море вокруг нас. Всё поплыло перед глазами.

Я позволяю волчице с воем вырваться из меня.

Словно избавляясь от мёртвого меха, теряя прошлогодний слой, она бьётся в конвульсиях, а затем убегает свободной.

Она следует за его ароматом. Его, Единственного. Бегом она может нагнать главу стаи. Он бледный, медно-красный, изумительный в лунном свете. Она врезается в него, толкая в бок. Кланяется, играя, взвизгивает, пытаясь заставить его преследовать её. Облизывает его морду и сжимается перед ним, низко опуская хвост, чтобы показать, он сильнее, он может делать с ней всё что любит. В другой жизни она не может показать ему подобное, но здесь всё по-другому, здесь она знает нужный язык.

Её вторая половина слишком горда. Но Волчица знает лучше.

Пара Альфы огрызается на неё — зло, а не играво. Держит её подальше от Него — и Он не защищает её. Он рычит, огрызается, бросается на неё. Она убегает со скележом, напрягая хвост. Затем он оставляет её. Ускакивает рысью, словно она ничто. Она остаётся одна. Остальные щёлкают зубами и дразнят её, но она больше не испытывает желания играть.

Другая её половина знает, что такое горе.

К тому времени, как я вернулась в человеческий облик на следующие утро, раны зажили. По крайней мере, отметины Мэг.

Проходят ночи.

Я не знала где найти Рика. Это он всегда приходил ко мне. Я знала, где могла начать поиски, и если его не окажется на месте, то могла бы, наверное, найти кого-нибудь, кто знает о его текущем местоположении. Если только меня сначала не побьют.

Ночной клуб «Псалом 23» был любимым охотничим угодьем вампиров. Несмотря на то, что говорилось во множестве легенд, вампиры не убивают свою жертву при кормёжке. Точнее, обычно не убивают, потому что сорить трупами по окрестностям не в их же интересах. Они могли обольстить юное создание с хорошей горячей кровью, выпить достаточно для поддержания сил, не убивая, и отпустить жертву на все четыре стороны, так чтобы бедняжка и представления не имела, что произошло. Сверхъестественный рогипнол¹⁷. Процесс не превращал жертву в вампира.

В подходящей субкультуре вампир мог найти достаточно добровольцев, согласных стать главным блюдом. «Псалом 23» представлял собой тёмное элегантное местечко, где играли трендовую музыку, а Артуро был пассивным компаньоном заведения.

Пришлось принарядиться: мимо фейсконтроля в джинсах не пройдёшь. Я надела чёрные слаксы, чёрную майку и ожерелье. Прикрывающие декольте. Не стоит привлекать внимание.

Музыку было слышно с улицы. Играли что-то винтажное и ритмичное. Охранник впустил меня без проблем, но и я трёх шагов не успела сделать, как за мной двинулась невероятно стройная женщина с кожей бледнее, чем красовавшийся на ней бриллиантовый кулон.

Я остановилась. Она тоже остановилась, так близко, что её дыхание щекотало мою шею при разговоре.

— Я знаю кто ты, и тебе здесь не рады.

— Тогда не стоило пускать меня внутрь, — не оборачиваясь ответила я. — Я уже заплатила за вход.

— Ты здесь без приглашения. Ты нарушила границы.

¹⁷ Рогипнол — «парализующее» снотворное. Это средство так часто применяли для совершения изнасилований, что препарат запрещен на территории США.

Я прикусила язык прежде, чем ляпнуть глупость. Типа «к чёрту границы». Решения по разделу территории принимаются Карлом, а я с ним и так сейчас на ножах. Не хотелось бы заходить слишком далеко и заявлять подобное.

Я обернулась.

— Слушай, я не хочу мериться силами. Мне нужно найти Рика, он здесь?

Она сощурилась и приоткрыла рот, показывая кончики клыков.

— С тебя я могла бы попросить дополнительную плату.

Она провела языком вдоль зубов между клыками.

— Ты ничего от меня не получишь.

Очевидно, кровь оборотня считалась своего рода деликатесом среди вампиров. Как скотч тридцатилетней выдержки или что-то типа того.

— Ты на нашей территории. Если хочешь остьаться — следуй нашим правилам.

Я отступила, приготовившись бежать. Я не хотела сражаться. Возможно, не стоило сюда приходить. Возможно, я возомнила, что разберусь с ситуацией сама, и возможно ошиблась. Я продолжаю ходить по краю и наступать на грабли, не так ли?

Я никогда не хотела неприятностей.

Кто-то присоединился к нам, встав между мной и женщиной. Это был Рик.

— Стелла, мисс Норвиль — мой гость этим вечером и находится под моей защитой.

Вампирша отстранилась от него, разинув рот.

— Когда Артуро узнает, что она была здесь...

— Я скажу ему сам и возьму на себя ответственность за последствия. Также я удостоверюсь, что она не доставит неприятностей. К примеру, не затеет драку с агрессивной хозяйкой.

Он коснулся моей руки и указал на уединенную зону бара. Стелла гордо удалилась. Я облегчённо выдохнула.

— Спасибо, что спас, — поблагодарила я, когда мы заняли места.

— Всегда, пожалуйста. Пить будешь? — спросил он, когда к нам подошёл бармен.

— Текилу, неразбавленную?

— Содовую. Спасибо.

— И всё-таки — что ты тут делаешь? Тебе здесь находится небезопасно.

— Хотела поделиться последними новостями. До меня дошли сведения, что

Илайджа Смит возвращается в этот регион приблизительно через неделю, вероятно в Лимон. Информацию я нашла в сети, так что может быть и утка. Но это лучшее, что я нарыла.

— Про возвращение я не знал. Спасибо.

— Я сообщу, когда что-нибудь ещё разузнаю. Возможно, ты оставишь мне телефонный номер на следующий раз?

Рик заливисто рассмеялся.

— Как я понимаю, телефоны ты не любишь, — констатировала я.

— Может мне заскочить в твой офис через неделю?

— Чертовски неудобно, — пробормотала я.

Было бы так мило, если бы кто-нибудь, хоть раз согласился с моим предложением.

Рик задумчиво на меня посмотрел.

— Никто не понимает, что бессмертие означает отсутствие телефонного номера.

Кипящая яма разбитых надежд, вот кто я. Я нахмурилась.

— Можешь дать совет?

Рик моргнул от удивления.

— Хорошо. Но я думал, у тебя есть ответы на все вопросы.

Я пропустила колкость мимо ушей, оглядываясь, куда ушла одноцветная Стелла в поисках новой жертвы.

— Ты должно быть очень близок к Артуро, раз вот так разбрасываешься его именем.

— Не говори никому, но я почти также стар, как и он. Почти также могущественен. Единственная разница — я не хочу быть главой клана. Не хочу такой... ответственности. Он знает это, знает, что я не соперник. Мы достигли понимания.

— А-а. Почему ты здесь? Почему следуешь за ним?

Вопрос затрагивал интересующую меня тему. Он прожил на этом свете много лет — он только что сам в этом признался. У него есть ответы, которых у меня нет.

Он расслабился и улыбнулся, словно знал, что меня интересует на самом деле и почему.

— У семьи есть свои преимущества. Легче найти пропитание. Есть защита. Охраняемое убежище, где можно переждать день. В этом плане одиночке сложнее.

Я удручённо подпёрла локтями барную стойку. То же самое мне нужно от Карла.

Что я буду делать без него?

— В конце девятнадцатого века я прожил одинокой почти пятьдесят лет. Я... разозлил несколько опасных элементов и скрылся в одном из невадских городов во времена серебряной лихорадки Комсток-Лоуд. Ты не поверишь, как эффективно добыча полезных ископаемых, в таком месте как Вирджиния-Сити, держит подальше определённый сброд.

Я усмехалась, ненароком увлёкшись историей.

— Ты разозлил стаю оборотней.

— Ты пришла не за байками, а за советом. Хотя странно искать его в таком месте.

— Я осталась без друзей.

— Ерунда. У тебя полмиллиона обожающих тебя слушателей.

Я зырнула на него.

— Недавно меня спросили, к кому я обращаюсь, когда нуждаюсь в совете. И я не смогла ответить. Я не знала.

— Ты мне не говорила, что нуждаешься в совете.

Я спросила его, потому что он стар и, по-видимому, опытен. И по иронии судьбы он никогда не даёт мне причину бояться его.

— Я не понимаю, что происходит. Не знаю, почему Карл и Мэг так себя ведут. Не знаю, почему я не могу заставить их понять, почему не могу достучаться. Я хочу... я хочу, чтобы они оставили меня в покое, но в то же время не хочу, чтобы меня бросили. Особенно Карл.

Кажется, на этом всё.

— Ты не ищешь совета. Ты ищешь поддержки.

И я не получала её от людей, от которых больше всего её ждала. Боже, Рик заставил казаться эту мысль такой очевидной. Если бы мне позвонили с подобной проблемой, я бы выпалила ответ на одном дыхании.

Я потёрла лицо. Казалось, мне снова пять лет. «Пап, смотри, какую милую картинку я нарисовала», и что делать ребёнку, когда папа рвёт рисунок на куски? Я не хотела думать о Карле как об отце. Больше как... о тиране в гареме. Как-то так.

Рик сухо усмехнулся.

— Это боль роста. Я уже видел это прежде. Такое происходит в стае оборотней каждый раз, когда покорный член начинает самоутверждаться. Ты становишься

самостоятельной, и Карл не знает, что с тобой делать.

— Как мне всё исправить?

Он откинулся назад.

— Если бы жизнь была настолько проста, ты бы осталась без работы.

Он прав. Время менять тему. Я хотела послушать о серебряной лихорадке и Вирджиния-Сити в эпоху освоения Дикого Запада. Не могу представить Рика в ковбойской шляпе.

— Не хочешь стать гостем на шоу и потравить байки о Старом Западе?

Рик ухмыльнулся.

— Артуро убьёт меня.

Проблема с вампирской братией в том, что понятия не имеешь, шутят ли они.

Приблизительно неделю спустя по возвращению домой с работы я обнаружила Кормака, поджидавшего меня у подъезда. Всё происходило глубокой ночью. Оперевшись о стену и скрестив руки, Кормак стоял на краю пятна света, отбрасываемого из-под двери. Я пялилась на охотника с добрую минуту, прежде чем смогла выдавить из себя хоть слово.

— Ты знаешь, где я живу.

— Было не тяжело узнать.

— Мне теперь придётся переехать?

Он пожал плечами.

— Это место — просто дыра. Я думал, ты больше зарабатываешь.

Он не должен узнать о выплатах Карлу.

— Возможно, мне здесь нравится. Что ты хочешь?

Шея покалывала. Я должна выбираться из этого ада. Но сегодня ночью Кормак не был вооружён. По крайней мере, пистолетов я не увидела. Без пушек он напоминал не наёмного убийцу, а хорошего байкера.

— Помнишь ту полицейскую? Хардин? Она связалась со мной по поводу тех убийств.

Беспокойство как рукой сняло. Передо мной предстала цельная картина. И всё же меня разозлило, что кто-то действует у меня за спиной.

— Правда? Она сказала мне, что не доверяет тебе, чтобы обсудить это дело.

— Кажется, она считает, что ты слишком лояльна к своему «виду», чтобы помочь.

— Просто потому, что я не назвала имён.

— А они у тебя есть?

— Нет. Блин, вы, что все думаете, что если я оборотень, то знаю всех? Скажем, автомеханик знает всех автомехаников в городе?

— Оборотни менее распространены, чем автомеханики.

Я сменила тему.

— Почему ты ей помогаешь? В прошлый раз, когда я говорила с ней, она хотела упечь тебя за решётку за преследование и покушение на убийство.

— Она предложила отстать от меня, если я помогу поймать этого парня.

Хардин знает, как находить к людям подход.

— Выгодная сделка.

— Я тоже так подумал. — Он сделал в мою сторону пару шагов. — Послушай. Ты располагаешь информацией, которую мне не заполучить — запах. Ты всё сказала полицейским?

Обидел в лучших чувствах.

— Я не распознала запах. Это не один из наших. По крайней мере, я так не думаю.

— Ясно. Я не полицейский и не скрываю информацию. Мы станем на шаг ближе к поимке этого парня, если объединим наши знания.

— Что ты знаешь?

— Как убивать оборотней.

— Думаешь, мне от этого лучше?

— Нет.

Я выдохнула, признавая своё поражение.

— Что ты от меня хочешь?

— Если встретишь этого парня, позвони мне. Ты ездишь по местам, куда мне доступа нет, встречаешь людей, с которыми я встретиться не могу. У тебя есть связи.

— Ты не согласился с Хардин? Не счёл, что я защищу преступника просто, потому что он оборотень?

— Я решил, что ты поступишь по совести. Мой номер у тебя уже есть.

Он повернулся уйти.

— И кто кому теперь должен?

Он обернулся через плечо.

— Не волнуйся, я веду счёт.

Мэтт прислонился к дверному косяку между звуковой кабиной и студией.

— Китти? Там звонок на третьей. Может, конечно, и чудик какой, но, кажется, она действительно в беде. Хочешь принять?

Я могла отказаться. В конце концов, это моя передача. Было бы намного проще и лучше для всех, если бы я переключила вызов на горячую линию. Жаль только для измученных проблемами вампиров и оборотней такой линии не существует.

Я кивнула, вполуха слушая витиеватый комментарий моего слушателя о смешении рас и чистоте видов. Стандартная консервированная реакционная риторика.

— Угу, спасибо, — прервала я. — Вы не думали о карьере спичрайтера для Клана¹⁸? Следующий звонок.

— О, спасибо! Спасибо!

Женщина рыдала навзрыд, что слов было не разобрать.

— Стоп, помедленней. Сделайте глубокий вдох. Медленно выдохните. Вот так. Эстель? Вы Эстель?

Она взяла себя в руки и спокойно произнесла:

— Да-да.

— Хорошо. Эстель, ты можешь рассказать мне, что случилось?

— За мной гонятся. Я ранена. Меня ищут. Мне нужна помощь, — она говорила всё быстрее и быстрее. Стук моего сердца тоже убыстрялся с каждым словом. Голос раздавался с помехами, словно она слишком близко держала трубку.

— Постойте. Опишите свою ситуацию. Кто за вами гонится?

Она громко сглотнула.

— Вы слышали об Илайдже Смите? Церкви Чистой Веры?

Я встала и начала ходить по комнате. Какой там слышала: я почти готова пойти к нему и отдать себя только ради информации. Так сильно хотелось его разоблачить. Прямо сейчас «церковный городок» стоит примерно в шестидесяти милях от студии.

— Да, я слышала о них.

¹⁸ Речь идет о Ку-клукс-клане

— Я ушла. То есть я хочу уйти. Пытаюсь.

— О-о-о. То есть... о.

Я всю жизнь зарабатываю голосом, но сейчас лишилась дара речи. Никто никогда не покидал Церковь Чистой Веры. Ни один из последователей Смита никогда не желал говорить о нём.

В моей голове вертелось столько вопросов: «кто она? Искала ли она исцеления? Настоящее ли оно? Как выглядит Смит?» Этого интервью я ждала с нетерпением.

— Хорошо, Эстель. Позволь удостовериться, что я всё правильно поняла. Ты... вампир? Ликантроп?

— Вампир.

— Ясно. И ты обратилась к церкви Чистой Веры, ища лекарство от вампиризма. Ты встретила Илайджу Смита. Тебя... тебя исцелили? Тебя действительно исцелили?

Что будет, если она скажет да?

— Я... я так думаю. То есть, я думаю, исцелили. Но не сейчас.

— Я сбита с толку.

— Да, — произнесла она, тихонько посмеиваясь. — Я тоже.

Эстель звучала уставшей. Сколько времени она в бегах? Прошла половина ночи. Есть ли у Эстель убежище на день? И почему она позвонила мне?

Свидетели. Мы в эфире. Тысячи свидетелей услышат её историю. Умно. Теперь осталось только поддерживать её веру в меня.

— Ты сейчас в безопасности? Ты в безопасном месте или должна бежать? Где ты?

— На данный момент я оторвалась от них. Я на бензоколонке; она закрыта на ночь. Я буду в безопасности до рассвета.

— Где, Эстель? Я хочу отправить тебе подмогу, если смогу.

— Не думаю, что это в моих интересах. Преследователи могут услышать. Они могут проследить за тобой.

Будет тяжело. Нужно постепенно, шаг за шагом. Я прикрыла микрофон рукой и крикнула Мэтту:

— Проверь идентификатор номера, узнай, откуда она звонит.

Он кивнул. Я вернулась к Эстель.

— Когда ты говоришь, что тебя преследуют, то имеешь в виду Смита? Или его людей? Они хотят причинить тебе боль?

— Да. Да.

— Ах. Церковь. Почему люди не оставляют его?

— Они... они не могут, Китти. Всё сложно. Нам запрещено об этом говорить.

Мэтт прижал лист бумаги к окну кабины. Надпись гласила: «Таксофон — неизвестный».

— Эстель? Опиши мне процесс исцеления. Ты увидела объявление о церковной встрече и пошла в шатёр. Как давно это было?

Она дышала более спокойно, но её голос всё ещё звучал напряжённым, приглушенным, как будто она боялась, что её подслушают.

— Четыре месяца назад.

— Что произошло, когда ты приехала?

— Я прибыла сразу после наступления темноты. Увидела палатки, трейлеры, автоприцепы — целый временный город. Всё выстроено в круг и отгорожено канатом. И охрана. У ворот собрались восемь человек. Нас проверили металлодетектором. Пытались найти оружие и убедиться, что среди нас нет журналистов. Только истинно верующий мог встретиться со Смитом. И... я хотела верить. Я действительно хотела верить. У одного из нас — кажется, он был оборотнем — нашли микрофон или что-то подобное. В общем, его выставили.

Они выставили оборотня. Это впечатляет.

— Люди, которые попытались ворваться в церковь, встретились со значительной силой. Кто занимается безопасностью?

— Его последователи. Все, кто живёт и работает в том лагере — веруют.

— Но они должны быть сильны. Целые стаи оборотней пошли за ним...

— И выстояли против них. Вертигры¹⁹, вампиры — все. Они с противником на равных, Китти.

— Значит, по-настоящему они не исцелились.

— Нет, исцелились. Я никогда не видела, чтобы они превращались в зверей, даже в полнолуние. Вампиры гуляли при дневном свете!

— Но они сохранили свою силу? Они всё ещё могли иметь дело с оборотнем на равных?

Избавиться от слабостей и при этом не потерять преимуществ? Некоторые могли

¹⁹ Оборотень-тигр.

сказать, что это лучше, чем исцеление.

— Думаю, да.

Интересно.

— Продолжай.

— Меня отвели в основную палатку. Там проходила своего рода церковная служба, со старомодным возрождением и паствой. Мужчина на помосте подозвал меня к себе.

— Это был Смит? Как он выглядел?

— Он... он выглядел совершенно обычным.

Конечно. Вероятно, она даже не узнала бы его в толпе.

— Я ожидала проповедей, чтения лекции с обычными библейскими цитатами о ведьмах и злодеях. Мне было всё равно; я была готова пойти на всё что угодно ради исцеления. Но Смит не стал морализаторствовать. Он заговорил о желании измениться. Он спросил, хочу ли я этого, есть ли у меня желание помочь ему достигнуть моей души и найти мою смертность, мою жизнь. Я согласилась. Его слова были такими убедительными. Тогда он положил руки на мою голову.... Это было по-настоящему, Китти. По-настоящему! Он коснулся моего лица, и моя душа озарилась светом. Каждый пропущенный восход солнца вернулся ко мне. И голод — он исчез. Я больше не хотела крови. Моя грудь снова вздымалась, словно по жилам текла кровь. К коже вернулся розовый оттенок. Я снова стала смертной, живой и дышащей, как Лазарь. Воистину! Смит показал мне крест, я коснулась его — и ничего не произошло. Я не сгорела. Он убедил меня, что я могу выйти на солнце.

Когда Эстель поначалу начала говорить, я подумала, что услышу историю сектантки, утратившей веру, готовой представить секреты Смита и сказать точно, почему он является самозванцем. Но Эстель не говорила как разочарованная бывшая последовательница. Она до сих пор верила. Она говорила как сторонница, которая потеряла доверие или веру в своё право на спасение.

Я должна была спросить:

— Ты смогла, Эстель? Ты смогла выйти на солнце?

— Да, — прошептала она.

Чёрт. Исцеление. Я почувствовала щекотку в животе, искру надежды, которая горела как изжога. Выбор, побег. Я могу вернуться к прежней жизни. Если захочу.

Но бесплатный сыр только в мышеловке.

Я не пустила в голос эмоции, пытаясь сохранить журналистскую

беспристрастность.

— Ты оставалась с ним четыре месяца. Что ты делала?

— Путешествовала с трейлерным городком. Выходила на помост и выступала свидетелем. Я видела восходы солнца. Смит заботился обо мне. Он заботится обо всех нас.

— Значит, ты исцелилась. Здорово. Но зачем оставаться? Почему все исцелённые остаются и не начинают новую жизнь?

— Он — наш лидер. Мы преданы ему. Он спасает нас; мы бы умерли за него.

Она говорила так ревностно, что мне стало любопытно, неужели я столь критично настроена. Но я так близко подобралась. Вопросы, одни вопросы.

— Но теперь ты хочешь оставить его. Почему?

— Там... там нет свободы. Я видела солнце. Но не могла покинуть его.

— Не могла?

— Нет... не могла. Всё что я есть, моё новое «я» — лишь благодаря ему. Словно... он сотворил меня.

О боже.

— Немного похоже на семью вампиров. Преданные последователи служат своему господину, который создал их.

В этом отношении напоминает стаю оборотней, но я не хотела об этом думать.

— Что?

— У меня к тебе несколько вопросов, Эстель. Ты стала вампиром против своей воли или была обращена добровольно?

— Всё... всё произошло по моей воли. Я желала бессмертия. Меня обратили в 1936 году, Китти. Мне было семнадцать. Я заболела полиомиелитом. Так или иначе, я бы умерла или в лучшем случае осталось бы калекой на всю жизнь, понимаете? Мой господин предложил выход. Исцеление. Он сказал, что я слишком очаровательна, чтобы пропасть.

Я представила себе её портрет. Она выглядит молодой, крайне невинной, с чистым взглядом и аурой обаяния, которой обладает большинство вампиров.

— Когда ты решила, что больше не хочешь быть вампиром? Что заставило тебя искать Илайджа Смита?

— У меня не было свободы. Всё вращалось вокруг господина. Я ничего не могу без

него сделать. Какая это жизнь?

— Не жизнь?

Ох, не забывай о внутреннем голосе.

— Я должна была уйти.

Если бы мы здесь занимались популярной психологией, то я сказала бы Эстель, что у неё проблемы с обязательством и принятием ответственности за последствия своих решений. Она вечно бегает в поисках исцеления и сейчас прибежала ко мне.

— Скажи мне, что произошло.

— Теперь я стала смертной — я могла делать, всё что захочу, правильно? Я могла гулять средь бела дня. Я занималась проверкой посетителей у главных ворот две ночи назад. Растворилась в толпе и никогда не вернулась. Я нашла укрытие — старый сарай, кажется. Утром я вышла через открытую дверь на солнце... и загорелась. Голод вернулся. Он... он забрал своё исцеление, своё благословение. Свою благодать.

— Исцеление не работало.

— Нет, работало! Но я потеряла веру.

— Ты загорелась. Как сильно ты поранилась, Эстель?

— Я... я только потеряла половину лица.

Я закрыла глаза. Симпатичное изображение Эстель, которое я представляла, треснуло, фарфоровая кожа покрылась пузырями, почернела, превратилась в пепел, пока не выступила кость. Эстель нырнула в тень и потому что всё ещё была вампиром, бессмертной — выжила.

— Эстель, по одной из теорий, Смит обладает своего рода эстрасенсорными способностями. Это не исцеление, но ограждает людей от некоторых побочных эффектов их натуры. В случае вампиров — это уязвимость к солнечному свету и потребности в крови, необходимость превращаться в зверя — для ликантропа. Последователи Смита должны оставаться с ним, чтобы он мог сохранять эффект. Это своего рода симбиоз — он сдерживает их бурные натуры и питается силой и вниманием. Как думаешь?

— Я не знаю. Я больше ничего не знаю.

Она шмыгнула носом. Её голос звучал глухо, и я поняла, отчего раздаются помехи.

В студию вошёл Мэтт.

— Китти, у тебя звонок на четвёртой линии.

Четвёртая линия для чрезвычайных звонков. Этот номер есть только у нескольких

человек. Во-первых, у Карла. Уверена, это он, снова мнит себя моим защитником.

— Это может подождать?

— Нет. Парень угрожал мне весьма убедительно.

Мэтт беззастенчиво пожал плечами. Мол, сама разбирайся. На днях он собирался покинуть нашу контору, и я не могу его винить. Надо убедить Оззи повысить парню зарплату.

— Эстель, подожди минутку. Я всё ещё с тобой, но должна сделать перерыв.

Я оставила её на связи, переключила линию и убедилась, что разговор в эфир не пойдёт. Мне совсем не нужно, чтобы Карл читал мне лекции на всю страну.

— Что?..

— Здравствуй, Кэтрин, — раздался аристократический мужской голос.

Это не Карл. О, нет. Только один человек помимо моей бабушки называл меня Кэтрин. Я встречалась с ним лично только пару раз во время территориальной бодаловки с Карлом и стаей. Но я помнила этот голос, и теперь у меня от него плавило костный мозг.

— Артуро. Как, чёрт возьми, ты узнал про этот номер?

— У меня свои методы.

О, да брось. В студии у меня есть власть. Я включила разговор в эфир.

— Привет, Артуро. Ты в эфире.

— Кэтрин, — напряжённо произнёс он. — Я хочу поговорить с тобой наедине.

— Ты позвонил мне во время шоу, так что говори со всеми слушателями. Таковы правила. - Возможно, если бы я была достаточно бесстыдной, то забыла бы, что он пытался меня убить.

— Я не желаю, чтобы ко мне относились как ко всякому сброду...

— Что тебе надобно, Артуро?

Он сделал глубокий вдох.

— Я хочу поговорить с Эстель.

— Зачем?

— Она моя.

Прекрасно. Всё только усложняется. Я прикрыла микрофон рукой.

— Мэтт, как снова включить тройной вызов?

Несколько секунд спустя Эстель подключили обратно.

— Эстель? Ты всё ещё на связи?

— Да, — с дрожью в голосе произнесла она и сглотнула.

— Хорошо... у меня Артуро на другой линии...

Она застонала, словно я только что пронзила её колом.

— Он убьёт меня. Он убьёт меня за то, что я его бросила...

— Напротив, моя дорогая. Я хочу отвести тебя домой. Ты ранена и нуждаешься в помощи. Скажи мне, где ты.

Эстель всхлипнула и заплакала навзрыд.

— Я сожалею, я так сожалею...

— Слишком поздно для этого, — устало произнёс Артуро.

Я не могла поверить тому, что собиралась сказать.

— Эстель, я думаю, ты должна его послушаться. Я не знаю, чем могу помочь.

Артуро может отвезти тебя в безопасное место.

— Я не верю ему. Я не могу вернуться, я никогда не смогу вернуться!

— Эстель, скажи мне, где ты, — приказал Артуро.

— Китти? — пропищала Эстель.

— Артуро... обещай, что не причинишь ей боли?

— Кэтрин, ты забываешься.

— Обещай.

— Кэтрин, Эстель моя. Она часть меня. Если она погибнет, то погибнет и часть меня. В моих же интересах защитить её. Я обещаю.

Драма, волнение, напряжение! Прекрасный набор для шоу! Но сейчас я бы кожу с себя содрала, чтобы вернуться к плаксивым готическим цыпочкам.

— Я сейчас объявляю рекламную паузу. Когда мы вернёмся, надеюсь, ты подведёшь итог нашего неожиданного спецвыпуска «Илайджа Смит: Разоблачение». — Я убрала звонки из эфира и сказала: — Хорошо, Эстель. Тебе решать.

— Ладно. Я согласна. Артуро, приезжай за мной. Я в закусочной на Семьдесят пятой.

Артуро отключился.

— Ты в порядке, Эстель? — спросила я.

— Да. Да, я в порядке.

Она перестала плакать и казалась почти спокойной. Решение было принято. Она могла перестать бегать, по крайней мере, на некоторое время.

Мне ещё нужно было сделать один звонок — вызвать кавалерию на всякий случай. Я должна позвонить в полицию. Хардин… она поможет Эстель. Да, она отвезла бы Эстель в больницу. И доктора стали бы гадать, что делать. Они бы не поняли, а объяснить слишком поздно.

Обычный человек вызвал бы полицию. Но я вытащила ключок бумаги из записной книжки, перешла на внешнюю линию и набрала номер. После шести гудков я почти сдалась. И тут внезапное:

— Да.

Голос заглушили помехи сотового телефона.

— Кормак? Ты слушал сегодняшнее шоу?

— Норвиль? Зачем мне его слушать?

О, да, он мог притворяться, но я знала истину. Если он слушал его один раз, то мог послушать и во второй.

— Одна девушка попала в беду. Артуро говорит, что поможет ей, но я ему не верю. Я хочу удостовериться, что она не попадёт под перекрёстный огонь. Ты можешь помочь? Удостовериться, что никто не умрёт и всё такое?

— Артуро? Артуро поможет? Она вампир, я прав.

Казалось, это был вопрос, но он прозвучал как утверждение.

— Да, вообще-то.

— Ты с ума сошла.

— Ага. Слушай, возможно, Артуро доберётся до Эстель первым, и церковники её не найдут. Но если церковь появится, то приведёт с собой неслабеньких сверхъестественных. Возможно, тебе придётся открыть огонь.

— Стоп, помедленней. Церковь?

— Церковь Чистой Веры.

— Гм. Мой приятель был нанят пробраться к ним и не смог. Мне так хотелось взглянуть на них.

— Вот твой шанс, — радостно отрапортовала я.

— Ты права. Я проверю, но ничего не обещаю.

— Я согласна. Спасибо, Кормак.

Я продиктовала ему адрес. Он проворчал что-то вроде «вешаю трубку».

Мэтт давал сигнал через окно. Время. Мы в эфире. Хорошо.

— Мы вернулись на «Полуночный час». Эстель?

— Китти! Ко мне только что подъехал автомобиль. Это не Артуро; кажется, это люди церкви. Они убьют меня, Китти. Нам запрещено уходить; они отведут меня обратно и... я рассказала тебе всё, и теперь люди знают...

— Хорошо, Эстель. Затаись. Помощь в пути.

Мэтт наклонился и на этот раз даже не потрудился приглушать голос. Его лицо выглядело напряжённым и тревожным. Он казался измотанным.

— Снова четвёртая линия.

Возможно, это Артуро и я смогу его предупредить. Он был единственным шансом Эстель выбраться из кафе.

— Да?

— Китти, тебе нужна помощь? — раздался грубый грозный голос.

Не Артуро. Карл. Почему он каждый раз беспокоится, нужна ли мне помощь?

— Я не могу сейчас говорить, Карл.

Я отклонила вызов. Взбучку получу позже.

Мы с Карлом убьём друг друга на днях.

Я снова переключила линии, пришлось даже перепроверить, что я на правильной.

— Эстель? Что происходит? Эстель?

Какие-то помехи и звук падения. Моё сердце ухнуло вниз.

— Эстель?

— Да. Я прячусь, но телефонный шнур дальше не идёт. Я не хочу вешать трубку, Китти.

Я не хотела, чтобы она вешала трубку. Противный голосок в голове шептал заветное: «рейтинг». Но единственный способ узнать, что происходит — только по телефону.

— Эстель, если тебе нужно повесить трубку — вешай, хорошо? Важнее выбраться оттуда живой и невредимой.

— Спасибо, Китти, — произнесла она с лицом мокрым от слёз. — Спасибо, что выслушала меня. Кроме тебя, меня никто никогда по-настоящему не слушал.

Я ничего не сделала. Я ничего не могла сделать. Я сидела за микрофоном.

После этого события пришлось восстанавливать по звукам. Всё походило на плохо поставленную радио-драму. Визгнули шины по асфальту. Хлопнула автомобильная дверца. Раздался невнятный оклик. Телефон снова стукнулся об что-то: Эстель бросила трубку. Шум бегущих ног.

Я заметалась: мои руки тянуло превратиться в когти, а ноги желали бежать. Такое происходило в стрессовых ситуациях. Я хотела обратиться и бежать. Бежать далеко, бежать быстро, как Эстель.

Я перезвонила Кормаку.

— Да?

— Это я. Ты на месте? Что происходит?

— Дай мне время, прошло только минута. Дай ещё пять.

Он отключился.

Тогда на другой линии раздался перезвон колокольчиков на входе. Дверь закрылась. Медленные шаги по линолеуму. Я услышала крик. Затем всхлипы.

Что собой представляет этот Илайдж Смит, раз его боится вампир?

— Эстель, ты вернёшься ко мне? Ты сможешь вновь получить то, что потеряла. Я даже прощу предательство.

Спокойный уверенный голос раздавался эхом, словно шёл из телевизора в соседней комнате. Будто учитель обществознания в средней школе описывал страшный ритуал посвящения, словно рецепт пюре. Ровный голос, утешающий, давящий. Этот голос нёс истину. Даже по телефону, он звучал убедительно.

Илайджа Смит на своём первом публичном выступлении.

— Что ты такое?! — невнятно крикнула Эстель сквозь слёзы. — Кто ты на самом деле?!

— О, Эстель. Тебе так трудно поверить? Твоё сопротивление самое упорное из всех. Те, кто ненавидит себя, своих монстров — их вера рождается легко. Но ты, такие как ты... ты любишь монстра, которым стала, и эту любовь ты боишься и ненавидишь. Твоя вера настолько непрочна, потому что на самом деле ты не хочешь верить.

Я рухнула на стул столь резко, что тот заехал по ноге. Слова жгли кожу. Возможно, он говорил со мной и, возможно, он был прав: я не верила в исцеление. Потому что не хотела?

— Исцеление должно быть постоянным! Почему я не могу оставить тебя?

— Я не хочу тебя потерять. Я люблю всех своих людей. Ты нужна мне, Эстель.

Как там говорил Артуро: «Она часть меня. Если она погибнет, то погибнет и часть меня». Илайджа Смит мог быть своего рода вампиром, питающимся желанием, силой своих последователей?

Если бы только я могла заставить его поднять трубку.

И я снова позвонила Кормаку.

— Да?

— Пять минут прошло? По крайней мере, не клади трубку, чтобы я знала что происходит.

— Боже, Норвиль. Подожди. Тут внедорожник. Перед зданием караулят три парня. Оружия не видно. Они могут быть ликантропами. Ну, знаешь, у них такая своеобразная животная походка? Лимузин Артуро паркуется за углом. Фары отключены. Постой, он идет сюда. Он пытается войти. Я за ним.

Я слышу, как снимается предохранитель. Быстрые шаги.

Ненавижу! Всё происходит без меня. Я слепа и лишена информации. Впервые я ненавидела безопасность и анонимность своей студии.

И тут снова раздался голос Кормака:

— Не двигайтесь. Они заряжены серебром.

— Ты! — Это уже Артуро. — Какого чёрта!..

— Это идея Норвиль. Забирай свою девушку и убирайся отсюда, пока я не передумал. Вы, разойтись. Пропустите его.

У меня две линии открыты на конференц-звонке. Два канала информации избавленных от статики и шума, всё в эфире. Снаружи тихо. Должно быть, Кормак прекрасно знал, что делать с головорезами Смита, потому что возражений не последовало.

Затем внутри...

— Эстель? Пора возвращаться домой. Пойдём со мной. — Голос обеспокоенный, очаровывающий. Артуро.

— Эстель... — это уже Смит.

— Нет. Нет, нет, нет! — пронзительно закричала Эстель.

— Эстель! — Два голоса, лёд и пламя, одинаково властные.

— Эстель, возьми трубку! Возьми трубку и поговори со мной, чёрт возьми! — тщетно крикнула я.

Я жалела, что не могла поговорить с нею. Что мог сделать мой голос в этой неразберихе? Что я могла сказать Эстель, кроме: «Не слушай их! Не слушай нас всех! Следуй за своим сердцем или чем угодно, и оставь их».

Она снова закричала, но уже не от страха. Это было неповиновение. Финал. Страшный грохот. Что-то рухнуло — возможно, на пол упал стеллаж.

Пауза росла, столь же болезненная и категоричная как пустая страница.

Затем...

— Это твоя вина, — едва сдерживая гнев, произнёс Артуро. — Ты заплатишь.

— Ты виноват не меньше, — ответил Илайджа Смит. — Она убила себя. Любой согласился бы со мной. Она сама вогнала в себя кол.

Минуту я чувствовала лишь прилив крови к ушам, губам и щекам. Я так раскалилась, что была готова взорваться.

По обрывкам звука можно было догадаться, что произошло. Кусок заострённой деревяшки, возможно сломанная ручка метлы. Оставалось лишь прицелиться и правильно прыгнуть.

Проклятье. В моём шоу никогда прежде никого не убивали.

— Кто ты? — раздался голос Артуро.

— Если ты придёшь ко мне умолять, я отвечу на все твои вопросы.

— Как ты смеешь...

— Прочь отсюда, иначе я буду стрелять. — Это Кормак показал выдающуюсядержанность.

Быстрые, сердитые шаги покинули комнату и удалились. Послышались спокойные медленные шаги. Затем ничего.

Голос Кормака прорвался в мою тишину, в стерео, раздаваясь теперь по обеим линиям.

— Норвиль? Ты там? Поговори со мной, Норвиль.

Мои руки вонзились в край стола. Поверхность слоистого пластика раскололась; звук поразил меня. Я опустила голову и увидела, что мои пальцы утолщались, показались когти. Я даже этого не почувствовала. Мои руки были так напряжены, ладони обхватили стол так сильно... я не почувствовала, когда начала обращаться.

Я отъехала на стуле и сжала руки, затем скрестила их, прижав кулаки к коленям. Человек. Останься человеком хоть ещё ненадолго.

— Норвиль!

— Да. Я на связи

— Ты всё слышала?

— Да. Я всё слышала.

Я даже не сказала ей спасибо. Спасибо за интервью. Я знала лучше, чем кто-либо, сколько храбрости иногда требуется только чтобы открыть рот и заговорить.

— Здесь труп. Девочка. Она почти превратилась в прах. Ты знаешь, как это происходит.

— Я должна была сделать большее для неё.

— Ты сделала что могла.

Новый звук на заднем фоне. Полицейские сирены.

Без заключительного слова, Кормак повесил трубку, и я услышала тишину. Тишину там, тишину здесь.

Тишина по радио означала смерть.

— Китти? Время. Можешь говорить больше тридцати, если я отключу рекламу общественных услуг, — раздался голос Мэтта.

Меня прорезал болезненный бесшумный смешок. Общественные услуги, фиг вам. Я сижу здесь каждую неделю, притворяясь, что помогаю людям, но когда кому-то понадобилась настоящая помощь...

Я глубоко вздохнула. Я никогда не бросала шоу незаконченным. Нужно только открыть рот и заговорить:

— Китти снова с вами, пытаюсь резюмировать. Эстель нашла своё последнее исцеление. Метод я не рекомендую. Вампиры не говорят о своих слабостях как о таковых. Они говорят о цене. Их уязвимость к солнечному свету, деревянным колам и крестам — это цена за красоту и бессмертие. Всегда найдутся готовые платить, неважно как высока ставка. А некоторые пытаются вовсе избежать платы. Благодаря Эстель, вы узнали, в чём именно состоит предложение Илайджа Смит и его церкви, и вы знаете цену. По крайней мере, я могу сделать для неё хотя бы это. Хотя это неоспоримо мало. До следующей недели. С вами была Китти Норвиль, Глас Ночи.

Глава 9

Полиция ничего не могла предъявить Смиту. Тела ведь нет. Единственное преступление, на которое у них есть улики — взлом и проникновение в мини-маркет, а

подозреваемая, Этель, исчезла. Церковный караван смотал удочки и покинул город к следующему утру. Если бы у меня не было записи шоу, доказывающего обратное, я бы поверила, что ничего не произошло. Ничего не изменилось.

На следующий день ещё одна жертва в даунтауне (четвёртая за этот год) попала на первую полосу газет. Статья описывала в подробностях полицейское расследование, включала интервью с коллегой Хардин, детективом Салазаром, который упомянул, что один из детективов консультировался с Китти Норвиль, чудаковатой ведущей ток-шоу. Это означало, что полицейские серьёзно рассматривали наличие сверхъестественного элемента в этих смертях? Была ли это серия ритуальных убийств? Или, по их мнению, по городу разгуливает оборотень? Полиция не дала официального комментария. Это не помешало газетчикам пустить в ход воображение. И очень бурное. Прессы обозвала убийцу Джеком Младшим в честь Джека Потрошителя.

Весь день меня доставал тупой напор любопытствующих. Сделай шаг вперёд, думай о проблемах постепенно и не рассматривай картину в целом. Жизненно важные вопросы. Я перестала отвечать на звонки, поставив телефон на автоответчик. По крайней мере, ЦКЗ/ЦРУ/ФСНЗ-ный правительственный призрак не оставил мне сообщений, а вот Джесси Хардин оставила целых три за один час, а затем нарисовалась в моём кабинете.

Она скрестила руки на груди и нахмурилась. Казалось, ей не помешает выкуриТЬ хорошую сигаретку.

— Мне нужно, чтобы вы осмотрели последнее место преступления.

Я откинулась на спинку стула.

— Почему бы вам не нанять того парня, как там его звали... о, да, Кормак? Он знает своё дело.

— Мы получили отпечатки лапы с трёх мест преступлений. Я отвезла их в университет. Эксперт по волкам сказал, что это самый большой оттиск, который он видел за свою карьеру. Волк должен быть за двести пятьдесят фунтов. Эксперт говорит, что в природе таких не встречается. Начальство начало ко мне прислушиваться.

— О, точно. Вы сказали, что не доверяете Кормаку.

— Если бы вы смогли приехать, идентифицировать хоть какие-нибудь запахи или что вы там делаете, то, по крайней мере, я бы убедилась, что имею дело с серийным убийцей.

— Почему вы просто не наймёте профессионала?

Хардин выпрямилась и подошла ко мне.

— Хорошо. Прекрасно. Как вы узнали, что я говорила с охотником за головами?

— Он сам сказал мне.

— Великолепно, — пробормотала она.

— Он хочет объединить информацию. Предложение хорошее.

— Послушайте, на данном этапе я общаюсь со всеми, с кем могу. Я даже консультируюсь с фэбээровцем из отдела поведенческого анализа.

Я наклонила голову.

— Вы рассматриваете преступника как серийного убийцу? Или неконтролируемого монстра?

— Серийные убийцы и есть монстры. Этот парень может быть оборотнем, но он действует как человек, а не волк. Его жертвы не случайны. Он тщательно их отбирал: молодые, уязвимые женщины. Уверена, он выбирает их, преследует и убивает, потому что они лёгкая добыча.

О, вот это фраза.

— Он ведёт себя как серийный убийца, а не волк. Или даже оборотень. Да, я прочитала, что вы мне дали. Обычно волки достаточно умны, чтобы избегать людей.

— Да. Обычно. Видите ли, детектив. — Я забеспокоилась, но заставила себя посмотреть на неё в последнюю минуту. — Не думаю, что могу снова пройти через такое. Прошлый раз меня очень встревожил.

— Что, жертва показалась вам вкусной?

— Разве я не могу быть потрясена и травмирована как любой человек?

Скептически выгнув бровь, Хардин произнесла с большой долей сарказма:

— Простите.

Я отвела взгляд, сжав челюсть.

— Думаю, мне повезло, раз вы не относитесь ко мне как к подозреваемой.

— Дело не в отношении. Это всего лишь вопрос статистики: женщины редко являются серийными убийцами.

Благословенная статистика.

— Я могу знать, как он пахнет, но не как найти этого парня.

Она закрыла глаза и глубоко вздохнула, словно считала до десяти или придумывала довод. Затем она посмотрела на меня и произнесла:

— Вам не нужно смотреть на тело. Просто приезжайте на место и расскажите мне

всё, что сможете узнать. Вы должны помочь мне, пока не погибла следующая жертва.

Если бы эта беседа произошла не после шоу с Этель, то я возможно бы отказалась. Если бы Хардин не произнесла последнюю фразу вот так, то я возможно бы отказалась.

Я встала и захватила жакет со спинки стула.

Место убийства находилось не далеко от предыдущего, только улица была нежилой. Жертва оказалось ночным клерком мини-маркета — как раз возвращалась домой после смены.

Фургоны СМИ снова были тут как тут, даже больше чем прежде. В городе появился серийный убийца — приехали все.

— Как они узнают, куда ехать? — поинтересовалась я. — Они появляются одновременно с вашими людьми.

Хардин нахмурилась. Не на меня, а на устремившихся к нам репортёров.

— Подключаются к полицейским радиостанциям.

Крик раздался прежде, чем я открыла автомобильную дверцу.

— Мисс Норвиль! Китти Норвиль! Как вы думаете, кто стоит за этими убийствами? О чём вы говорили с полицией? У вас есть для нас какое-нибудь заявление?

По рекомендации Хардин я проигнорировала их. Она создала баррикаду между мной и камерами и повела за угол.

Хардин показала мне первые брызги крови в конце переулка за рядом магазинов. Они казались неестественными при свете дня. Такими яркими и фальшивыми. На бетоне поблизости красовалась половина кровавого отпечатка лапы. Целая была бы размером с мою голову.

Кровавый след вёл в переулок, где методично работали полдюжины следователей. Они загородили мой обзор. Живот скрутило, и я отвернулась.

Хардин скрестила руки.

— Ну?

Я обоняла его, того же волка, наряду с кровью и разложением. Те запахи были связаны с ним. Словно он не мылся, как будто погряз в смерти.

Мой нос сморщился.

— Он пахнет... сыростью. Болезнью. Я не знаю.

— Этот тот самый парень?

— Да.

Я всё ещё не хотела смотреть на тело. Просто не могла.

— Хуже, чем в прошлый раз, да? Он становится более жестоким.

— Да. Идёмте. Я отвезу вас.

Хардин припарковалась за углом. Я установилась на секунду у автомобильной дверцы вдохнуть свежего воздуха... и заметила, что Хардин пристально наблюдает за мной.

— Спасибо, — отозвалась я. — Спасибо за то, что не заставили смотреть.

— Вас действительно потрясло увиденное?

Мы наконец сели в машину, и Хардин отъехала от тротуара.

— То, что я сейчас видела... Я поняла, как он всё провернул. Он не обращался полностью в волка. Он мог использовать принцип рычага, чтобы повалить жертву на землю и разорвать. Мне не нравится знать, что я могу проделать тоже самое.

— Быть в состоянии физически что-то сделать и иметь склонность к этому — две совершенно разные вещи. Вы не подходите по типу.

— Вы говорите это только потому, что не встречали мисс Хайд.

Она посмотрела на меня со смесью любопытства и скептицизма, наморщив лоб и неуверенно улыбнувшись.

Хардин высадила меня с привычным напутствием: «Позвоните мне, если что-нибудь узнаете». Я обещала, что позовю.

Я заработалась допоздна, так что в здании было тихо и темно, когда я уходила. И снова осталась лишь я, ночной диджей, и охранник. Я не выспалась прошлой ночью, и сегодняшний вечер не обещал сна. Домой возвращаться совсем не хотелось: там я лишь буду терзать себя в приступе бессонницы.

Я решила идти пешком. Может усталость накопится, а мозг проветрится и отключится.

Выходя из лифта в вестибюль, я унюхала нечто странное. Чужеродное. Я выглянула — полдюжины человек ждало в лобби: кто-то стоял, кто-то расположился на диванчиках у стены.

От них веяло холдом. Они пахли как чистые, хорошо сохранившиеся трупы, так какими и являлись.

Дверь лифта закрылась за спиной, отрезая путь к отступлению.

За столом на вахте сидел ночной охранник, Пит. Он просто сидел, спокойно сложив руки перед собой и смотря прямо вперёд, не моргая и ничего не замечая. Вампиры что-то сделали с ним, ввели в своего рода транс.

— Кэтрин.

Я вздрогнула, поражённая звучанием этого голоса. Артуро вышел в центр холла, в пятно света. Словно он срежиссировал сцену и безупречно рассчитал свой выход.

Артуро под тридцать, красивой уверенной наружности, с квадратным лицом и зачёсанными назад блестящими белокурыми волосами. На нём чёрное вечернее пальто, расстёгнутое, чтобы продемонстрировать смокинг и костюмную рубашку с воротником-стойкой. Словно он вышел из пьесы Оскара Уайлда, за исключением того, что он двигался слишком уверено в современном мире, выглядел уж больно спокойным в офисном вестибюле.

Его окружение, трое мужчин и две женщины, поднялись с дивана и тенью встали вокруг него, придавая пугающую ауру его властности.

Если вампиры хоть когда-нибудь станут тратить меньше времени на театральность и опровергнут сложившиеся о них стереотипы, то смогут завоевать мир.

Одной из женщин была Стелла, из ночного клуба. Она стояла немного позади, властно нахмурив брови, как статуя. Другая женщина держала Артуро за руку и облокачивалась на его плечо. Она была гибкой и симпатичной, в корсете и длинной шифоновой юбке, будто картинка, вырванная из другого столетия. Она трогала его, словно не могла перенести разлуки.

Мужчины расположились по краям, как телохранители. Среди них был Рик. Я встретилась с ним взглядом, и он улыбнулся, выглядя ужасно удивлённым происходящему.

Все остальные замерли, уставившись на меня с неподдельной скучой. Но это не означало, что они считали ворон.

— Что вы хотите?

Я попыталась не казаться испуганной, но моё сердце бешено колотилось, а взгляд продолжал скользить к стеклянным дверям и улице. Я напрягла ноги, задаваясь вопросом, удастся ли убежать.

— Поблагодарить тебя.

Я моргнула.

— За что?

— За помошь Этель. И мне. По крайней мере, за попытку.

Он вежливо улыбнулся и слегка наклонил голову в маленьком поклоне.

Его слова вернули всю боль, и я снова почувствовала себя бессильной. Я потёрла лицо и отвела взгляд.

— Извините. Не знаю, что ещё я могла сделать. Я не хотела, чтобы всё так вышло.

— Я понимаю, — тихо произнёс Артуро.

Без высокопарности он казался почти добрым. Он выпрямился, отказываясь от намёка на другое «я», и пригладил отворот своего пальто.

— Вы также хотели бы узнать, что любые недовольства, которые диктовали моё поведение в прошлом, больше не принимаются в расчёт.

Я крепко задумалась.

— Вы больше не будете пытаться меня убить? Никаких угроз?

— Пока что. Я сохраняю за собой право передумать в зависимости от вашего поведения. Доброго вечера, Кэтрин.

Он начал поворачиваться. Я неуверенно шагнула к нему. Он остановился и вопрошающе наклонил голову.

Попытка не пытка. Особенно, когда он такой милый — для своего характера. Я вышла вперёд.

— Мэг поддерживала вас при найме Кормака?

Он сощурил глаза, изучая меня. Я отвела взгляд, не желая смотреть ему в глаза.

— Да, — ответил он наконец.

Я не ожидала прямого ответа. Желудок связался узелком. Так или иначе, я всё ещё хотела надеяться, что произошло недоразумение, и завтра я бы проснулась, а мы все снова друзья.

— Вы... могли бы сказать это Карлу?

Он беззвучно рассмеялся, демонстрируя кончики клыков.

— Моя дорогая, он уже знает. Если он не действует соответственно, то я ничего не могу с этим поделать.

Он прошёл через главные двери, уводя вампиров за собой. Рик вышел последним. Прежде чем уйти, он обернулся и сжал губы в сочувствующей улыбке. Я слабо помахала ему на прощание.

— Какого чёрта всё это было нужно? — пробормотала я.

Просто хотелось заполнить пространство, нарушая напряжённую тишину. Оставив своё убежище, пройдя через неприятности, чтобы увидеть меня, рискуя потенциальным нарушением территории, Артуро сделал мне чертовски приятный комплимент. Это было неожиданно, по меньшей мере.

Я всё ещё смотрела на дверь, когда раздался голос:

— Китти, что с тобой?

Пит поднялся из-за стола, словно был готов подбежать ко мне и измерить температуру. Он выглядел нормальным, средне заинтересованным — и без следа воспоминания о шести вампирах, которые только что занимали вестибюль.

— Я в порядке, — ответила я, делая медленный вдох, чтобы вернуться на землю. — Как ты себя чувствуешь, Пит?

Он пожал плечами.

— Прекрасно.

— Хорошо, — сказала я, заставляя себя улыбнуться. — Очень хорошо. До встречи.

Я покинула здание. Мои руки были покрыты гусиной кожей.

Я возвращалась домой в полночь и позже огромное количество раз и никогда не видела в этом ничего страшного. Большинство банальных угроз, с которыми я могла столкнуться, не могло причинить мне вреда, поэтому я не соблюдала осторожность, хотя, наверное, стоило бы. Бриз дул в сторону дома. Я шла по ветру... и учудила волка.

Он бежал за углом здания на полной скорости. Лапы несут, тело летит стрелой. Перед глазами промелькнула вспышка меха и бронзовых глаз, и секунду спустя меня повалили. Я растянулась на спине, защищая руками лицо.

Я подумала, что меня нашёл маньяк. Промелькнула смутная мысль, что нужно было позвонить Хардин при первой же возможности. Я должна была догадаться, что преступник опознает меня и решит напасть. Но стоило ему задышать на меня, как я его узнала. Он пах стаей. Не чужаком.

Я закричала:

— Зан, сволочь, слезай с меня!

Зан бросился на меня, сжал пастью предплечье и покрутил головой, разрывая плоть. Я закричала. Он остановился, но не отпустил моей руки. Если я попытаюсь вырваться, то рука останется у него.

По крайней мере, он не мог снова заразить меня ликантропией.

Я схватила его морду свободной рукой и сжала, пытаясь отвести его голову, но мне не хватало сил. Но я жала до предела. Под рукой хрустнул хрящ. Я крутанула руку, отводя его губы от зубов. Он закашлялся от удушья, не в силах дышать через нос, и отпустил.

Я отпихнула Зана и повернувшись приземлилась на травмированную руку, так что та полностью отказалась слушаться. Каким-то непостижимым образом мне удалось встать на ноги. Тем не менее, Зан был уже наготове, вытянув когти и раскрыв пасть. На этот раз, когда он кинулся на меня, я перекрутилась вместе с ним.

Я придавила его к земле и навалилась сверху. Он представлял собой извивающуюся связку мышц. Серо-чёрный мех скользил. Я пнула его под ребра. Он завизжал и рванул, вся его сила снесла меня, словно я весила не больше пёрышка.

Внутри меня, между ребрами и сердцем, проснулась Волчица. Её сила росла, желая вырваться на свободу. Она была в опасности и не собиралась оставаться в стороне.

Я сжала зубы и приструнила её. Мне не хотелось терять контроль. Но мои кости таяли, а кожа сползала. Прямо сейчас лучшее использование моей энергии — это бежать как угорелая, а не перекидываться. Но Волчица так не думала.

Я кричала, корчась от боли и злости на Зана. Колотые раны на руке стянулись и засохли. Пока я сидела, свернувшись калачиком, не в силах двигаться во время обращения, Зан снова напал на меня.

Его лапы приземлились на мои плечи, челюсть сжала шею. Я толкнула его локтем, пытаясь вырваться из хватки. Его когти вошли в моё тело, но клыки не смогли сомкнуться. К этому моменту у меня тоже появились когти. Я сидела на коленях, подняв передние конечности, теперь уже крепкие и кончающими толстыми пальцами с острыми когтями, и вонзила их в его выставленный живот.

Они вошли в плоть и разорвали её с таким приятным звуком. Я зарычала и приложила больше усилий. Хлынули шесть потоков крови и окрасили его мех. Восторг, ликование и радость обуяли меня — её чувства. Это всё сделала она. Эту власть, радость, кровь. Мой рот наполнился влагой. Её рот. У меня толстые клыки. Когти. Она хотела кусочек Зана.

И могла его получить. Он отступил, заметив мой пристальный взгляд. Всё перед глазами стало расплываться в пятно. Огни слишком ярки, а тени отчёлтивы, но я различала Зана. Мы зарычали, губы изогнуло от злых клыков. Официальная дуэль между нами. Я наполовину обращена — наполовину она, моя Волчица. Просто отпусти...

Как пушечное ядро, в Зана врезался другой волк. Они упали — клубок меха, когтей и разъярённого рёва. Я отступила, едва сдерживая тошноту, обнимая себя, пытаясь удержаться за своё «я».

Холодная вода. Лёд. Одежда. Брокколи. Остановись. Я до сих пор никогда так далеко не заходила и не отгоняла её. У меня был список: вещи, о которых я думала, чтобы заставить её уйти, по крайней мере, ненадолго. Ростки. Зелень. Дневной свет. Спокойствие. Музыка. Бах «Sheep May Safely Graze». Ха.

И она ушла, но болезненно, словно кишki протянули по лезвиям, а зубы сжевали меня изнутри. К горлу подкатила желчь, затем отступил, и мой желудок взболтнуло.

Борьба между Заном и другим волком подошла к концу.

Где я боролась за свою жизнь, за каждый дюйм земли, едва удерживая себя, вновь прибывший ударил Зана один раз и покончил с этим. Зан захныкал — хвост свернулся между лап — пополз на брюхе, оставляя за собой дорожку крови на тротуаре. Его противник зарычал и прокусил его морду. Зан перекатился на спину и остался лежать. Доминирующий волк стоял над ним, низко рыча.

Нападавшим был Ти Джей.

Как волк, он был синевато-серым, с серебристыми шерстинками, как матовое покрытие, на морде, груди и животе. Глаза были нежно жёлтыми, точно янтарь. Большой и жутко страшный волк.

И он всегда спасал мою задницу.

Когда волк демонстрировал подчинение другому, то обычно подразумевалось, что они решили конфликт. Доминирующий принимал уважение, порядок в стае восстанавливался, и все расходились по своим делам.

Ти Джей же не переставал рычать.

Разжав челюсти, он кинулся на Зана. Я вздрогнула от этой жестокости. Доминирующий волк порвал горло Зана, грызя его без милосердия. Зан крутился и визжал, чуть ли не крича, как будто пыталась вырваться его человеческая сторона. Задние лапы дрыгали в воздухе, ища точку опоры, чтобы схватить Ти Джая и повалить. Но Ти Джей был слишком быстр и безжалостен. Артериальная кровь оросила землю.

Полностью сжав шею противника клыками, он тряс головой, пока Зан не обмяк точно тряпка. Ещё дюжину раз Ти Джей повозил свою жертву назад и вперёд. Наконец он уронил Зана и отступил.

Я упала на задницу, больно ударяясь копчиком.

Моя рубашка была так порвана, что просто свалилась с меня. Левая половина тела, где Зан хватал за плечо, прокусывал шею и рвал руку, покрылась кровью. Я осторожно прижала руку к груди. Я её совсем не чувствовала.

Лицо и грудь Ти Джей были все в крови. Тело Зана начало принимать человеческий облик, оставаясь в предсмертной позе. Он растянулся на земле, покрытый собственной кровью. Раны от когтей, что я ему нанесла, полосами прочерчивали его голый торс. Его голова была почти отделена от тела.

Он немного напоминал распотрошённую жертву Хардин.

Ти Джей посмотрел на меня, словно не сделал ничего неправильного.

Я попыталась понять, о чём он думал. Кроме вкуса крови, заполнившим его рот. Он устал от Зана, который слишком часто доставлял неприятности, и хотел покончить с ним раз и навсегда. По крайней мере, именно так я думала. Зан сгупил, пойдя за мной вот так. Я опозорила его перед стаей, и он искал мести. Итак, почему он не бросил мне вызов перед всеми?

Я уставилась на волка, сидящего на расстоянии в несколько футов от меня. Самодовольный. Он выглядел самодовольным.

— Придурак, я могла справиться с ним! У меня всё было под контролем! Ты до сих пор не веришь, что я могу позаботиться о себе!

Он, вероятно, понял меня. Ему, вероятно, было всё равно.

— Как думаешь, что будет, когда полицейские найдут загрызенный труп возле моей квартиры? А? Ты думал об этом? Как я буду всё объяснять? «Простите, но он просто нарвался на убийство». Как это прозвучит?

Ти Джей смотрел на меня, не дёргаясь и не рыча. Просто наблюдая за мной с чрезвычайным спокойствием и терпением. Словно: «Ты утихомирилась? Готова идти домой как прилежная девочка?»

— Иди к чёрту, Ти Джей!

Забавно, но я посыпаю матом огромного волка.

Я подавила всхлип, поднялась на ноги и чуть не упала от головокружения. Сколько крови я потеряла? Много. Рука вся покрылась ею. Я поплелась к двери своей квартиры. Хочу в душ.

— Хватит плятиться на меня. Я не хочу с тобой говорить.

Я отвернулась от него.

Ти Джей убежал. Летя над бетоном как реактивный снаряд, он исчез в темноте.

Слишком поздно я осознала, что отчитала лучшего друга. Я нуждалась в нём. Как я выдержу эту ночь одна? Я не испытывала такой боли с первой ночи, когда Зан напал на меня и привёл в стаю.

Зан был не на много старше меня. Его волосы торчали вокруг головы точно ореол, пропитанный кровью, что текла по улице. Рот был открыт, глаза — нет. Он всё ещё пах стаей; знакомый тёплый аромат, что дисгармонировал с преобладающими струями крови. Неправильно, неправильно. Меня скрутил спазм, но не вырвало.

Мне удалось добраться до квартиры. Я села на кухонный стул и попыталась подумать. Мне было холодно, била дрожь. Оборотни быстро выздоравливают. Я просто должна подождать, когда начнётся исцеление. И войти в шоковое состояние тем временем.

Меня ранили сильнее, чем я хотела признать. Я нуждалась в помощи.

Я подумала, кому могу позвонить. Стая сразу отпадает. Один из членов стаи напал на меня, и я только что прогнала Ти Джая. Не стоит остальным решать, что со мной делать. Я подумала о Рике, но вспомнила, что он может сделать, когда увидит столько крови, пропитавшей всё. Уж точно его в тот момент будет заботить не моё здоровье.

Я позвонила Кормаку. И снова, когда любой нормальный человек вызовет полицию. И по той же причине: Как объяснить полиции, больничному персоналу, когда медсёстры увидят, как затянулись мои раны? Кормаку ничего объяснить не придётся.

Я набрала номер, и как обычно он не отвечал до окончания приблизительно полудюжины гудков.

— Да.

— Это Китти. Мне нужна твоя помощь.

— Где ты?

— Дома.

Я повесила трубку, доползла до раковины и сунула руку под струю. Вода окрасилась в кровавый розовый, и показались отверстия в коже. Если бы я стояла спокойно, то смогла бы понаблюдать, как они заживают, точно в покадровой съёмке; наблюдать, как формируются струпья, и стягиваются края, точно грязь, заполняющая могилу. Захватывающее зрелище.

И тут я поняла, что в комнате стоит он. Кормак. Я бросила на него косой взгляд. Возможно, он стоял здесь часами, наблюдая за мной.

— Как ты вошёл?

— Ты оставила дверь открытой.

— Блин.

— Что с тобой произошло?

— Просто подралась. Ерунда.

Он был спокоен как удав. Ничто не изменит его тона крутого парня. Он проверил кухонные шкафчики, пока не нашёл стакан. Склонился над раковиной, отвёл кран от моей руки, наполнил стакан водой и вручил мне. Я выпила и почувствовала себя лучше. Стакан воды. И почему я сама об этом не подумала.

— Ужасно выглядишь, — сказал он.

— А на душе ещё хуже.

— Рана не такая уж страшная. Похоже, ты вскоре исцелишься.

— Дело не в этом.

Волчица всё ещё грызла меня изнутри за то, что я посадила её на поводок.

— Это имеет отношение к искорёженному телу на дороге?

Блин. Он вызвал полицию?

— Да.

— Ты его убила?

— Нет, — резко выдала я.

— Это сделал твой знакомый? Или тот одиночка?

— Он, парень на дороге, тоже был оборотнем. Волчьяссора.

Он наблюдал за мной с непроницаемыми глазами, нахмутив лоб. Как полицейский на допросе, ожидающий, когда подозреваемый расколется. В горле тут же пересохло.

— Ты веришь мне?

— Почему ты позвала меня на помощь?

— Я не могу никому доверять, а ты сказал, что задолжал мне. Разве нет?

— Не двигайся.

Он прошёл к комоду на другом конце комнаты и стал искать что-то в ящиках. Я осталась на месте, облокачиваясь о стойку, пока Кормак не вернулся. Он нёс полотенце на плече и протянул мне рубашку.

Кормак отвернулся, уставившись на противоположную стену, пока я снимала измельчённую футболку и надевала майку.

— Можешь смотреть, — сказала я, переодевшись.

Он вернулся к раковине, намочил полотенце и выключил воду. Дом показался таким тихим без бегущей воды.

Кормак вручил мне полотенце.

Я села на стул и стала смывать кровь, а Кормак смотрел.

— Кормак — твоё настоящее имя?

— Вроде никто не жаловался.

Кровь не очищалась. Я просто продолжала её размазывать.

Тяжело вздохнув, Кормак отобрал у меня полотенце.

— Вот. Позволь мне.

Он обхватил моё запястье, вытянул руку и начал вытирать кровь с большим усердием и энергией, чем я.

Моя рука онемела, но теперь начала жалить. Я вяло попытался её отдернуть.

— Разве ты не боишься заразиться? Столько крови...

— Ликантропия не настолько заразна. Главным образом она проникает через открытые раны, и в основном передаётся от волка. Не помню, чтобы кто-то заражался от оборотня в человеческом облике.

— Откуда ты столько знаешь об оборотнях? Как ты решил заняться таким делом?

Он пожал плечами.

— Семейный бизнес.

Эффективно (словно у него было много практики) он очистил кровь, вымыл мою руку, плечо и шею. Он даже убрал кровь из-под ногтей. На обеих руках. Кровь Зана, на этот раз.

— Разве у тебя нет стаи? О тебе не должны позаботиться твои приятели?

— Прямо сейчас мы вроде как в ссоре.

Ощущения вернулись к руке, что было плохой новостью, потому что она ужасно болела, пульсируя от шеи до пальцев. Я начала дрожать.

— Боже, вот уж не думал, что у оборотней бывает шок.

Кормак бросил полотенце в раковину, прошёл к кровати и схватил одеяло. Он накинул его на мои плечи и встал передо мной, чтобы свести концы, укутывая меня в тёплый кокон. Я устроилась в этом импровизированном убежище, делая глубокий вдох и наконец, отпуская напряжение.

За сколько времени я впервые почувствовала себя в таком тепле и безопасности? И как нелепо, что подарил мне эти ощущения он. Охотник на оборотней. Он прав — я, должно быть, в шоке.

Прежде, чем он смог бы убрать руку от одеяла, я схватила её. Я была быстра и нежна — он даже не вздрогнул, когда я прижала его руку к плечу. Давление, и он понял, что я двинулась.

Члены стаи чувствуют себя более защищёнными в группах. Прикосновение скрепляет их. Два члена могут редко находиться в одной комнате, не прикасаясь друг к другу время от времени, иногда лишь касаясь тыльной стороной ладони или задевая друг друга плечами как при столкновении волков. Прикосновение означало, что всё хорошо. В тот момент, в ту долю секунды, я хотела, чтобы Кормак был частью стаи.

И тут проснулся человеческий голос и заметил, как чертовски странно это, должно быть, выглядит с его стороны. Я убрала руку и посмотрела вниз, качая головой.

— Прости. Я...

Он вернул мою руку на плечо. Мои глаза расширились. Он переплёл наши пальцы и сжал ладонь. Его кожа была тёплой и всё ещё немного влажной от полотенца. Прикосновение тронуло моё сердце, унося боль. Всё было хорошо.

Кормак всё ещё стоял на коленях перед моим стулом, что означало его голова была немного ниже, чем моя. Я немного смотрела на него свысока. Он находился в прекрасной позиции для поцелуя.

Я коснулась его щеки свободной рукой и поцеловала, столь нежно, только чтобы посмотреть, как он отреагирует. Он заколебался, но не отпрянул.

Затем он ответил, и с таким голодом. Его рот был тёплым, а губы такими активными, жадными. Я попыталась ответить ему с той же энергией, двигая губами по его губам, позволяя жару притяжения опалить моё тело и пройтись огнём по мышцам. Я обернула непострадавшую руку вокруг его шеи и соскользнула со стула, прижимаясь к нему. Он удержал меня, положив руки на спину. А затем осыпал меня поцелуями до подбородка, по челюсти, к уху. Цепляясь за него, я еле могла дышать.

Я не была обычной, неликантропом, так как стала оборотнем. Я боялась быть с нормальным человеком. Боялась, что могу сделать, если потеряю контроль. Но Кормак мог позаботиться о себе. Быть с ним не так как быть с ликантропом. Я не осознавала, что будет разница. Я сильнее, чем он. Я могла чувствовать силу в мышцах, прижимаясь к нему. Могла оттолкнуть его или сжать, пока он не закричит. Я чувствовала себя более властной и могущественной, чем когда-либо было в своей жизни. Я хотела взять его, всего

его. Я слышала, как кровь мчится по его телу, ощущала напряжение желания в его сухожилиях. Он пах по-другому, не как ликантроп. Больше... цивилизацией, как мыло, машины и дома. Он не нёс запаха стаи. Это было по-новому. Возбуждающее. Я решила, что мне нравится, как он пахнет.

Я зарыла лицо в его волосах и глубоко вздохнула. Вырвалась из его хватки, чтобы изучить всё его тело, прослеживая аромат по шее, вдоль воротника, вниз по туловищу до намёка на волосы на груди через ткань, через грудь к подмышке, которая щедро источала его запах. Я задержалась там и ткнулась носом к поясу его джинсов, и — ох! — я не могла дождаться узнать, как он пах там...

Обхватив мои плечи, Кормак оттолкнул меня и стал удерживать на расстоянии вытянутой руки.

— Что ты делаешь?

— Ты пахнешь новизной.

Я потянулась к нему, полуприкрыв глаза, желая погрузиться обратно в его аромат.

Он не шевелился, удерживая дистанцию между нами.

— Ты не человек.

Кормак отошёл от меня.

Я стояла на коленях на кухонном полу, они давили на плитку, а сердце глухо стучало, пытаясь почувствовать тело, которое словно исчезло.

Через секунду я прошла в другую половину квартиры. Кормак прислонился к противоположной стене, оборонительно скрестив руки, уставившись на дверь, словно не мог понять, почему он просто не ушёл.

— Прости, — сказала я.

Я не знала, за что приносила извинения. Возможно, за то кем я являлась. Я ничего не могла поделать, хотя и не хотела извиняться за свою природу. Итак, я извинилась, чтобы позвать его, поцеловать и не гадать, как он отреагирует.

Кормак начал говорить, затем покачал головой, посмотрел на пол и снова на меня.

— Как ты стала такой? Ты не из тех, кто просит о подобном.

Я села на край кровати и обняла колени. Руке стало лучше. Проколы затянулись, покрылись красными струпьями, которые уже стали розоветь. Боль сменилась зудом.

Что тот правительственный призрак спросил у меня? К кому я обращаюсь, когда нуждаюсь в совете? Что бы я ответила, если бы кто-нибудь позвонил на шоу и рассказал мою историю? Не повезло тебе, детка. Решайся. Но испытываемый мной гнев не

становился меньше. Гнев, с которым я так и не смогла совладать. Я никогда никому не рассказывала всей истории, даже Ти Джую или кому ещё в стае.

Я не была уверена, что Кормак правильный человек, но не знала, когда получу другой шанс поговорить.

— Оказалась в неправильном месте и не в то время.

И я поведала ему свою историю.

Билл был симпатичным, и так мне нравился. Русые волосы, квадратная челюсть, обаятельная улыбка. Но он хотел от меня лишь одно. Он был компанейским парнем, а я... признаю, я была наивной девушкой. Он покорил меня своей красотой и горделивостью.

В день Независимости мы поехали на вечеринку в горах у Эстес-Парк. В долине устроили фейерверк, да так что звук отражался эхом между холмами. Билл весь вечер трепался со своими друзьями, держа меня за талию, словно некий аксессуар. Именно ради этого я покрасилась в блондинку и надела мини-юбку. Мышцы затекли от постоянной улыбки. Не могу сказать, что хорошо проводила время и огорчилась, что вечер подошёл к концу.

Всю обратную дорогу до города Билл пытался забраться мне под юбку.

— Я просто хочу домой, — сказала я в пятый раз, отодвигая его руку.

— Но ещё рано.

— Пожалуйста.

— Угу.

В общем, Билл вёл машину, а я смотрела в окно. Когда он свернул на просёлочную дорогу неизвестно где, я ничего не смогла с этим поделать.

— Куда мы едем?

Узкую дорогу обрамляли низкорослые дубы и сосны; она вела к началу тропы у реки.

— Разворачивай.

Днём это место пользовалось популярностью среди туристов и горных мотоциклистов. Но сейчас была полночь. Билл выключил фары и припарковался в углу стоянки, скрытой тенью нависших веток.

Я схватила ручку двери, но Билл поставил автоматический замок когда глушил двигатель.

Он двигался так быстро! Уверена, он проделывал такое раньше.

Держа мои руки, он залез на меня, вжимая в одноместное сиденье. Двести фунтов его веса придавили меня, и сколько бы я не сопротивлялась, мне было не сбежать.

Я начала учащённо дышать.

— Расслабься, детка. Просто расслабься.

Я продолжала умолять: «нет, остановись, пожалуйста!», всё время. Я никогда так ни пугалась и ни злилась. Когда он поднёс ко мне своё лицо, я укусила его. Но Билл лишь ударил меня и вогнал себя ещё глубже.

Я почувствовала вкус крови.

Я прокусила щёку, да из носа текла кровь.

Наконец, учащённо дыши, он перекатился на своё сидение. Тело всё ещё разрывало от боли.

Я стала царапать замок, пока он не щёлкнул, распахнула дверцу и выскочила из машины.

Билл крикнул мне вдогонку:

— Разве ты не хотела домой? Боже!

Он завёл двигатель и уехал.

Я бежала. Ноги меня не слушались, дыхание сбивалось, но я продолжала бежать. Я только хотела вырваться из этого кошмара.

Той ночью сияла полная луна. Странные тени скользили по траве и кустам. Как глупо; я понятия не имела, где находилась и не представляла, как собираюсь вернуться домой. Я рухнула в траву и зарыдала. Глупая, Китти. Идея поехать с Биллом на вечеринку была дурацкой с самого начала, и посмотрите к чему это привело.

Поляна для пикника лежала чуть поодаль от парковки. Некоторые столы были прикрыты защитной плёнкой. Я села на неё, подтащила колени к подбородку и обняла себя. Мои трусики остались в машине. Я решила, что буду сидеть здесь, пока утром меня ни найдёт какой-нибудь бегун и позвонит в полицию. Я переживу эту ночь.

Я обняла себя, чтобы остановить дрожь и, возможно, постараться заснуть.

На расстоянии завыл волк. Далеко. Не о чём беспокоиться.

Возможно, я задремала. Возможно, когда поблизости зашелестели кусты, я подумала, что мне снится кошмар. Ко мне двинулся силуэт. Серебристо-пёстрый мех волка напоминал тень. Он повернул бронзовые глаза на меня. Раздул собачьи ноздри.

Подошёл ближе, наклонил голову и принюхался, не сводя с меня глаз. Волк был не больше немецкого дога с широкими плечами и плотной шерстью. Он мог достать меня без труда.

Позже, я узнала, что волк унюхал запах крови, и инстинкт подсказал ему, что рядом раненое животное. Лёгкая добыча.

Я дрожала как кролик и как кролик думала минуту о побеге.

Зверь напал.

Я закричала, когда его когти царапнули по ноге. Пошатнулась и рухнула со стола. Я продолжала кричать, когда его челюсть сжала моё бедро. Используя захват как точку опоры, волк пополз по мне, оставляя царапины по всему телу. Моя плоть скользила как масло, куски кожи слетали с каждым прикосновением.

Паника, паника, паника. Я пнула его морду. От удивления волк отступил. В тумане адреналина я прыгнула и достала край навеса. Задыхаясь, сжав зубы и напрягая мышцы, я закинула ногу на крышу. Волк подпрыгнул и прошёлся когтями по висящей ноге. Я закричала, падая — нет, не падая. Я успела сжать край, волк полетел вниз, и я смогла взобраться. Пролежав какое-то время на крыше, пытаясь придти в себя, я решилась посмотреть вниз.

Волк следил за мной, но не мог достать. Он развернулся и убежал.

У меня кончились силы, чтобы пошевелить хоть пальцем, так что я просто упала без чувств, свесив руку над краем навеса...

Что-то сжало мою ладонь. Небо светлело, бледнея от рассвета.

Я с воплем дёрнула руку и начала дрожать. На моих ногах, юбке и рубашке алела кровь. Она растеклась лужицей и по крыше, но уже засохла. Опасность миновала.

Соблюдая предельную осторожность, я медленно двинулась к краю.

Показались руки, и ко мне стала подниматься незнакомая женщина. Я испуганно отползла от неё к другому краю, посмотрела вниз и увидела несколько человек, наблюдающих за мной холодным взглядом.

Женщина стала на колени у края крыши. У незнакомки были длинные тёмные волосы, карие глаза и грация танцовщицы. Она приняла сидячее положение, не отрывая от меня глаз.

— Как тебя зовут? — спросила она.

Я осмотрелась. Полдюжины человек окружила навес: мужчины в различных степенях потрёпанности, небритости и нечесанности, в куртках из кожи или денима,

футболок и джинсов. Все были босыми. Женщина также была одета в джинсы и футболку, явно не особо заботясь о стиле. Однако им всем удалось устрашать, излучая силу одним только своим видом.

Я не ответила.

— Укусы, царапины — болят?

Я задумалась, что означало отрицательный ответ. Коснулась бедра. Кожа на ощупь нежная, не болит.

— Посмотри на раны, — приказала незнакомка. — Что ты видишь?

Я задрала рубашку, выставляя место укуса. Шрам, красный и заживающий, возможно недельной давности, морщил кожу. Полукруглые ямки на моих ногах стали розовыми линиями, затянувшимися и заживающими.

Я снова начала учащённо дышать.

Мне удалось сделать вдох.

— Откуда ты знаешь, что произошло?

— На тебя напал один из наших. Мы должны взять ответственность за его действия.

— Но вы...

Она доползла до меня, не спуская с меня глаз и раздувая ноздри. Я вздрогнула, но если бы отступила немного дальше, то полетела бы вниз.

— Я не сделаю тебе больно. Никто из нас не причинит тебе боли. Пожалуйста, скажи мне своё имя.

В этот момент я хотела лишь упасть ей в руки, потому что я верила, что она не желает мне зла.

— Китти, — пропищала я.

На мгновение показалось, что она не поверила моему ответу, но улыбнулась.

— О, хорошее имя. Ты слишком хорошенъкая для такой жизни, детка.

— Я не понимаю.

— Поймёшь. Придётся. Я помогу. Ти Джей?

Позади меня на краю крыши появились руки. Один из мужчин с лёгкостью поднялся, словно прыгнул на стол, а не взобрался на навес семи футов высотой. Он присел на краю, одной рукой опираясь на крышу, чтобы не терять равновесие. Он был — Боже, он был великолепен. Загорелый, хорошо сложенный. Сквозь рукава его белой

футболки проглядывали бицепсы, напряжённое лицо закрывали тёмные волосы.

Он излучал энергию и напугал меня до чёртиков. Я поползла назад, царапая коленки по асфальтовой кровле крыши. Но незнакомка уже поджидала меня, такая же напряжённая, заманивая в ловушку. Я сжалась в комок на грани крика. Что-то внутри меня начало рваться на волю.

— Кто вы?

Мужчина, Ти Джей, ответил:

— Мы — стая.

Конвульсия вывернула меня, и я потеряла сознание.

Я приходила и теряла сознание следующие три дня. Я запомнила немного — запах парка тем утром, сосен и росы. Кто-то нёс меня. Кто-то ещё — она, женщина — держала руку на моём плече. Голоса, которые я не смогла точно различить.

— Она пахнет сексом.

— Сексом и страхом.

— Кровь. Не от укусов и царапин. Мэг, посмотри.

Я покачала головой и попыталась сопротивляться, но больше походила на ребёнка, молотя руками, не достигая цели, слишком слабая, чтобы оттолкнуть.

— Нет, остановитесь, не трогайте, не трогайте...

— Она была изнасилована, — констатировала женщина.

— Ты же не думаешь на Зана...

— Здесь нет его запаха.

— Тогда кто-то ещё. Объясняет, как она оказалась здесь.

— Надеюсь, она расскажет.

— Позже. Ей ещё пару дней будет не до этого.

Я застонала. Меня ждёт домашняя работа, я не могу...

Я открыла глаза.

Я лежала на кровати. Простыня обвила моё тело, словно меня побили во сне. На мне была футболка (и ничего более), и никаких следов крови. Мне было холодно, волосы спутались от пота. Я глубоко вздохнула — не знаю, сколько времени я проспала, но я чувствовала себя изнурённой, словно бежала. Двигаться совершенно не хотелось.

Бронзовый идол из парка сидел на стуле у кровати, наблюдая за мной. Женщина поднялась с другого стула, чтобы сесть в изножье. Я оглянулась на них, ожидая приступа

паники. Меня похитили. Какой-то культ. Билл подговорил их на это? Все эти идеи казались бредовыми, и я совсем не испугалась. Каким-то образом я чувствовала себя в безопасности. Также я знала, что они здесь, чтобы присматривать за мной, заботиться. Я была больна. Очень больна.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил он.

— Не особо хорошо. Устала. Выжата как лимон.

Он кивнул, словно понимал.

— Твой метаболизм полностью испорчен. Всё восстановится через несколько дней.
Ты голодна?

Я не думала о еде, но как только он спросил, мой желудок показался пустым, и я почувствовала голод.

— Да, наверное, да.

Я села.

Он ушёл в соседнюю комнату, которая выглядела как хорошо освещённая спальня. Мэг изучила меня. Я отвела взгляд, почувствовав внезапный прилив застенчивости. Ти Джей вернулся с тарелкой стейка, словно тот был у него наготове. Я скептически посмотрела на него. Я не любила стейк.

Он поставил тарелку на прикроватный столик и передал мне нож. Я с неохотой принялась за еду. Из мяса брызнула кровь. Щедро.

Я уронила нож.

— Я не люблю мясо с кровью.

— Теперь полюбишь.

Казалось, я вот-вот расплачусь. Уставившись на Ти Джея, я едва произнесла громче шёпота:

— Что со мной происходит? Почему я не боюсь вас?

Он опустился на колени возле кровати. Теперь я смотрела на него сверху вниз, и это успокаивало. Мэг обошла кровать и села рядом со мной так близко, что я почувствовала тепло её тела. Я была поймана в ловушку, и моё сердце начало колотиться как бешеное.

Она взяла мою ладонь и поднесла наши руки к моему лицу.

— Чем пахнет?

Она в своём ума? Но так как наши руки были прямо перед моим носом, я невольно учуяла запах при вздохе. Я ожидала почувствовать запах кожи. Возможно, мыла. Нормальные человеческие ароматы. Но... было что-то ещё. Я закрыла глаза и сделала

глубокий вдох. Что-то богатое и яркое, как земля и горный воздух. Это не мыло или дезодорант нового века или что-то в этом духе. Это была она. Я успокоилась.

Прежде, чем я осознала, Ти Джей сел около меня и обнял за плечи, прижимаясь близко и дыша в мои волосы. Жест не был сексуальным; во всём происходящем не было ничего сексуального — но это так трудно объяснить незнающим людям.

— Это наша стая, — сказала Мэг, обнимая меня с другой стороны. — Здесь ты в безопасности.

Я поверила ей.

Кормак сидел на полу с более расслабленным видом. У него не было того взгляда на лице, как когда он оставил меня, словно съел что-то кислое.

— Хреновое везение, — произнёс он наконец.

Я покачала головой, грустно усмехаясь. Я примирилась с произошедшим. Рассказав свою историю, я поняла на кого больше всего сердилась всё это время.

— Теперь спроси меня, кто, по моему мнению, является настоящий монстром. Зан — он следовал за инстинктом. Он не мог управлять ими. Но Билл... он знал точно, что делал. И он не сожалел. — После паузы я добавила: — Это Зан, на улице.

Я откинулась назад и выглянула в окно. Со второго этажа проглядывалась улица, но не место, где лежал Зан.

— Как думаешь, полицию уже вызвали?

— Зависит от того, как сильно вы шумели.

Я не смогла вспомнить. Человеку наша разборка могла послышаться обычной собачьей сварой. Я должна позвонить Карлу и узнать, что делать с Заном. Я не могу просто оставить его там.

— Ты должна отдохнуть. Может, ты и быстро исцеляешься, но потеряла много крови. Ты справишься сама?

Я задумалась на минуту и решила, что справлюсь. Может, отправлюсь к Ти Джую и посмотрю, вернулся ли он домой.

— Да, наверное. — Я криво усмехнулась. — Я рада, что ты не из тех, кто убивает оборотней из принципа.

Возможно, он улыбнулся в ответ, но как-то вяло и быстро.

— Просто не давай мне повода, Норвиль.

Он растерянно махнул на прощание и покинул квартиру.

Боже, этот парень напугал меня. У меня от него подогнулись коленки, и я не уверена, связаны ли эти два события.

Он был прав, я устала, но прежде чем лечь спать, нужно позвонить Карлу. Я взяла телефон, как вдруг открылась дверь, и вернулся Кормак.

За ним следовали детектив Хардин и трое полицейских в форме.

Глава 10

Скрестив руки и сделав непроницаемое лицо, Кормак занял своё место, привалившись к стене. С ним остался один из полицейских. Парень не достал пистолет, но держал руку на поясе. Двое других начали обыскивать квартиру, проверяя шкафчики, ящики и за дверями.

Хардин подошла прямо ко мне.

Я ожидала огней, сирен и погрома. Множество предупреждений, чтобы можно было тихо ускользнуть. Но Хардин, вероятно, не собиралась трубить о своём присутствии, ведь она искала убийцу.

Нужно было сообщить, чтобы Карл приехал и забрал тело прежде, чем его найдут копы. С другой стороны, нам ведь так нужно, чтобы кто-то заметил, как мы погружаем тело в грузовик, записал номерной знак и вызвал полицию. Драки оборотней обычно происходят в дикой местности, где тела просто исчезают.

Тогда, по крайней мере, в мешок попала бы я.

Боже, о чём я думаю. Всё так запуталось. Зан мёртв.

— Вам есть, что сказать о разорванном теле, которое мы нашли внизу?

Я посмотрела на Кормака, который и бровью не повёл, и мысленно обматерила его.

— Нет, — ответила я. Наверное, самая глупая реакция, чем молчание.

— Вы его убили?

Я уже проходила через это сегодня ночью.

— Нет.

— Мисс Норвиль, похоже, я вынуждена отвезти вас в участок, чтобы задать несколько вопросов.

Трудно поверить, но мой желудок сделал кувырок. Может я и оборотень, но никогда не получала даже штрафа за нарушение правил стоянки, и уж тем более меня никогда не арестовывали. С другой стороны я никогда не владела автомобилем.

Но меня не арестовывали. Это всего лишь обычный допрос.

— Позвольте мне захватить пальто, — сказала я чуть шёпотом. Я встала и повернулась к детективу раненой рукой. Хардин наклонила голову и взгляделась в красные разрезы и сморщенную кожу.

— Когда вы поранились?

— Сегодня ночью.

— Невозможно. Такие раны заживают несколько недель.

— Вам стоит больше читать. Вы просмотрели те статьи, что я вам отправила?

— Да.

Она уставилась на меня, словно пытаясь прочесть мысли.

— Кто с вами это сотворил? — спросила она, словно она беспокоилась обо мне или что-то в этом роде.

Я сверкнула глазами.

— Разорванное тело внизу.

Она подождала секунду.

— Значит, вы утверждаете, что парень был оборотнем?

Я пожала плечами, накинув пальто, и захватила ключ от квартиры.

— Мне стоит позвонить адвокату?

На улице стояло, должно быть, полдюжины полицейских машин и фургон коронёра. Они блокировали всю улицу. Везде трепетала жёлтая лента. Рой людей в пластиковых перчатках толпился вокруг Зана, собирая улики и складывая их в мешочки. Доказательства. Доказательства, в которых они нуждались.

Слишком много напоказ. Карл всегда предупреждал меня, что подобное может произойти. Он действительно убьёт меня на этот раз.

Кормак и я проехались в милой патрульной машине. Он уже позвонил своему адвокату, который по его мыслям, защитит и меня, если я попрошу.

Я дрожала, думая о разновидности опыта, который получил адвокат, работая на Кормака. Но эй, охотник за головами избежал тюрьмы.

Нас с Кормаком развели по отдельным комнатам. Моя напоминала пресс-центр, в котором я была прежде, размером с небольшую спальню, казённая и без характера. Но на этот раз мне не принесли кофе.

Должно быть, уже четыре утра. Я не поспала и страдала от головокружения. Хотелось попросить стакан воды. Дверь не была заперта. Я открыла её, выглянула в

коридор и никого не нашла. Но у меня возникло такое чувство, что попытайся я улизнуть, передо мной нарисовался бы целый эскадрон. Я вернулась в комнату.

Опустила голову на стол, думая о том насколько отстойная выдалась неделя, и задремала. Когда дверь открылась, я резко дёрнулась от испуга и задрожала в пальто. От нескольких минут полудрёмы мне стало только хуже.

В комнату вошёл мужчина лет тридцати, взъерошенный, с зачёсанными назад светлыми волосами мышного цвета, которые давно не бывали под ножницами парикмахера, щетинистым подбородком, в сером пиджаке, который сидел по фигуре, но всё ещё казался чуть великоват, и скучном коричневом галстуке.

Незнакомец сутулился и нёс портфель под мышкой.

Подойдя к столу, он убрал портфель, чтобы пожать руку.

— Здравствуйте. Китти Норвиль? Я Бен О'Фаррелл. Кормак сказал, что вы нуждаетесь в помощи адвоката.

У него был обычный голос, но он говорил уверенно и смотрел мне в глаза.

— Здравствуйте, — машинально пожала я его руку.

Я попыталась получить о нём больше информации. Он пах средне. Нормально. Пиджак, возможно, нуждался в стирке.

— Не знаю, нужен он мне или нет.

Он пожал плечами.

— Никогда не повредит, когда полицейские вокруг. Вот моя визитка и расценки.

Он достал визитку из одного кармана, ручку из другого и попытался манипулировать ими и портфелем, затем опустил портфель, чтобы написать на визитке, которую вручил мне по окончанию.

Число было большим. И платой всего за один час.

— От вас есть польза? — поинтересовалась я.

— Кормак не в тюрьме.

Я машинально улыбнулась.

— А она ему светила?

О'Фаррелл улыбнулся в ответ и напомнил мне ястреба. Мне стало лучше: по крайней мере, он на моей стороне. Радостно, что я не поддержала обвинения против Кормака той ночью, когда он вломился на моё шоу.

— Вы можете остаться сегодня? Будем надеяться, что на дольше мне ваши услуги

не понадобятся.

Он кивнул и пошёл к двери.

— Постойте.

Я вздрогнула, только начав понимать в какую передрягу попала. Он впускал полицейских. Я хотела бежать. Волчица начала нервничать, а мне это сейчас совсем не нужно.

— Я не хочу говорить им, что произошло.

Он задумался на мгновение и ответил:

— Хорошо.

Он выглянулся в до сих пор открытую дверь и жестом пригласил кого-то внутрь. Детектив Хардин.

О'Фаррелл занял место за столом и с занятым видом стал рыться в портфеле. Хардин закрыла дверь и встала у двери, скрестив руки и нахмурившись.

— Что наёмный убийца делал в вашей квартире? — спросила она.

Не самое хорошее начало беседы. А есть ли вариант лучше?

Я поглядела на О'Фаррелла. Он уклончиво пожал плечами и продолжил перебирать бумаги. Это означало, что я могу говорить или нет? Я могла отказаться отвечать. Главным образом, потому что не знала, что сказать, а не потому что я что-то скрывала.

— Я позвонила ему. Меня избили, и я нуждалась в помощи. Мы поддерживали связь. С целью профессиональных консультаций.

— И никаких обид по поводу того, что произошло в прошлом месяце, значит?

— Видимо, нет.

— Что покойный делал в вашей квартире?

Я сглотнула, в горле пересохло.

— Не могли бы принести немного воды? — попросил О'Фаррелл. — Спасибо.

С ещё более неприветливым взглядом Хардин выглянула в коридор и кого-то позвала. Секунду спустя нам принесли два стакана воды.

Это всё просто пустая трата времени.

— Вы собираетесь отвечать? — спросила Хардин. Её волосы растрепались во все стороны, а на глазах лежала тень. Она тоже не спала.

— Он... он поджидал, — произнесла я, запинаясь. — Меня. Он хотел причинить мне боль.

Я сделала глоток воды и потупила взгляд. Мне было тяжело говорить.

— Почему?

Я не могла ответить. Не могла говорить. Слишком долго объяснять.

— Тогда вы можете сказать мне, кто ещё там был?

Я не могла ответить и на этот вопрос. Ещё раз я посмотрела на О'Фаррелла за помощью. Хардин тоже посмотрела на него.

— Надеюсь, ей зачитали права Миранды? — сказал он. — Она не должна отвечать на вопросы, на которые не хочет. Она здесь как добровольный свидетель.

Добровольный? Номинально.

— На данном этапе, — ответила Хардин. Она вернулась ко мне: — Тому парню откусила голову не дикая собака, и я вполне уверена, что и не вы. Под ногтями жертвы и во рту нашли кровь. Я готова предположить, что она принадлежит вам, и эта часть вашей истории сходится. Но если так, это означает, что вы были на месте преступления и, вероятно, знаете, кто убийца. Это случаем не тот волк-одиночка, о котором вы мне говорили? Того что мы ищем по подозрению в случаях с растерзанными телами?

— Нет, — сказала я, забывшись. — Это не имеет никакого отношения к одиночке.

Это внутренние дела стаи, и они её не касаются.

Хардин начала вышагивать по комнате.

— Мисс Норвиль. Китти. Прямо сейчас вы свидетель, не соучастник убийства. Не заставляйте меня пересмотреть свою оценку.

— Что?

— Если вы знаете, кто это сделал, и не скажите мне, я могу обвинить вас в соучастии.

— Это блеф, — вмешался О'Фаррелл. — Без большего количества доказательств вы можете обвинить её лишь в воспрепятствовании осуществления правосудия.

О чём, чёрт возьми, они говорят?

Хардин нацелилась на меня, пропуская мимо ушей слова адвоката.

— Если вы пытаетесь защитить того, кто это сделал, вы виновны в преступлении.

— Это не... так. Зан создал проблему; он напрашивался на это — это не... не... преступление.

— Мисс Норвиль.

О'Фаррелл сделал успокаивающий жест. Я расслабилась.

— Убит человек, и вы говорите, что в этом нет ничего криминального?

— Нет, просто...

Просто, да, в рамках закона стаи, всё в порядке. Ти Джей был доминирующим волком, а Зан переступил черту. Я желала двойных стандартов, теперь, когда они могли принести мне пользу.

— Он поступил так, чтобы защитить меня. Зан напал на меня и...

— Мисс Норвиль! — предостерёг О'Фаррелл.

Я старалась изо всех сил, чтобы не озвучить имя. И на самом деле, это не была самооборона. Зан отступил. В любом случае Ти Джей убил его. В глазах человеческого закона Ти Джей был убийцей.

Я свернулась на стуле и прижала лицо к коленям.

О'Фаррелл встал.

— Детектив Хардин, я могу с вами поговорить?

Адвокат и детектив отошли в противоположный угол комнаты и зашептались. Казалось, они не понимали, что я всё ещё могу их слышать.

— Мисс Норвиль сотрудничает со следствием на пределе своих текущих способностей. Она ранена, совсем не спала и не в состоянии отвечать на ваши вопросы. Позвольте ей вернуться домой и отдохнуть. Вы можете поговорить с нею позже. Скорее всего, тогда от неё будет больше пользы.

— Отпустить её, чтобы она встретилась с тем парнем и согласовала их версии?

— Посмотрите на её отчёт — она никогда ни за что не привлекалась. Чиста, как младенец.

— За исключением того, что она оборотень.

Он пожал плечами.

— Не её вина.

Хардин отвела взгляд от раздражения, вытащила сигарету из кармана брюк, похлопала по другому карману в поисках зажигалки, но ничего не нашла.

Она указала на О'Фаррелла незажженной сигаретой.

— Если я позволю ей уйти, пообещайте мне, что проведёте с ней воспитательную беседу. Я не хочу её арестовывать.

— Я приложу все усилия, детектив.

Я должна поговорить с Ти Джеем. Это единственное, что мне сейчас хотелось.

О'Фаррелл встал рядом с моим стулом.

— Мисс Норвиль? Мы можем идти.

Хардин остановила меня прежде, чем открыть дверь.

— Не покидайте город.

В горле до сих пор стояла сухость. Это место было на вкус сухим и холодным. Всё, что я могла сделать — сжать губы и кивнуть, потупив взор.

Снаружи небо серело от рассвета. Слишком ярко. Мои измученные глаза разболелись от слабого света. Воздух кусал, пронизывая до самых костей.

Адвокат и я на мгновение остановились на тротуаре у полицейского участка.

— Я оборотень. Это вас беспокоит? Вы участник крестового похода против монстров, как Кормак?

Он улыбнулся, как будто я сказала что-то забавное; его выражение напомнило мне одну из ухмылок Кормака.

— Если бы Кормак был участником крестового хода, то застрелил бы вас при первой встречи независимо обстоятельств.

— Тогда, кто он?

— Ему просто нравится наблюдать, как близко к краю он сможет подойти и при этом не упасть.

Так или иначе, предложение, что Кормак — наёмник с желанием умереть страшнее, чем Кормак — наёмник с убеждениями.

— Кем вы работаете?

Он пожал плечами.

— Юрист, берущийся за любое дело.

— Да, я уже догадалась. Спасибо, что вызволили меня.

— Это было несложно. Вы нравитесь Хардин. Вас подвезти?

— Нет, спасибо.

— Небольшой совет, мисс Норвиль. Вы должны назвать полицейским его имя.

Тогда только один из вас пойдёт ко дну. Если он ваш друг, то поймёт.

Он прекрасно подходил Кормаку как адвокат. Я могла представить его в гангстерском кино, как он ищет лазейки и жёстко разговаривает с судьёй.

— Я подумаю.

— По крайней мере, не связывайтесь с ним. Если вы пойдёте к нему, то мне будет

очень трудно доказать, что вы не пытаетесь его покрыть.

— Я... мы не привыкли к человеческим законам. Обычно мы намного лучше убираем трупы.

Он ничего не сказал. Я устала от ожидания ответа, засунула руки в карманы пальто и ушла. Я чувствовала, как он провожает меня взглядом.

Путь я держала к Ти Джейю.

Если Хардин отправила за мной слежку, я её не засекла. Меня не удивил бы такой поворот. Было глупо привести её прямо к Ти Джейю. Но в тот момент я не могла ясно думать.

И всё же я не совсем была дурочкой и выбирала переулки и пешеходные тротуары, куда не могла проехать машина. Я бежала, я могла бежать очень быстро, даже раненной, как любой оборотень.

Парадная дверь его дома не была закрыта. Я скользнула внутрь, тихонько притворила дверь и заперла её на замок. У него было две комнаты: гостиная с раскладной кроватью и кухня/подсобка. Ванная находилась в дальней части.

Он спал на полу в гостиной, голый и запутавшись в одеяле. Должно быть, его тоже не было дома всю ночь. У него было великолепное тело, мускулистые руки и прекрасно сложенные плечи и спина. Он сжался в клубок, словно ему снился кошмар: волосы мокрые от пота, подушка прижата к груди.

Я сняла пальто и обувь и опустилась на колени около него, коснулась его щеки, держа ладонь около его носа, чтобы он унюхал мой запах. Он смеялся и слегка застонал. Я легла с ним и прижалась, скользя в его объятия, пока он просыпался.

Он не открыл глаза, но я могла сказать, что он не спал, потому что крепко меня сжал.

— Прости, что накричала на тебя, — прошептала я.

Он улыбнулся и поцеловал меня в лоб.

—Хм. С тобой всё хорошо?

— Да. — Теперь так и было. По крайней мере, некоторое время. — Зачем ты так поступил, Ти Джей? Я не думала, что он настолько туп. Если он хотел бросить мне вызов, то почему не сделал это перед всей стаей? Только так он мог вернуть своё положение.

Ти Джей так долго тянул с ответом, что я подумала, что он снова заснул. Вопрос был полуриторическим, так или иначе. Я никогда не понимала поведение Зана.

И тут Ти Джей ответил:

— Кто-то надоумил его на это. Кто-то хотел, чтобы он убил тебя вне взора стаи.

Значит, это была не идея Зана. Логично.

— Откуда ты знаешь?

— Поскольку я сказал ему, что если он когда-либо снова нападёт на тебя, то я убью его.

Глаза защипало, полились слёзы, потому что я должна была рассказать ему о полиции. Я должна была спросить, чтобы он сказал мне, что делать. Он не мог сесть в тюрьму. Что с ним будут делать в夜里 полнолуния?

Я устроилась ближе, положив голову ему на грудь.

— Кто навёл его на эту мысль?

— Кто-то выше меня рангом. Он бы послушался только того, кого боялся больше чем меня. Остаётся Карл или Мэг.

Время прошло, и солнечный свет начал проскальзывать сквозь шторы.

— Думаю, это была Мэг, — ответила я.

— Думаю, это Карл. — И затем, очень мягко: — Я раньше любил Карла.

Альфа стаи во многом был богом для нас. Я вспомнила свои первые несколько месяцев с ними. Я дрожала всякий раз, когда мимо проходил Карл. Я съёживалась у его ног, поклоняясь ему, обожая его. Когда всё ушло?

— Я тоже, — призналась я.

Мы поспали какое-то время. Я только наполовину проснулась, когда Ти Джей потянулся и сел. Он замер, сделал несколько глубоких вздохов, поднёс лицо ко мне, чувствуя запах моих волос, и опустился понюхать мою шею и рубашку.

— Ты пахнешь полицейским участком, — произнес он с сомнением.

Я рассказала ему всё, пока он делал яичницу с беконом на завтрак. Даже запах жарящегося мяса, наполнивший кухню, не пробудил во мне голода. Мы сидели за его пластмассовым столом, тарелки стояли перед нами, и ничего не ели.

Он поковырялся в своей, размазывая желтки яичниц-глазуний и размешивая их с беконом, посмотрел на меня, и я уставилась на свою тарелку.

— Вот что выходит, когда в первую очередь обращаешься к копам, — наконец сказал он.

— Именно потому, что я отправилась к полицейским и попала на хороший счёт, я сейчас не за решёткой.

Ну вот, мы снова спорим.

— Я не могу сесть в тюрьму. Как и ты. Расскажи им, что я преступник. И избавься от неприятностей. А я отправлюсь в бега. Отправлюсь в горы, возможно, побуду волком какое-то время. Так я смогу от них скрыться.

Мне не нравилось, как всё звучит. Так он не избавится от проблем. Мы понятия не имели, сколько времени он должен будет скрываться. Я хотела получить решение, благодаря которому все поверят, что Ти Джей невинен. Но на самом деле, он был виновен. В этом-то и проблема.

Под каким углом мы бы не взглянули на проблему, я рискову потерять его.

— Ты когда-либо слышали об обращённом, который не смог перекинуться назад?
— произнесла я дрожащим голосом.

— Доводилось. Но с моими знакомыми подобного не случалось.

— Я не хочу, чтобы ты становился волком. Ты не волк.

— Это может быть силой, Китти. Если она поможет, то я буду дураком, не использовав её. Ты этому никогда не научишься — как использовать волка в качестве силы.

— Я буду скучать по тебе. Кто будет присматривать за мной, если ты уйдёшь?

Он улыбнулся.

— Кажется, ты говорила, что можешь позаботиться о себе.

Я хотела ответить что-то грубое, но начала плакать.

— Ты всегда сможешь навещать меня, — сказал он.

Я вернулась домой. Патрульные машины, фургон коронёра, рой людей и тело Зана исчезли. Несколько клочков жёлтой ленты с места преступления трепетали на ветру, зацепившись за кусты у зданий. В припаркованном через улицу седане, сидел парень и потягивал кофе. Наблюдатель. Я проигнорировала его.

Я выбросила окровавленное полотенце и рубашку, которые всё ещё валялись в раковине. Открыла окно и впустила немного воздуха, потому что казалось, что Кормак, Хардин, и полицейские всё ещё толпятся в квартире, не оставляя места дышать. Достала визитку О'Фаррелла из кармана и оставила её на кухонном столе. Вымыла лицо, почистила зубы и посмотрела на себя в зеркале. Красные, опухшие глаза. Жирные, усталые волосы. Бледная кожа.

Я начала говорить себе, что нужно просто подождать, когда всё вернётся в привычное русло. Потихонечку полегонечку всё уляжется, и мне станет лучше. Но я остановилась, потому что заставляла себе думать, что всё будет нормально, но когда это в последний раз было?

Перемена облика раз в месяц и пробуждение в куче с полудюжиной голых людей, вдыхая их подмышки, как прелюдия. Это нормально? Позволять Карлу бить меня, трахать, говорить мне, что делать, просто потому что волчья половина почувствует себя лучше? Это нормально? Я хотела вернуться к такой жизни?

Нормальная жизнь без волчицы была так давно, что я уже не могла её вспомнить.

У меня два выбора относительно Карла. Я могу оставить его или бросить вызов. Отъезд означал жизнь вне стаи. Это было тяжело. Слишком тяжело даже думать.

Я смогу жить одна?

Я могу сразиться с ним и победить?

Шесть месяцев назад я бы ответила отрицательно на оба вопроса. Теперь я колебалась. Если я не могу вернуться к прежней «я» шестимесячной давности, то должна ответить «да» на один из них.

Теперь осталось только решить, на какой вопрос я могу ответить – «да».

— …ну, будет клево просмотреть папку с отчётами о вскрытии и узнать, как много людей было застрелено серебряными пулями.

— Добавлю это в свой список, — сказала я в микрофон. — Полиция проверяет пули на содержание серебра?

— Должны, — хмыкнул звонящий. — Разве это не кажется очевидным?

— Действительно. Спасибо за звонок. С вами Китти, и в случае, если вы только что настроились на нашу волну, я составляю список вопросов, которые сотрудники правоохранительных органов могли бы захотеть начать задавать в определённых преступлениях. Тема сегодняшнего вечера — применение законов и мир сверхъестественного. У меня с собой государственная статистика по преступлениям, анализ убийств, которые произошли на территории США в прошлом году: орудия убийства, причины смерти и всё такое. Здесь написано, что по данным полиции, в прошлом году четырнадцать человек умерли от кола в сердце. Из этих четырнадцати восемь были также обезглавлены, а трое распято на кресте. Все случаи были признаны, цитата, «ритуальными убийствами», кавычки закрываются. Есть над чем задуматься. Мой

вопрос: они проверяли, были ли те жертвы настоящими вампирами? А это можно проверить? Вероятно, нет. Некоторые разновидности вампиров становятся прахом после смерти. Хотя есть отчёт ЦКЗ, описывающий тесты на идентификацию ликантропов и вампиров. Давайте примем звонок. Привет, Рей, ты в эфире.

— Привет, Китти. Я просто хочу обратить внимание на суть, которую вы, кажется, упускаете: Если те четырнадцать «жертв», как вы их называете, действительно были вампирами, то можно ли назвать произошедшее убийством?

Ох, полемика.

— А ты как думаешь?

— Ну, я бы назвал это самообороной. Вампиры — хищники, и их единственная добыча — человечество. У человечества есть личная заинтересованность в избавлении от них при любой возможности.

Словно хозяин ранчо говорит о волках.

— Ну и дела, Рей. Некоторые мои лучшие друзья — вампиры. Что, если вампир, теоретически, никогда никого не убивал? Скажем, она только берёт кровь от добровольных доноров, держит её для себя и никогда не доставляет неприятности. И тут однажды приходит защитник человечества, охотник на вампиров и убивает её колом, потому что она вампир.

— Это продолжалось сотни лет. Думаю, вы первый человек, который назвал это убийством.

— Фактически, я не человек. И рискуя оскорбить множество людей большим количеством разных способов, я скажу, что нацисты также не называли свои действия убийством.

Я отсоединила его от линии прежде, чем он успел возмутиться.

— Позвольте мне провести мысленный эксперимент. У нас есть оборотень, вампир, неважно. Он убил кого-то без веской на то причины. Что должно произойти? Если бы это был обычный человек, его бы арестовали, представили перед судом и вероятно упекли за решётку на длительный срок. Возможно, его бы даже приговорили к смерти, если ситуация обязывала. Теперь давайте возьмём оборотня. Мы можем поместить оборотня в тюрьму на длительный срок? Что с ним делать, когда взойдёт полная луна? Или вампир — вы понимаете, как непрактично приговорить вампира к пожизненному заключению в тюрьме? У меня Тимоти на линии. Здравствуйте.

Звонящий заговорил низким, приятным голосом:

— Конечно, непрактично приговаривать вампира к пожизненному заключению в тюрьме. Думаю, не будет иного выбора, но охотнику на вампиров придётся позаботиться о данной проблеме. Это их работа.

— Значит, вы утверждаете, что законы не должны распространяться на данную сферу. Просто позволим охотнику на вампиров разбираться волей-неволей.

— Конечно, нет. Только пока вампирам не разрешат охотиться на охотников, волей-неволей, как вы говорите.

Предполагаю, что звонящий вампир. У него был типичный высокомерный тон и резкая манера речи, которая обычно отличала представителя культуры, что ценит утончённую грамматику, а это уж точно не признак молодой культуры.

— Значит, вне обычной юрисдикции. Сверхъестественный мир должен сам разбираться с проблемой, вот что вы утверждаете?

— Полагаю, что так. Если оборотень убивает другого оборотня в ходе драки за господство в стаи, вы действительно хотите привлекать полицию?

Ай. Дважды ай. Но я сама напросилась. Наука — не делай шоу по личной теме, которая тебя беспокоит. К сожалению, я не из тех, кто идёт на попятный. Как-то мне попалась на глаза цитата Черчилля: «Если идите через ад, не останавливайтесь».

— Позвольте мне ответить вам вопросом: чтобы вы рекомендовали полицейскому, который действительно занялся междоусобными разборками? Скажем, обнаружено разорванное тело. Полицейский изучает труп и, демонстрируя великолепную ясность ума и широту взглядов, решает, что нападавший, возможно, не животное, а оборотень. К тому же, он проводит несколько тестов и узнает, что, э-м, жертва тоже была оборотнем.

Возможно, Хардин слушает. Возможно, мы обе чему-нибудь научимся.

— Что он должен делать?

— Закупить побольше серебряных пуль, — ответил Тимоти без колебания.

— Это не особо поможет.

Блин, я сказала это вслух. Я повесила трубку.

— Хорошо, пойдём дальше. Вы ликантроп, вампир и т.п., у которого проблемы с законом? Что вы сделаете? Каков ваш совет? И как всегда, любые комментарии к проблемам, которые мы обсуждаем в течение часа, приветствуются. Следующий наш гость, вы в эфире.

— Привет, Китти. Лучший и единственный совет, который я могу дать, когда у вас

на хвосте копы, беги и не оглядывайся. Им уж точно за вами не угнаться. Красота...

— ...если вы собираетесь поставить вампиров и оборотней под юрисдикцию человеческого правоприменения, то, несомненно, нужно включить вампиров и оборотней в полицию...

Полицейские-вампиры? Она серьёзно? С другой стороны у них всегда есть ночная смена.

Звонки продолжали поступать.

— ...нельзя применять те же законы. Они никогда не смогут сработать и никогда не будут. Смерть и убийство не означают то же самое для людей, которые стали бессмертны и почти неуничтожимы...

Голова раскальвалась. Мои гости заставили меня почувствовать себя дурой. Они продолжали подводить меня к тому же самому пункту — Ти Джей прав, а я не должна была сотрудничать с копами. Сверхъестественная гласность невозможна. Я монстр из детских страшилок и должна примириться с этим фактом. Или застрелиться серебряной пулей.

Интересно, какова статистика самоубийств среди ликантропов.

Последние несколько дней Хардин отправляла людей следить за мной. Я ничего не делала, только курсировала между работой и домом, никому не звонила, ничего не говорила Хардин.

— Пришло время признания, — сказала я. — Вы знаете, что я иногда так делаю, беру вопросы из абстракции и рассуждаю, как они накладываются на мою жизнь. И вот что я думаю прямо сейчас: «в чём смысл?». Если двум мирам, сверхъестественному и человеческому, суждено быть костью в глотках друг друга, если нет способа пойти на компромисс в таких вопросах, как право управлять, то, что я здесь делаю? Почему я должна трудиться над шоу? Меня мучает желание бежать в горы и забыть о своей человеческой половине. Но знаете что? Мне будет не хватать шоколада. И кино. И следующего альбома любимой группы. И я спрашиваю себя, не в этом ли проблема, ликантропы и вампиры не могут технически быть полностью людьми, но раньше ими были, и об этом им никогда не забыть. Или главное, они никогда не должны забывать об этом. Ведь именно тогда и начинаются проблемы.

Монитор был полон звонков. Я посмотрела на Мэтта через окно, желая получить совет, не желая выбирать. Я не хотела слышать о чужих проблемах, не хотела слышать больше благочестивой риторики любого лагеря. Я просто хотела... не знаю. Возможно, послушать немного музыки, как в былые времена. Возможно, я смогу сделать это в

следующем выпуске, пригласить группу и поговорить о музыке несколько часов. Да, это план.

Мэтт откинулся на спинку стула, улыбаясь мне. Он держался со мной до самого конца шоу. Та улыбка говорила, что он счастлив быть здесь. Я не могла не улыбнуться в ответ.

Он был моим другом, и он был человеком. Это что-то значило.

Я потянулась и вздохнула, делая голос легче, чтобы вытянуть шоу из депрессивной ноты.

— Хорошо, похоже, у меня знакомый на линии. Я всегда ценю людей, которые звонят не один раз. Джеймс, привет.

— Китти, я просто хочу сказать тебе, как много твоё шоу значит для меня. Это... ты... голос разума, понимаешь? Ты так всё продумываешь. Это помогает, действительно помогает. Я надеюсь, что ты никогда не бросишь своё дело.

Его голос казался ещё более напряжённым, чем в прошлый раз. Если шоу помогало ему, я не хотела бы думать о том, какой бы голос у него был без него.

— Спасибо. Это многое значит для меня. Как поживаешь?

— Я хорошенко всё обдумал. Кажется, со мной всё в порядке. Кажется, я занимаюсь тем, чем должен. С чего бы ещё это произошло со мной, если это не путь, и я могу делать подобное?

Мой живот словно заморозило.

— Делать подобное, Джеймс?

— Я хочу признаться, Китти. Я не особо любил быть человеком, когда им был. Природа оборотня не сильно отличается, не считая теперешней силы. Я... я знаю, что делать. Когда я не могу решить, что делать, волк говорит мне.

Джеймс был больным психопатом. Он, вероятно, уже страдал от заболевания прежде, чем стал ликантропом. Так что произошло, когда ненавидящий самого себя и весь мир больной псих стал оборотнем?

Кровь застучала в ушах, когда я перепроверила монитор. Мы собирали имена и родные города звонящих. Я не могла вспомнить, откуда он и посмотрела краем глаза на монитор.

О, мой Бог. Денвер. Он находился под моим носом всё это время.

Я прикрыла микрофон и прошипела Мэтту, двигая одними губами: «Его данные. Получи номер. Сейчас же!»

Наклонившись к микрофону, я постаралась сохранить голос спокойным:

— Что твой волк говорит тебе делать, Джеймс?

— Ты знаешь, Китти. Ты знаешь. Что твой волк говорит тебе делать? Ты понимаешь.

«Используй когти. Зубы. Пусти кровь. Беги».

Да, я понимала. Но я выиграла то сражение.

— Ты когда-либо останавливался подумать, что твой волк может быть неправ?

— Но волк намного сильнее меня, — восхищённо произнёс он.

— Сила — это ещё не всё. Есть ещё целый пласт культуры. Ты назвал меня голосом разума, Джеймс. Так, где же разум во всём происходящем?

— Я говорил тебе. Если есть разумная причина в происходящем, то вот она. Я должен быть сильным.

Я проверила часы. У меня ещё пятнадцать минут эфира. Я никогда не бросала шоу незаконченным. У меня никогда не было лучшей причины для этого. Но я осталась. Я закончила. Я попыталась казаться нормальной, потому что не хотела, чтобы Джеймс подумал, что что-то не так.

— Хорошо, мы прерываемся на рекламу, но скоро вернёмся на «Полуночный час».

Я выключила микрофон и крикнула в кабину:

— Ты достал номер?

— Да, — сказал Мэтт, идя через дверь с листком бумаги в руке. — И адрес. Китти, ты побледнела. Что с тобой?

Во рту пересохло, а сердце забилось настолько быстро, что я задрожала.

— Я ещё не знаю. Просто... позволь нам закончить. Я должна позвонить прежде, чем мы вернёмся в эфир.

Звони в полицию! Это был правильный поступок. И всё же нет, потому что всё это дерзко, сверхъестественное, когти и клыки и всё, что делает нас другими, определяет иные поступки правильными. Возможно, это изменится когда-нибудь.

Джеймс как волк не был волком. Он даже не был человеком-психопатом в облике волка. Он был и тем и другим одновременно. В то время как мне нравилось притворяться, что я взяла лучшее из обоих миров, у Джеймса, казалось, было худшее. Волк выпрыгнет, когда Хардин припечатает его к земле и наведёт пистолет. Джеймс нападёт. Я не могу позвонить Хардин. Её убьют. Или заразят. Я не желаю ей подобной судьбы.

И снова я позвонила Кормаку вместо полицейских. Теневой закон.

— Да.

— Это Китти. Есть желание отправиться на охоту сегодня ночью?

Он колебался одну секунду.

— Я не знаю. Что у тебя?

— Кажется, я нашла отщепенца, который стоит за убийствами в городе.

— Ты звонила Хардин?

— Нет. Этот парень... он звонил в шоу. Он местный. Говорил как безумный. Хардин не знает, как с ним справиться. Она попытается арестовать его, и он разорвёт её на части.

— То есть ты не возражаешь, если меня разорвут на части?

— Уверена, ты справишься.

— Спасибо, наверное.

— Я хочу пойти с тобой.

— Ты уверена?

— Я знаю его запах с места преступления. Это единственный способ определить, что тот парень и есть наш преступник.

— Ладно. Ты сейчас на работе?

— Да.

— Я заеду за тобой.

Кормак повесил трубку.

Мэтт ждал в дверном проёме между кабиной и студией.

— Китти, ты серьёзно?

— Да. Ты слышал этого парня. По его голосу понятно, что он не просто планирует что-то сделать. Он уже сделал. Сколько времени у нас осталось?

— Я не знаю. — Ему пришлось оглянуться на свою панель. — Десять минут?

Я приняла ещё пару звонков и потратила все свои силы, чтобы не выдать волнение в голосе. Совершенно не помню о чём шла речь или что я говорила. Надеюсь, всё прошло нормально.

— Это Китти Норвиль, Глас Ночи.

Я закончила вздохом и прослушала свой записанныйвой.

— Будь осторожна! — крикнул Мэтт, когда я выскочила из кабинки.

Я скорчила гримасу, выдав ему лучшую ободряющую улыбку, которую смогла выдавать из себя сейчас. Мэтта это не успокоило. Он обхватил дверной проём, что побелили костяшки. С этим я ничего не могла поделать.

Кормак подъехал к бордюру, стоило мне выйти через главный вход радиостанции. Он вёл внедорожник. Не джип, а настоящий внедорожник с комьями грязи на колёсах. Я села на пассажирское сидение и продиктовала адрес. Хвала Всевышнему за он-лайн справочники.

Мы проехали пять кварталов, когда Кормак наконец нарушил тишину:

— Ты понимаешь, что мы должны убить этого парня. Не вызывая полицию, обойдя закон, только так. Мы не будем его арестовывать, выяснить мотивы, а просто убьём.

— Ты слушал шоу.

Судя по рейтингам, моя аудитория увеличилась, чуть ли не в два раза, но никто, казалось, не хотел признавать, что слушает моё шоу.

— Ты когда-нибудь убивала?

— Нет.

— Тогда не мешайся, чтобы у меня вышел чистый выстрел.

Я облокотилась на дверь и опустила лоб на ладонь. Вигилант (самосуд) - вот слово, описывающее наши действия. Но тонкости юридических терминов ускользали от меня. Убиты четыре женщины и убил их оборотень. Кто-то должен остановить его.

У Кормака зажужжал мобильный. Он валялся в пепельнице около рычага переключения передач. Кормак схватил свободной рукой провод, свисающий с телефона, и вдел в ухо наушник. На это ушло приблизительно шесть гудков. Теперь понятно, почему он всегда так долго берёт трубку.

— Да. — Он подождал минута, затем сказал: — Минутку.

Он прикрыл микрофон на наушнике.

— Это Хардин. Она хочет знать, знаю ли я, как связаться с тобой. Она хочет поговорить с тобой о сегодняшнем шоу. Видимо, она его слушала.

— Мне ей рассказать?

— А смысл? Легче выпросить прощение, чем разрешение.

Он прав. Она только помешает.

— Я перезвоню ей, когда всё закончится.

Кормак раскрыл провод.

— Детектив? Я перезвоню вам по этому... Что я делаю? Веду машину... Да, я буду на связи. — Он вытащил провод из уха с ухмылкой. — Она оптимистка. В этом-то её беда.

Адрес у нас северо-восточный, район обветшалых зданий на краю зоны индустриальных складов, нефтеперерабатывающих заводов и железнодорожных путей. Возможно, когда-то это было милое местечко, примерно пятьдесят лет назад. Во многих дворах стояли большие многолетние деревья, но они засохли, их ветви обломились, а сами дворы заросли сорняками. Уличные фонари все вышли из строя, но свет с натриевых прожекторов со складов доходил и до сюда болезненно-оранжевым потоком.

Когда мы вырулили на нужную улицу, Кормак погасил фары и медленно поехал вперёд.

— Вон тот, — сказал он, указывая на бунгало, стоящее вдалеке от дороги. Дом полувековой давности, возможно три-четыре комнаты. Раньше он был белым, но краска сшелушилась, отслоилась и сошла; дерево сбоку раскололось и рухнуло. Половина кровельной плитки исчезло.

Я опустила окно. Воздух пах смолой, бензином и бетоном. И всё же даже здесь ощущалась некая дикость: крысы, еноты, дикие кошки... Это место было сухим, неприятным. Стая никогда сюда не приходила. Зачем нам жить здесь, когда у нас есть холмы и леса, настоящий дикий мир под боком? Это одна из вещей, которую я люблю в Денвере: все преимущества города, но лес и горы совсем недалеко. Зачем волку (хоть оборотню, хоть нет) желать оставаться в этом опустошении? «Только если ему некуда пойти», решила я.

Тогда, как он попал сюда? Оборотнями не рождаются, ими становятся. Кто-то обратил его и бросил на произвол судьбы, и он пришёл сюда.

Или кто-то нарочно оставил его здесь, чтобы он оставался в сторонке, незамеченным, так как стая никогда в этот квартал не приходила. Это означало... Карл знал об этом парне? А если не Карл, то кто?

— Ты как? — забеспокоился Кормак. — У тебя такой вид, словно ты съела лимон.

— Мне не нравится, как пахнет это место.

Он улыбнулся, но улыбка получилась кривой, недружелюбной.

— Мне тоже.

Мы вышли из машины. Кормак прошёл к багажнику, достал кобуру с пистолетом, обвязал её вокруг пояса, вытащил винтовку и перекинул второй пояс, с тяжёлым

мешочком, через плечо. Я не хотела знать, что там находилось. Мы спокойно закрыли двери и приблизились к дому.

— Разреши мне пойти первой, — прошептала я. — Разнюхать аромат, удостовериться, что именно он нам и нужен. Он может запаниковать, если первым увидит тебя.

— Хорошо, — произнёс он, но скептически. — Просто подай сигнал, и я приду и застрелю его.

Почему мне не стало от этого легче?

Я пошла немного быстрее, приближаясь к цели. Свет шёл через горизонтальные полосы жалюзи на переднем окне дома. Я наклонила голову и прислушалась. Голос внутри звучал низко и скрипуче — радио, настроенное на КНОПКУ. Шоу закончилось только полчаса назад или около того. Я прошла по дорожке к парадной двери. Кормак отставал на несколько шагов. Я попыталась всмотреться в переднее окно, но щели на жалюзи в основном были закрыты.

Я сжала ручку и повернула. Не заперто. Я отдернула руку. Не хочу заходить внутрь и пугать хозяев. Пришлось постучать.

Кормак сошёл с дорожки и прислонился к стене дома, чтобы его не было видно с крыльца. И, случайно, с подветренной стороны от двери. Или возможно не случайно.

Я прождала целую вечность. Ну, по крайне мере, больше пяти минут. В дом входить не хотелось, но никто не отвечал. Возможно, хозяин уехал. Возможно, он пошёл кого-то убивать. Если я войду, то, по крайней мере, получу его запах. Я узнаю тот ли этот парень по запаху с места убийства.

Я открыла дверь и вошла.

Деревянный пол гостиной был шершавый и неровный, словно по нему возили взад-вперёд дюжину поколений мебели, и на нём выросли целые стаи детей. Но это было давным-давно, в другой жизни. В одном углу на полу примостилось старое ТВ. На нём стояло радио. Возможно, это Родни, ночной ди-джей, запускал последний блок. По центру находился диван, который лучше смотрелся бы на крыльце перед общежитием. Больше почти ничего. Коробка с хламом занимала другой угол. На стенах никакого декора, только пятна коричневого и жёлтого цвета. Интересно, чем этот парень зарабатывал себе на жизнь. Если здесь вообще кто-то живёт. В этом доме не было никаких доказательств человеческого обитания. Просто дом, печальная и запущенная жертва времени.

Я сделала глубокий вдох через нос... и не успела распознать запах, как перед

глазами вспыхнула сцена. Кровь. Тело жертвы, раскиданное по переулку. Говорят, запахи тесно связаны с памятью. Что это значит для оборотня, у которого настолько острое обоняние? Воспоминание, очень ярко, со всеми деталями, звуками и остальными запахами, которые отпечатались в памяти наряду с запахом оборотня-убийцы. Мой живот скрутило с тем же отвращением.

Впереди коридор, ведущей к остальной части дома, вероятно кухни, спальни и ванной. Внезапный поток воды пробежал по трубам. Смыв унитаза. Хлопок дверью. В коридоре появился человек и пошёл в моё направлении.

На нем была обычная белая футболка и выцветшие джинсы. Мужчина высокого роста, сложен как рабочий-строитель, толстые руки, широкая грудная клетка. Подстрижен под ёжик, который уже отрос, с двухдневной щетиной. Никакой обуви. Он пах также как комната, удушливо и отвратительно.

Незнакомец остановился, завидев меня. Его ноздри раздулись, вбирая запахи, как это делают оборотни. Кулаки сжались. Бросая молнии глазами, он двинулся ко мне, подбираясь точно хищник.

Я стояла прямо, стараясь не дрожать и никаким иным образом не выдать слабости, что его волк воспринял бы в качестве приглашения напасть.

Я взяла слово:

— Вы Джеймс?

Он остановился, словно ударившись о стену. Его лоб наморщился, на лице появилось замешательство.

— Что вы сказали?

Это был он. Тот голос, низкий и напряжённый, близкий к ломке.

— Джеймс. Вы Джеймс?

Он глянул исподлобья, словно стараясь сфокусироваться на мне. И тут его глаза широко распахнулись.

— Так это вы. Китти.

Он преодолел расстояние между нами, и я уж было решила, что он сожмёт меня в стальной хватке, но он остановился в шаге от меня — я даже не вздрогнула. Джеймс сложил руки, словно молясь на меня:

— Я ваш большой фанат!

— Спасибо, — слабо произнесла я. Я должна была закричать. Просто закричать и прыгнуть в сторону, чтобы Кормак выбил дверь с оружием наготове. Но Джеймс

ошеломил меня.

Джеймс не задавал вопросы, которые бы я задала знаменитости, окажись она в моём доме. К примеру, «как вы меня нашли?» или «почему вы здесь?». Он вёл себя так, словно не находил в этом ничего странного, словно такой визит был естественной частью его жизни. Жизни, где он постоянно делал звонки на ночное радио-шоу.

Он сутулился, опускаясь передо мной, словно в поклоне. Он должен был наклониться, чтобы стать ниже, чем я. Именно это он и сделал, демонстрируя подчинение одного волка пред другим. Он продолжил отводить взгляд. Его инстинкты взяли вверх.

Я бросила на него взгляд. Не угрожающий «я круче, чем ты», нет. Скорее изумлённый, взволнованный взгляд. Что мне делать с ним? Я не хотела, чтобы он трогал меня, но он медленно приближался, словно собираясь тронуть меня лапой, потереться, как делает подчинённый волк с тем, кого воспринимает как альфу. Я отстранилась.

Он съёжился, прижимая руки к телу, с грустными и полными боли глазами.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Это... здорово. Этого я всегда хотел. Вы можете помочь мне. Вы другая — одна из нас, как мы — я никогда никого не встречал, кроме...

Он остановился и сглотнул. Его дыхание участилось.

— Кроме кого, Джеймс? — еле выдавила я.

— Кроме моей создательницы. Она помогала мне. Она сказала, что у меня может быть стая, если я убью другого оборотня и займусь его место. Она сказала, что покажет мне. Я... я могу это сделать. Я знаю, что могу. Я практиковался. Но она не сказала мне куда пойти. Она.... она не должна встречаться со мной какое-то время. Но вы ведь поможете мне? Вы помогаете такому огромному числу людей.

Мне стало очень плохо. Джеймс нуждался в помощи, но я не могла ему помочь. А кто мог? Какая больница могла его содержать? Кто мог что сделать? Это был, конечно, человеческий разговор. Я вспомнила слова Кормака: «ты понимаешь, что мы должны убить этого парня». Как волк он переступил все границы. Как Зан. Но означает ли это, что нет никакого способа научить его правилам?

Джеймс поднял голову и посмотрел поверх моего плеча. В дверном проёме стоял Кормак.

— Норвиль, это он?

Я смогла лишь кивнуть.

Кормак поднял руку и выстрелил.

Я прыгнула в сторону. Джеймс уже бежал. Я думала, что он обернётся, попытаться отступить в дальний конец дома. Именно так я бы и поступила. Но он прыгнул вперёд, под радиус поражения оружия, оттолкнул Кормака и выскочил из дома.

Кормак ударился о дверную раму, но встал уже через секунду, развернулся и выстрелил ещё два раза. Его рука осталась устойчивой, взгляд целился в мишень, чётко её отслеживая, словно Кормак сидел на треноге.

— Чёрт!

Он отвёл пистолет, когда Джеймс скрылся за углом дома.

Я побежала за Джеймсом, зная, что он, возможно, поджидает с другой стороны дома, чтобы заманить в засаду преследователя. Я не хотела терять его из виду. Кормак был прямо позади меня.

В полосе двора между двумя зданиями лежал след из одежды: джинсы, трусы и белая футболка, порванная в клочья. В нос ударили тёмный, дикий аромат: мускус, мех и пот недавно перекинувшегося ликантропа.

Я расстегнула молнию на джинсах и сняла их.

— Что ты делаешь?! — крикнул Кормак, замирая.

Я остановилась. Я не знала, справлюсь ли. Но у меня не было выбора.

— Я могу двигаться быстрее, если изменюсь. Это единственный способ не потерять его след.

«Волк может быть силой», сказал Ти Джей. Посмотрим.

Кормак открыл рот, начиная спорить. Но ничего не сказал. Его плечи резко поникли, и он отвёл взгляд. Я сняла рубашку и лифчик. Воздух был холодным, плечи покрылись гусиной кожей. Но внутри разливалось тепло. Мои мышцы напряглись, уже готовясь бежать, потому что я знала, что это означало; волчица знала, что это означало. Я хотела охотиться, и я нуждалась в ней. Я была готова. Она присела, наполняя меня нетерпением.

Кормак начал уходить.

— Постой! — крикнула я. — Я хочу, чтобы ты посмотрел.

— Зачем?! — резко выкрикнул он.

— Я хочу, чтобы ты запомнил мой облик и случайно не подстрелил.

— Если я когда-нибудь выстрелю в тебя, то это не будет случайно.

Я приблизилась к нему голая, не испытывая стыда. Я стояла на краю потустороннего мира, и человеческая мораль здесь не действовала. Я не знала как быть в такой ситуации, когда волчица смотрела моими глазами.

Я сделала шаг в сторону, не сводя с Кормака глаз.

— Вот твой шанс. Если ты решила перекидываться, то заканчивай побыстрей, а то мне всё время приходится оглядываться.

Я не знала, сколько времени яостояла, ожидая, что Кормак поднимет пушку и выстрелит мне в голову. Я стояла, раскинув руки, предлагая ему себя. Мой яркий взгляд не сочетался с моей слабостью. Но раз и навсегда, я должна выяснить, что Кормак захочет сделать.

— Будь осторожна, — наконец сказал он.

— Да. Ты тоже.

Я отвернулась и пошла к дальней части переулка.

— Не пытайся бороться с ним, Китти. Он крупнее, чем ты. Просто найди его, а остальное оставь на меня.

Я кивнула.

Удерживать её словно задерживать собственное дыхание. Как только я подумала стать волчицей, обращение началось. Ощущения, бегущие с током моей кровью, разбудили нервы и инстинкты, спящие большую часть времени. Любое время, кроме ночи в период полнолуния, я могла сдержать её. Но если бы я хотела обратиться, то просто должна была освободить дыхание, подумать о выдохе, и следующий вдох принадлежал бы уже ей.

Моя спина согнулась, по телу прошла первая конвульсия. Думай о воде, позволь ей скользить, и мех волнами расползётся по моей спине и рукам, иглы утыкают кожу. Я заворчала, блокируя боль. Когти, клыки, кости и мышцы...

Она дрожит, ероша мех и разминая мышцы.

Уши навостряются, и она поднимает голову, чтобы различить фигуру неподалёку. Он стоит на двух ногах и пахнет опасностью механической боли. Её другое «я» различает оружие, которое может убить её.

Её другое «я» также узнает его, опускает мех и сдерживает рык.

— Норвиль?

Напряжённость, беспокойство, страх. Она может взять его, убить, если надо. Он слаб. Но то оружие сильнее. Оно пахнет огнём.

— Ты здесь? Ты знаешь, кто я?

Тон полон сомнения в поисках заверения. Его беспокойство связано не с ней, а с тем, что есть другая опасность. Другой, бродяга, изгой. Она помнит.

Признав его как друга, она виляет хвостом.

— Боже правый, поверить не могу, что я это делаю.

Он говорит это её спине, потому что она уже бежит.

Она ищет того, кто вторгся на её территорию, вызвал опустошение, нарушил кодекс. Он бежит далеко впереди, но ночь тиха, земля ясна, и она может чувствовать его запах, преследовать его, словно он кролик. Нос у земли, ноги несут, мышцы не напряжены. Она почти летит, она найдёт его. Её пасть немного открыта, язык пробует воздух.

Ближе, она становится ближе. Он впереди. Она испытывает возбуждение, потому что он пытается сбить её с толку, заставить потерять его, но её не проведёшь. Вытянувшись всем телом, бежав что есть сил, она поворачивает за угол.

Он ждёт её.

Он ударяет, врезаясь в неё сбоку. У неё нет времени остановиться или уклониться. Он кладёт на неё лапы, зажимает зубы вокруг горла, и они сворачиваются в клубок лап. Рык, гортанный, исходящий от живота, расходится эхом.

Её скорость спасает её от него, заставляет выкрутиться из его хватки и убежать подальше от его зубов, но она ошеломлена. Она качает головой. Он не колеблется, прыгает на ноги и снова на неё. Она напряжена, губы плотно сжаты, но клыки обнажены. Стоит ему достичь её, как она поднимается дать ему отпор. Их передние лапы сцепляются вокруг плеч друг друга, зубы вгрызаются в любую точку, которую могут найти.

И всё же он намного крупнее, чем она. Он отталкивает её как пушинку; она падает навзничь, с ним наверху, выставив горло и живот. Она извивается, ударяет ногой в отчаянной попытке защитить себя. Он смаочно кусает, ловя её верхнюю переднюю лапу, и она визжит. Крик боли доводит её до безумства.

Она выгибается вперёд, смыкает пасть под его челюстью и кусает что есть сил. Вкус крови. Он съёживается, и она переворачивается на живот, встаёт на ноги и убегает.

Инстинкт, страх гонит её спасаться. Она бежит, желая скрыться от него, но он быстрее. Он прыгает, ловит её за зад, и она растягивается по земле. Его когти врываются в её мех, ища плоть, царапая её, прижимая. Всплыивает память о ненависти и

ошибочности. Он не имеет никакого права так себя вести. Он — изгой. Но он сильнее. Если она продемонстрирует подчинение, если заскулит и повернётся к нему животом, то он послушается? Он остановился?

Она так не думает. Он убьёт её.

Она не может ему этого позволить. Она тоже думает: «Он может быть сильнее. Но я лучше».

Тот, другой голос, другое «я», человек, говорит: «Его глаза. Порви его лицо».

Он взбирается на неё, грызя её мех и жёсткую кожу плеча, ища мягкую плоть ради возможности разорвать. Его вес подавляет её, вдавливая в землю независимо от того, как она сопротивляется. Она ждёт, пока он приблизиться, пока его морда не окажется на её шее. Тогда она нападает.

Открыв челюсти, она делает выпад. Его морда опущена вниз, зарыта в её шерсти. Она врезается в вершину его морды на пределе сил. Он отступает, не ожидая такого удара. Освобождённое от его веса, её жилистое тело разворачивается. Она ударяет его пастью, ища цель, жуя, удваивая своё усилие, когда её зубы находят мягкие точки, что она может чувствовать, как его плоть трецим, рвётся.

Он визжит и пятится. Она не отпускает; он тянет её с собой, её клыки впиваются в его глазницы. Её рык переходит в рёв.

Он кланяется, голова опускается к самой земле, и ударяет передними лапами, словно пытается очистить грязь с морды. Его когти режут её лицо; боль едва чувствуется. Он стал ниже, чем она, раскрыл уязвимую точку. Показал страх.

Открыв пасть, она бросается к его горлу так быстро, что он даже не вздрагивает.

Она грызёт, разрывает кожу. Кровь растекается по рту, разливается теплом по морде. Найдя устойчивое положение, она трясёт, разрывает, раздирает, взад-вперёд, со всей силы. Он слишком крупный для неё, чтобы оттолкнуть его как следует. Но у неё клок его мяса между зубов, он в её власти, и кровь бежит, горячая и быстрая. Его богатый вкус доводит его до головокружения, экстаза.

Его попытки сопротивляться доходят до рефлекторного удара ногой, а затем ничего.

Кровь покрывает его шею и грудь, и её собственное лицо, шею и грудь. Она облизывает морду, затем облизывает его, закапывая свой нос в рану, которую она нанесла. Она продолжает ворчать, зарываясь в него. Кусая, рвя, грызя, глотая...

Тело под нею дрожит, поскольку она ест. Мех сжимается до голой кожи, мышцы тают, кости изменяются, пока она не врывается в шею человеческого тела.

— Норвиль!

Треск, звук подобный удару грома, запах как огонь. Она отпускает и отпрыгивает, чтобы встать на расстоянии в один фут от прежнего места и оценить опасность. Её ноздри раздуваются.

Человек, опасный, друг, стоит там, рука поднята, ладонь сжимает источник запаха гари. Оружие.

— Китти! — кричит он и топает к ней, излучая яростный вызов. Она отскакивает на несколько шагов назад, разворачивается и смотрит. Он серьёзно?..

За ним раздаётся грохот шагов. Прибывает ещё больше людей, они пахнут оружием, беспокойством и опасностью. Пистолеты направлены на неё.

Мужчина кричит:

— Хардин, не стреляй! Это Китти!

Их слишком много.

Она бежит.

Она бежит как можно дальше, пока мир не затихает, а запахи кажутся не опасными. Она ищет деревья, убежище, привычные ароматы, и ничего не находит. Она далеко от дома и не знает это место.

Участок сухой земли в углу между двумя стенами создаёт неудобное, но приемлемое логово. Ей больно — саднит лицо, нога и плечи, режет в спине. Она должна отдохнуть. Она скучает по остальным. Здесь должны быть остальные. Ей нужна стая, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Но ей остаётся лишь свернуться в клубок и устроиться в углу логова.

Глава 11

Меня разбудил вой сирен.

Я попыталась потянуться и двинуться, как всё тело пронзила боль. Я застонала. Сил никаких. На улице кромешная тьма, середина ночи, а значит, я спала совсем недолго. Нужно ещё отдохнуть и прийти в себя после возвращения в человеческий облик, прежде чем почувствую себя более-менее.

Я положила голову на ладони и свернулась в углу между кирпичной стеной и деревянным забором. Понятия не имею, где я. Но я слышала сирены. Полиция, карета скорой помощи...

Я помнила достаточно из прошлого часа, так что не была полностью дезориентирована. Провела языком по губам и почувствовала вкус крови. Она всё ещё в моем рту. Я свернулась в клубочек сильнее и сжала глаза.

На гравийной дорожке послышались шаги.

— Норвиль, ты проснулась?

Несмотря на прошлое отсутствие скромности, теперь я чувствовала себя полностью обнажённой. Я потянула колени к груди и обняла себя, пытаясь прикрыться как могу.

Шаги остановились. Я открыла глаза. В нескольких шагах от меня, на коленях стоял Кормак. Он протягивал одеяло. Стоило мне попытаться потянуться к нему, как я почувствовала, что на спине открылся порез. Я поморщилась и зашипела.

Кормак опустил одеяло на мои плечи и, взяв меня под руки, помог сесть. Я укуталась в одеяло.

— Ты нашёл меня.

— Ты оставила след из крови.

Я кивнула. Я чувствовала сухую корку на лице и шее, а я ведь ещё не осмотрела раны. Раны, которые я получила при обращении в волка. Прошло мало времени, чтобы они зажили. Они чесались.

Я чувствовала вкус крови. Во рту, на стенке горла. Ощущала её при каждом вдохе, на пути к желудку.

Я поперхнулась, не в силах сдержать всхлип, и мой желудок сжался. Я оттолкнула Кормака. Меня вырвало. Чем-то багрянистым. Кусками мяса. После нескольких волн и парой ложных спазмов я смогла отдохнуть и задуматься о том, что произошло.

Я прислонила голову к холодной кирпичной стене.

— Наваляла большому оборотню, а? — произнёс Кормак с полуусмешкой.

— Ага, — слабо ответила я.

— Я же говорил, не ввязываться с ним в драку.

— Это была самооборона, офицер.

— Встать можешь?

Я подумала об этом и сделала пару глубоких вздохов, готовясь. Я верила, что смогу

устоять на ногах. Я попробовала. Подогнула ноги, но стоило переместить на них вес, как колени задрожали. Кормак поймал меня, когда я начала падать.

Я заплакала. Сжалась в комочек и заплакала, сжимая зубы, чтобы остановить всхлипы, стесняясь того, что я не могу остановить рыдания, сотрясающие тело. Я обняла голову руками, пытаясь спрятаться.

Кормак поддержал меня. Он не стал обнимать меня или говорить жалкие утешающие слова. Он просто держал меня, полуопустившись на колени, окружив точно щит.

В конце концов, слёзы закончились. Дрожь утихла. Глаза сощурились, опухли. Я икала, пытаясь заполнить опустошённые лёгкие. Мне не стало лучше после того как я выплакала все что накопилось. Но я была готова провалиться в спокойный сон без сновидений.

Иногда мне снились сны, где я, покрытая кровью, бегаю по лесу, убивая всё, что движется и испытывая от этого счастье. Иногда я не могла вспомнить, сон ли это был или явь.

— Ты как?

— Я не знаю, — ответила я слабым голосом.

Я потёрла лицо. Оно всё было покрыто землёй и грязью.

— Ладно. Я отвезу тебя домой.

Он стал подниматься, и на этот раз, когда я переместила вес на ноги, колени не задрожали. И всё же Кормак держал меня за руку на всякий случай.

Одеяло упало к коленям. Я шла осторожно: ступни были босыми, а переулок покрывало битое стекло и металлический сор. Я смотрела только под ноги, не уделяя ничему остальному ни малейшего внимания. Когда Кормак остановился, я подняла голову.

У входа в переулок стояла детектив Хардин. Она повернулась и что-то сказала полудюжине полицейских в форме. Они неохотно отошли. Оружие у всех было на взводе.

Хардин убрала пистолет в кобуру, скрестила руки и посмотрела на нас точно учительница средней школы, поймавшая пару детей за обнимашками позади трибуны. Или возможно я просто чувствовала себя подобно такому ребёнку.

— У меня тело с разорванным лицом, — начала она. — И почему-то мне кажется, что если я проверю ДНК парня, то образец совпадёт с доказательствами по моему делу с разорванными жертвами?

Я сглотнуло. Горло всё ещё болело после попытки не заплакать.

— Так и будет.

— А что насчёт парня у вашей квартиры?

— Нет. Но я готова говорить о нём. Вроде бы.

На её лице отразилась боль и раздражение.

— Такое часто происходит? Что оборотни безжалостно расправляются друг с другом безо всякой причины?

— О, причина есть всегда, — ответила я. Понимая, как плохо это прозвучало, я отвела взгляд. — Нет, такое не часто происходит. Только, когда ведётся борьба за власть. Когда молодой волк, как я, вырастает из своих штанов.

— А-а. Я думала только у полицейских крутые разборки.

Я посмотрела на Кормака. Его лицо стало непроницаемой маской. Уверена, он не вызывал полицейских.

— Откуда вы узнали куда ехать? — спросила я.

— Мне позвонил ваш звукоинженер.

— Мэтт. Ублюдок, — пробормотала я.

Я думала, он понимал, что лучше не ввязываться в разборки сверхъестественных созданий.

— Почему вы мне не позвонили?

— Не хотела, чтобы вас ранили.

— Я тронута. Правда. У вас есть хоть какое-нибудь представление, как мне описать всё в отчёте? Что я должна с вами делать?

Я пожала плечами, морщась, так как на спине снова открылась рана. Мне нужно полежать без движения парочку часов, если я хочу выздороветь.

— Я должна позвонить адвокату?

Она впилась в меня глазами, словно пытаясь заглянуть под кожу. У меня поникли плечи. Если бы она была волком, то я бы восприняла её взгляд как вызов. Я посмотрела под ноги и попыталась выглядеть беззащитной, маленькой и незначительной, с метафорическим хвостом между ногами.

Она слегка дёрнула подбородок, своего рода решающий полупоклон.

— Я видела, как дерутся собаки. И всё. Но ради Бога, позвоните мне в следующий раз.

Она ушла.

Моя одежда лежала на пассажирском сиденье внедорожника Кормака. Я оделась, но всё ещё куталась в одеяло. Мне было холодно.

Кормак остановил джип перед моим домом и заглушил двигатель. Нужно готовиться уйти.

Я сделала глубокий вздох, потому что знала, насколько мне будет нелегко.

Стоило мне схватить ручку двери, как Кормак сказал:

— Я нужен тебе чтобы помочь?

Вопрос был перегружен смыслом и невысказанными предложениями. Мы точно не пара на первом свидании, которая прощупывает почву, пытаясь понять, продлится ли вечер немного дольше: он спрашивает меня, приглашу ли я его войти, я спрашиваю себя, а стоит ли. Возможно, он хотел второй шанс. Возможно, я хотела, чтобы у него был второй шанс. Я должна решить насколько сильно пострадала — но если я настолько сильно ранена, что нуждаюсь в помощи, то, скорее всего, не смогу дать ему второй шанс. Возможно, он просто пытается быть хорошим. Но почему он пытается быть хорошим как если не хочет второго шанса?

Хотя возможно я слишком глубоко залезла в психологию. Голова раскалывается, мне нужен душ. И сон. А значит никакого второго шанса.

Но Кормак заглушил двигатель, словно действительно хотел войти в дом.

— Со мной всё будет хорошо. — Я открыла дверь и осторожно вышла из машины. Одеяло оставила на пассажирском сиденье. — Спасибо. Спасибо за всё. Наверное, за мой теперь пару должков.

Он пожал плечами.

— Ты сберегла мне пулю.

Я посмотрела в салон, скрывая ухмылку.

— Ты не сердишься, что я украла у тебя добычу?

— Точно как волк, когда вокруг ещё полно дичи. — Он завёл внедорожник. Двигатель взвизгнул и заревел в установленном ритме. — Почкаще оглядывайся.

— Да. Ты тоже.

Я закрыла дверь.

Кормак уехал.

Всю дорогу к дому, я задавалась вопросом, может, стоило попросить Кормака пойти со мной. Он вооружён и не ранен. На месте, где Ти Джей убил Зана, осталось пятно. Что ещё поджидало в тенях, чтобы напасть на меня? Не волк-одиночка. Больше нет.

Я убила его. В одиночку, убила. Я должно была почувствовать себя сильнее, словно могу пройти по тёмной улице без боязни и никогда снова не испытать страха. Волк мог стоять гордо, хвост прямой, незапуганный.

Но я ощущала только одну усталость. Усталость, грусть, боль. Даже Волчица притихла. Даже с неё было достаточно.

Позади каждого куста и угла поджидал монстр, желающий бросить мне вызов. Волосы на руках и шее покалывало. Я продолжала постоянно оглядываться.

Джеймс сказал, что она могла дать ему стаю. Она обратила его и хотела, чтобы он убил Альфу.

Мэг. Должно быть. Я не знала, что думать. О чём она думала, беря этого парня под своё крыло? Она действительно хотела поставить его в качестве главы стаи? Должно быть, он показался ей сильным, достаточно сильным, чтобы одолеть Карла. Но Джеймс не продержался бы. У него не было мышления лидера — в конце концов, он склонился предо мной. Стая разорвала бы его в клочья. Мэг, должно быть, поняла это, передумала и бросила его.

Это уже чересчур. Стоило такого ожидать. Тело всё ещё ломило. И всё же я увидела свет в конце туннеля.

Оставалась ещё Мэг. Кого она пошлёт за мной в следующий раз? Возможно, явится сама? Может я и убила Джеймса, но сегодня я не состояния также сражаться.

Возможно, она поджидала в моей квартире. Я вползла вверх по лестнице, прислонившись к самой стене. Голова пульсировала, я изо всех сил сосредоточилась на звуках. Тишина. Я сделала несколько быстрых вздохов, проверяя воздух, пытаясь уловить аромат опасности. Если здесь недавно был оборотень, то я должна была различить его запах. Если бы кто-то принёс сюда оружие, то я, возможно, смогла бы поймать след смазки и стали.

Квартиры пахли лишь потом и старым гипсокартоном.

Я добралась до своей двери. Всё ещё заперто. Каким-то чудом ключ до сих пор лежал в кармане джинсов. Я попыталась беззвучно просунуть его в замок и повернуть. Как бы ни так. Скрип металла взбудоражил мой мозг. Я прислушалась к звукам в

квартире, задаваясь вопросом, вдруг кто-то проник внутрь и поджидает меня. Тем не менее, ничего.

Моё сердце подпрыгнуло до самого горла, когда я открыла дверь.

Пусто.

Я искала везде, даже в шкафах, где мыши не спрятаться. Но я все равно проверила. Закрыла дверь и опустила шторы на окно. Затем села на пол и зарыло лицо в коленях, сдерживая одновременно истерический смех и слёзы беспомощности. Осторожность деградировала в паранойю, я была истощена.

Скорчившись на полу, я десять минут спорила, пойти ли спать или принять душ. Сон, душ, сон, душ. Кожа по всему телу зудела, поэтому я решила, что больше всего на свете мне нужен душ. От меня несло как от помойки.

К тому времени, как я доковыляла до ванной, я передумала и решила, что первым делом нужно почистить зубы. Я почистила их пять раз. Дважды прополоскала. Стارаясь не всматриваться в выплеванные куски.

Я проснулась. Солнце ярко освещало края шторы светом полуденного дня. Я потянулась, выгнула спину, вытянула руки и ноги и улыбнулась, потому что несмотря на то что я напрягла мышцы, ничего не болело. На спине не открылось никаких ран.

В настоящий момент я не хотела больше двигаться, потому что иначе нужно соображать, что делать дальше.

Мэг перешла все границы.

Ти Джей не ответит на телефон. Он скрывается последние несколько дней. Он далеко, убегает от полицейских, и я не могу позвать его на помощь.

Ехать на автобусе до дома Мэг далеко не так приятно, как на байке Ти Джея.

Дорога также заняла больше времени, а значит, у меня осталось много времени на размышления.

У меня не было доказательств. Я могла сказать Карлу о том, что произошло вчера вечером, но не могла верить, что он что-нибудь предпримет. В конце концов, он ничего не сделал, когда Мэг сговорилась с Артуро убить меня, хотя у него было на руках доказательство. С другой стороны он прямым текстом сказал мне сразиться с нею. В сущности, убить её. Занять её место. Но я не хотела становиться альфа-самкой Карла.

Динамика стаи утверждена на двухсторонних отношениях. Я должна проявлять Альфам, Карлу и Мэг, полную лояльность и преданность, а они должны защищать меня.

Уже долгое время я не чувствовала себя защищённой. Карл, казалось, больше заботился о поддержке Мэг, чем о моей защите. Всё доверие испарилось. Баланс пошатнулся.

И хоть я чувствовала себя в силах столкнуться с Мэг, я не думала, что могу сразиться с ними обоими. Не в одиночку.

Я должна рассказать им, что произошло вчера вечером. Но этот поступок начнёт драку. Их терпение ко мне, вероятно, настолько истончилось, что это будет не просто борьба за господство в духе «проучи её немножко». Возможно, Мэг решит расправиться со мной лично.

Я очень, очень скучала по Ти Джею.

Я добралась до дома. Парадная дверь была заперта. Никого.

У Мэг была настоящая работа. Она поддерживала довольно хорошее подобие нормальной жизни, работая клерком на складе. Зарплаты хватало на расходы за дом, машину и покупку разных товаров. Карл не работал.

Похоже, Мэг ещё не вернулась, а Карл куда-то отлучился.

Чёрный вход тоже был заперт. Я присела у стены патио и взглянула на холмы, одинокие деревья, которые росли всё чаще и чаще, пока не стали лесами заповедниками. Солнце светило прямо в глаза. Тёплый, располагающий к лени день, аромат сосен на слабом ветру. Я закрыла глаза, мечтая о сне. Если не думать слишком много, я смогу насладиться моментом.

Я уловила аромат, след на ветру, знакомый запах волка, стаи. Прищурив глаза, я присмотрелась. Там кто-то был. Вдалеке. Я оглядела холмы, но не ничего не заметила, даже вспышки движения. Аромат исчез. Возможно, это было эхо, лишь тень. Это место пронизано запахом стаи.

Карл обошёл дом и остановился, увидев меня. Альфа сжал кулаки и согнул плечи, вставая в позу. Я посмотрела на него и повернула лицо обратно к солнцу, купаясь в его лучах.

— Привет, Карл.

— На что смотришь? — произнёс он с подозрением, словно решил, что я что-то скрываю.

— Не знаю. Мне показалось, что я что-то увидела. Возможно, Ти Джея.

Карл немного расслабился и продолжил идти. Он прислонился к стене, возвышаясь надо мной.

— Я не видел его несколько дней. Он любит бродить по окрестностям. Может, ты

знаешь, куда он отправился на этот раз?

— Он скрывается. Полиция ищет его за убийство Зана.

Гробовая тишина.

— Зан мёртв? — удивился Карл.

Я уставилась на него. Я думала, Ти Джей ему всё рассказал.

— Ты не знал?

— Мэг сказала мне, что он уехал. Убежал. Я решил, что возможно, они убежали с Ти Джеем. Вместе.

Он недвусмысленно хмыкнул, подчёркивая слово «вместе». Блин, да даже если Зан выбрал этот путь, у Ти Джая вкус получше.

— Мэг — лгунья.

— Почему Ти Джей убил его?

— Зан напал на меня. Ти Джей меня защитил.

— Зачем Зану нападать на тебя?

— Ты это серьёзно? Ты действительно без понятия о том, что происходит в твоей стае?

Его плечи напряглись, волосы встали дыбом. Но тут он выдохнул и ссугулился.

— Что мне с тобой делать?

Я обняла колени и посмотрела на холмы, окрашенные в золото от солнца. Тени деревьев удлинились, ползя ко мне.

— Мне нужно поговорить с Мэг. Не знаю, что ты собираешь делать: либо соблюдёшь нейтралитет, либо поддержишь Мэг. Я не знаю, что ты выберешь.

— Ты сможешь победить Мэг?

— Я могу попробовать.

— Тогда ты займёшь её место.

— Нет. Я не хочу её место.

Я хотела собственное место, почему он этого не поймёт?

— Я не могу возглавлять эту стаю в одиночку.

Он казался почти испуганным.

— Возможно, ты сможешь научиться.

— Почему ты даже не рассматриваешь такое предложение? — голос прозвучал как

натянутая струна.

— Мне не нужна стая. У меня своя жизнь.

Волк-одиночка. Я справлюсь.

— Так, ты поддержишь её или не будешь вмешиваться?

Он спрятал ладони в карманах джинсов и отвёл взгляд. Внезапно меня стукнуло, что Карл не настолько стар. Где-то тридцать четыре, тридцать пять. Не знаю, сколько времени он прожил как оборотень. Ему не хватало зреющей уверенности. Сколько усилий ему требуется, чтобы показать себя крутым, утвердить доминирующую позицию, которая нужна ему, чтобы держать всё под контролем? Я никогда не замечала этого прежде, но уверенность не была дана ему от природы как скажем... Кормаку.

— Хочешь зайти внутрь и подождать её?

— Я останусь здесь.

Он скрылся за углом дома.

Вскоре он вышел с чёрного входа. С ним была Мэг. Они стояли рядом и смотрели на меня. Наверное, моя попа отвалится из-за того, что я просидела на бетоне так долго. Но день был на удивление хороший. Воздух начал слегка пронизывать сумеречный холодок. В моей душе царил покой.

— Эй, Мэг. Расскажи мне о Джеймсе, — начала я, не оборачиваясь.

Пауза перед её ответом протянулась слишком долго.

— О ком?

— Джеймсе. Оборотне-одиночке.

— Китти, о чём ты говоришь? — не понял Карл.

— Кажется, Мэг скрыла его от тебя. Думаю, она нашла крупного сильного парня, сделала его одним из нас и начала готовить на роль твоей замены. Она не хотела бороться с тобой сама. Он стал бы вожаком стаи, обязанный ей всем. Но парень был чокнутым. Нестабильным. Она не могла управлять им. Она бросила его, и он начал убивать. Ей не понравилось, что я помогла полицейским; возможно, она боялась, что я раскрою дело, учью её запах и прослежу связь. Поэтому она послала Зана, чтобы избавиться от меня. Жаль, что сотрудничество с Артуро с целью нанять Кормака и убить меня не сработало. Всем стало бы легче. Думаю, она всё давно продумала, с тех пор, как решила, что я могу угрожать её положению.

— Где этот Джеймс сейчас?

Карл смотрел на меня, не на Мэг.

Но я смотрела прямо на Мэг.

— Я убила его.

— Я не верю, — ответила Мэг.

Бинго. Я её зацепила.

— Чему именно? Тому, что этот парень вообще существует, или что я — маленькая старенькая Китти — смогла убить его? — Я вскочила на ноги. — Я разорвала его гребаное горло, Мэг. Хочешь, расскажу каково это на вкус? Может продемонстрировать?

Это было слишком дерзко. Я начинала говорить как Карл. Теперь слишком поздно отступать.

Мэг встала ему за спину.

Дрожь согрела тело, статическое электричество проползло по спине. Я ещё даже не тронула её, но она испугалась. Меня. Стоит мне дыхнуть на неё сейчас, и она могла закричать. Я прищурилась и улыбнулась.

Вот поэтому Карлу нравится быть негодяем. Так он чувствует себя сильным.

— Если хочешь моей смерти, Мэг, почему тебе просто не бросить мне вызов и сразиться лицом к лицу? Или ты трусишь?

Я обошла Карла, двигаясь к ней. Она тоже двинулась, продолжая держаться у него за спиной.

— Китти, хватит, — не выдержал Карл.

— Нет, не хватит. Язываю её на бой. Я хочу бросить ей вызов. Что скажешь, Мэг?

Она уставилась на меня, замерла.

— Думаю, ты спятила.

— Я разозлилась! Каким местом ты думала, обратив того парня?

И всё же она ни отрицала, ни подтверждала мои слова. Просто молчала.

Вот сейчас. Я чувствовала это, напряжение в воздухе, пересечение взглядов. У меня вскипела кровь, она пульсировала в ушах. Горло напряглось, сдерживая рык. Мэг сжала руки в кулаки, готовясь.

И тут между нами встал Карл.

— Я не разрешаю вам драться. Успокойся, Китти. Сейчас же.

— И почему я должна тебя слушаться? Где ты был, когда меня несколько раз пытались убить? Ты бесполезен, Карл! Я ничего тебе не должна!

Карл сделал несколько шагов ко мне. Твёрдая походка, руки слегка наклонены, ладони готовы сжаться в кулаки.

Как бы сильно мне не хотелось отступить, я осталась стоять на месте. Даже моя волчица не сжалась при его приближении. Даже она рассердилась.

— Я не хочу драться с тобой, — твёрдо произнесла я. — Позволь мне бросить вызов ей, Карл. Я думала, ты хочешь, чтобы я бросила ей вызов.

Он остановился и посмотрел через плечо.

С лёгкой улыбкой и расчётливым видом, Мэг отвела от меня взгляд. Она подошла к Карлу, коснулась его спины и уткнулась лицом в плечо. Она посмотрела на меня из-за его крепкого тела, затем закрыла глаза и потёрлась щекой по его плечу, держа его за руку, цепляясь за него.

Она показала себя покорной ему. Она отдалась его власти и, следовательно, он защитит её. Она просила, чтобы он сразился вместо неё.

У меня отвисла челюсть.

— Ты всегда была такой сукой?

Это был глупый вопрос.

— Я знаю своё место, — ответила она.

Она медленно присела, пока не оказалась на коленях у ног Карла, схватила его и уткнулась лицом в бедро.

И Карл, неуверенный доминант, купился на это. Он раздулся, вырос на несколько дюймов во всех направлениях, выставил грудь и поднял руки, готовясь сражаться.

О, пожалуйста.

— Да ладно, Карл, — сказала я. — Она разыгрывает спектакль. Боится, что у меня может быть шанс против неё.

— Бросаешь вызов моей паре — бросаешь вызов мне.

— И ты закроешь глаза на её поступки? Она отдала фотографии Артуро, послала Зана убить меня — не говоря уже о том, что она сотворила с Джеймсом. Она хотела убить тебя! Почему ты её защищаешь после всего?

— Она не говорила, что стояла за Джеймсом.

— Она и не отрицала.

Мы оба посмотрели на неё. Я ещё могла вытянуть из неё признание.

Мэг, сокрушаясь как католическая школьница, склонила голову, что волосы упали

на лицо, и произнесла:

— С Джеймсом я ошиблась. Это больше никогда не повторится. Прости меня.

В конце концов, вот поэтому я никогда не могла занять место Мэг рядом с Карлом. Я не могла вот так унизаться. По крайней мере, больше не могла. А Карлу нужна девушка, которая будет ползать у него в ногах.

Солнце наконец село за горизонт. На мир легла тень. Небо потемнело до насыщенного фиолетово-голубого оттенка бархата, оттенка снов. Это был синий цвет из страны эльфов, описанный лордом Дансени²⁰. Казалось, стоит мне сделать шаг, и я окажусь в другом мире, волшебном крае, где ничто не может причинить мне вреда. Где никто не делает другому больно. Или где приключения, выпавшие на твою долю, наполнены символическим, глубоким смыслом, ведя к просвещению, взрослению или, по крайней мере, хорошей награде. Хотя бы к говорящей гусыне.

Я видела много волшебства в своём мире, и ни одно не произвело на меня особого впечатления.

Я покала плечами.

— Ну, Карл. Ты свободен поддержать её. Пока ты знаешь, какова она на самом деле.

Я была готова, когда он прыгнул на меня.

Глава 12

Карл прыгнул на меня, вытянув руки и растопырив пальцы, готовясь сжать мою шею. Я нагнулась и перекатилась. Технически я изучила все фантастические движения, что валят атакующего противника — используй импульс более крупного противника против него, позволь ему улететь головой вперёд на землю к твоим ногам. Но те движения работали намного лучше в спортивном зале с ковриками и временем на практику.

Как бы то ни было, мне удалось лишь укатиться вне досягаемости его рук и схватить его, вцепившись в отворот на джинсах. Карл споткнулся, но не упал. Поднявшись на четвереньки, я отползла от него, повернулась и посмотрела ему в глаза, приседая в ожидании.

Карл, казалось, не спешил. Сняв рубашку и обнажив скульптурную мощную грудь,

²⁰ Эдвард Джон Мортон Дракс Планкетт, восемнадцатый барон Дансени, (24 июля 1878, Лондон, — 25 октября 1957, Дублин) — ирландский англоязычный писатель и поэт. По признаниям Говарда Лавкрафта и Роберта Говарда, оказал большое влияние на их творчество. Один из пионеров современной фэнтези.

он обошёл меня по кругу, издавая утробный рык.

Я двигалась бы намного быстрее как волк с когтями и зубами и меньшим количеством ограничений, но если потрачу время на превращение — он нападёт.

Возможно, мне не стоит полностью обращаться: позволю волчице немного показаться, лишь бы получить достаточно преимущества, чтобы продержаться. Я начала рычать. Первым делом нападу на Карла, а затем на Мэг.

Напрягшись, я притворилась, что собираюсь прыгнуть, дёрнулась вперёд и получила ответную реакцию. Карл рванул ко мне, надеясь, что мы столкнёмся в воздухе. Он бы победил в прямом столкновении между нами. Но я уклонилась, снова избегая его силовой атаки. Он пролетел рядом, и я почувствовала жар его крови, учудила бисеринки пота на его теле.

Я потянулась достать его, и у меня выросли когти. Я выгнула пальцы и с силой опустила руку. Зацепила плоть и увидела алые брызги.

Карл завыл, словно распилили дерево, и скорчился от внезапной боли. Он отбежал, чтобы создать небольшую дистанцию, и сжал бок: я порезала кожу на левом боку под грудной клеткой. Без понятия как глубокого я вошла. Он выглядел скорее разъярённым, чем раненым: лицо скорчилось в гримасу при рыке, глаза засияли от гнева.

Тогда что-то схватило мою шею и оттащило назад. Мэг!

Она держала меня в захвате, левая рука отводила правую, которая скжала шею. Я открыла рот от недостатка кислорода, но Мэг лишь сильнее обхватила горло. Она тянула, пока я не распласталась у неё на спине, почти полностью лёжа на ней. Мэг использовала всю свою силу, лишь бы задушить меня.

Я забилась в её руках, потянулась и попыталась порезать её лицо. Теперь я пребывала в панике и с трудом удерживала форму. Страх заставил меня захотеть растаять, потому что волчица могла убежать быстрее, чем я. Я сопротивлялась, и против неё и против себя, чтобы освободиться и сохранить контроль над телом.

Её сахарный голосок раздался около моего уха:

— Думаю, всё кончено. Хочешь сам прикончить её или это сделать мне?

Она посмотрела на Карла.

Руки Карла утолщились, выступили когти. Он подошёл ко мне. У меня осталось время подумать, как глупо было оставлять тыл незащищённым. Вот что я получила, взомнив, что смогу победить в битве. Можно подумать я какой-то гребанный Цезарь.

Я продолжила рвать руки Мэг. Меня покрыла кровь: я разорвала её плоть в клочья.

Но она не отпустила. Она собиралась держать меня столько, сколько нужно Карлу, чтобы одержать победу. Я заскулила от того как сильно мне не хотелось такого развития событий.

Мои ноги всё ещё были свободны. Я пну его. Буду бороться, сколько хватит сил.

И тут Карл замер. Его голова откинулась назад. Сбоку от него, из сгущающейся темноты появилась тень.

Ти Джей сжимал шею Карла. Его ногти — слишком толстые, почти когти — вошли в шею более крупного соперника. Оставалось только сжать, потянуть, и он бы отсек Карлу глотку. Он был голым, так как только недавно перекинулся из волка. Ти Джей сказал, что уйдёт в холмы. Должно быть, он не стал убегать слишком далеко. Он вернулся.

— Отпусти её, Мэг, — приказал Ти Джей. — Иначе мы оба проиграем.

Она ослабила часть давления на моей шее. Недостаточно, чтобы отпустить. Но я хотя бы могла дышать.

— С другой стороны, — ответила она. — Это может стать возможностью для нас обоих. Мы прикончим наших соперников, и стая наша.

Она действительно ненавидела Карла так сильно? Что он нашёл в ней такого, что был готов защищать? Я знала ответ. Я вспомнила, что в первый раз, когда я увидела её, она была дикой богиней, излучающая ауру силы. Она была прекрасна.

Ти Джей рассмеялся, губы расползлись в полуусмешке.

— Ты не мой тип. — Затем он посмотрел на Карла, и улыбка исчезла. — Ты не очень хороший Альфа стаи, Карл. Забрался так далеко, просто запугав остальных. Возможно, я могу решить эту проблему.

— Это нечестно, — полузадушено ответил Карл.

— Как и это.

Ти Джей кивнул на меня и Мэг.

— Если бы ты действительно хотел покончить со мной, то уже сделал бы это.

В течение минуты я думала, что Ти Джей оторвёт ему голову на месте, но он подождал нескольких мучительных ударов сердца, прежде чем ответить:

— Ты прав. Я хочу сделку. Позволь Китти и мне уйти. Мы уедем. Покинем эту территорию навсегда, и тебе никогда не придётся волноваться о нас снова. А у тебя останется твоё маленько шоу, можешь управлять им как захочешь.

С одной стороны звучало как замечательный план. Спасти свою шкуру и больше не сражаться. Не хотелось думать о чём-то кроме безопасности. Но я ещё не разобралась с

тем, что Мэг оказалось сукой-предательницей. И у меня жизнь здесь, в Денворе. КНОПКА, шоу, даже друзья. Стая... да пусть катится к чертям собачьим. Но я не хотела уезжать. Не хотела оказываться перед такой необходимостью.

Я подчинилась Ти Джую. Он заработал статус Альфы. Я верила, что он защитит меня больше всех остальных, кого я знала в этом мире.

Карл тяжело дышал, но Ти Джей не ослаблял хватку.

— Хорошо, — наконец сдался он. — Отпусти её, Мэг.

Впиваясь глазами в Ти Джая, она подчинилась. Как только на шею перестало давить, я выскользнула из хватки Мэг и отпрянула. Выпрямилась и попятилась, готовясь бежать. Мои руки и ногти стали человеческими: Волчица ушла. Как только Ти Джей будет со мной, мы побежим, и никогда не будем оглядываться.

Ти Джей отпустил Карла. Оба сделали шаг назад, отдаляясь друг от друга.

И тут Карл напал на него. В конце концов, он был вылеплен из того же самого теста что и Мэг. Они идеально подходили друг другу.

Карл развернулся на одной ноге и атаковал массивным режущим ударом, вытянув когти. Ти Джей отступил, но не достаточно быстро. Карл не вспорол ему брюхо, как предполагала атака, но схватил Ти Джая за подбородок, откидывая его голову назад и опрокидывая навзничь. Из ряда порезов на лице хлынула кровь.

Я закричала, даже больше завыла.

Стоило мне броситься к Ти Джью, чтобы помочь ему выстоять против Карла, как ко мне побежала Мэг. Кажется, меня ждёт кошачья свара. И это я фигулярно выражаясь.

Я наклонилась и, бросившись вперёд, врезалась Мэг в живот, хватая её, прежде чем она опередить меня. Не знаю, откуда взялись силы, но мне удалось сбить Мэг с ног и пригвоздить к полу.

Никакого поддразнивания, никакой игры, никого милосердия. Я опустила предплечье на её шею и надавила всем весом. Мэг закашлялась, заскрипела, заныла. Я наклонилась почти вплотную к её лицу. Мэг залязгала зубами, зарычала, ведя себя, как волчица в человеческом теле.

Я ударила её. Когти вскрыли лицо, разрывая щёку. Мои когти вернулись; я даже не почувствовала их. Непонятный звук, даже не рык, боли, гнева, безнадёжности сжимал грудь. Я ненавидела её. Я ненавидела происходящее.

Меня отвлёк наполовину волчий, наполовину человечий то ли визг, то ли стон. Я всмотрелась в заросший кустами двор у патио. Тени. Я видела только чёрные силуэты на

фоне темнеющего неба. Я подняла нос к ветру, что ударял по деревьям. Деревья, дождь, стая, территория, волки, кровь... Острый запах крови наполнил горло. Огромное количество крови вперемешку с воною мусора.

На земле смешались две фигуры. Одна из них поднялась, распрямив широкие плечи, повернув к нам заросшее лицо. Карл. Другая фигура лежала лицом вниз, не шевелясь. Я прикусила губу и заскулила.

Никогда ещё я не двигалась так быстро. Я забыла про Мэг и побежала к Ти Джою. Карл (его правая рука была по локоть в крови) кинулся ко мне, но я уклонилась, обошла его и припала к земле, к поверженной фигуре Ти Джоя. Он лежал полусвернувшись, рука изогнута под телом, как будто он пытался подняться, другая сжимала распоротый живот. Он удерживал блестящие холмики, странные комочки ткани — органы — которые выглядывали через глубокие раны вдоль живота, грудной клетки и под ней. Из сердца текла кровь.

Мы исцелялись быстро, только если переживали рану.

Сжимая зубы, чтобы удержаться от крика, я легла на землю около него. Я коснулась его лица.

— Ти Джей, Ти Джей, — повторяла я точно мантру.

Я опустила лицо, и наши лбы соприкоснулись.

Я хотела, чтобы он знал — я рядом.

— Ти Джей.

Он издал звук: хрип, оборвавшийся резким выдохом. Его глаза были закрыты. Губы зашевелись, и я поднесла ухо. Если он и попытался что-то сказать, я так никогда и не узнала что именно. Я продолжала прислушиваться к следующему вздоху, следующему проявлению жизни, но так его и не дождалась. Я звала его по имени, надеясь, что он услышит меня. Надеясь, что это принесёт ему немного успокоения. Я запустила пальцы в его волосы, приподнимая его.

Я продолжала... надеяться.

И тут над нами склонился Карл. Я не испугалась, даже не рассердилась. Я потеряла надежду. Отчаяние заставило моё лицо покрыться слезами.

Я посмотрела на него, и из моего горла вырвался крик:

— Он был твоим другом!

Карл задрожал. Я увидела, как затряслись его руки.

— Ему не следовало бросать мне вызов.

— Он не бросал тебе вызов! Он собирался уйти! — Я обнажила зубы, демонстрируя презрение. — Он стоит сотни таких как ты. И убийство это не изменит.

Прожигая нас обоих глазами, Мэг присоединилась к Карлу. Она была побита: с лица и рук капала кровь. Она бы не выдержала дальнейшую борьбу. Но встав позади Карла, она дала понять, что не сдастся.

— Прикончи её. Оставь её с ним, — почти выплюнула она.

Я посмотрела в глаза Карла. Выдержала его взгляд. Казалось, он тоже потерял надежду. Мы словно оба мысленно спрашивали себя, как всё могло сложиться по-иному. Что, всё должно было сложиться по-иному. С сегодняшнего вечера я больше никогда не должна задавать себе такие вопросы.

Карл медленно покачал головой.

— Нет. Теперь она не будет бороться.

Мэг, казалось, хотела заспорить, но Карл сжал её шею, и Мэг замерла.

— У тебя день, чтобы покинуть город, — сказал мне Карл. — Не хочу видеть тебя на своей территории.

У него могла быть своя территория.

Прежде чем встать, я зарыла нос в волосы Ти Джея и сделала глубокий вдох, чтобы запомнить его запах. Масло и смазку его мотоцикла, жар его кухни. Его мыло, пальто, слабую дымку сигарет, более сильный аромат сосны. Его волка, потного и дикого. Он пах как ветер на краю города.

Я выпрямилась и отвела взгляд. Никогда не оглядывайся.

— Ти Джей заплатил за твою жизнь, — резко произнёс Карл голосом полным ненависти. — Не забывай об этом.

Я проглотила слёзы и побежала.

Эпилог

— Итак, мы вернулись на Полуночный час. У нас ещё есть время принять пару звонков. Задавайте вопросы гостю сегодняшнего вечера, сенатору Джозефу Дюку, республиканцу из Миссури. Эван из Сан-Диего, вы в эфире.

— Да, привет, — сказал Эван. — Сенатор Дюк, прежде всего я хочу поблагодарить вас, что вы один из немногих членов нашего правительства, кто готов отстоять свои принципы...

Я просто застонала в душе. Звонки, начинающиеся подобным образом, всегда

заканчиваются ужасом Библии.

— Боже, спасибо, Эван, — ответил Дюк. — Конечно, это моя данная Богом обязанность — отстаивать незыблемые моральные устои в Конгрессе США.

— М-м-м, да. И мой вопрос, вот что я хочу узнать: по вашему авторитетному мнению, каков лучший метод для наказания слуг сатаны — сжигать на костре или топить в святой воде? Если бы федеральное правительство настаивало ввести обязательную смертную казнь, что выбрали бы вы?

Почему такие люди слушают моё шоу? Вероятно, чтобы собрать цитаты, которые они вырвали из контекста. Ответы, которые я давала на вопросы об оргии вампиров всегда давали о себе знать.

Сенатору хватило такта сделать вид, что вопрос ему неприятен. Он заёрзal на месте и скривил губы.

— Ну, Эван, боюсь, что я не эксперт по наказанию нечестивых, как ты того решил. В эти дни и в моём возрасте, я считаю, что существующая пенитенциарная система охватывает любые преступления, за которые могут быть осуждены прислужники сатаны, и устанавливает справедливые наказания. А если придумают новые преступления, ну, тогда уже решим эту проблему, хорошо?

Именно это делает таких людей как Дюк настолько страшными. Они так строят формулировки, что создают наистраннейшие заявления.

Сенатор Джозеф Дюк, пятьдесят с хвостиком, трудноопределенный образец выходца со среднего запада, как парень с «Американской готики»²¹, но на двадцать фунтов тяжелее, сидел на другом конце стола, так далеко от меня, как только возможно, но мог и всё ещё дотягиваться до микрофона. По бокам от сенатора стояли телохранители-«близнецы». Один из них достал оружие и держал на сгибе скрещённых рук. Сенатор отказался находиться со мной в одной комнате без телохранителей. Я

²¹ «Американская готика» — картина американского художника Гранта Вуда, созданная в 1930 году. Один из самых узнаваемых образов в американском искусстве XX века.

поинтересовалась: «серебряные пули?». Конечно.

После огромного количества людей, объявивших, что шоу и моя личность обман, часть тщательно продуманной стратегии ради рейтингов или больная шутка, игра на легковерных поклонниках, несомненная вера Дюка в мою природу почти освежала. Он чуть не отказался придти на шоу вообще — по первоначальному расписанию он должен был появиться на следующей неделе после нападения Кормака. Пришлось отложить.

Я была вынуждена согласиться на телохранителей.

— Следующий гость, пожалуйста. Люси, привет.

— Привет, Китти. Сенатор, я хочу знать, как после всех ваших разговоров о каре язычников и избавления страны от нечестивого влияния неверных (кстати, вы открыто заявили, что туда входят и оборотни), вы можете сидеть в одной комнате с Китти, как ни в чём не бывало?

Я не смогла оценить тон Люси. Возможно, это был сарказм, попытка разозлить сенатора или, возможно, она спрашивала всерьёз.

— Люси, Господь Иисус Христос учил нас не отворачиваться от неверных. Даже самый страшный грешник может быть спасён, если только пустит свет Христа в своё сердце. Я рассматриваю своё присутствие на этом шоу как окончательный шанс обратиться к нечестивцам.

По моему опыту, обращение в оборотня больше смахивает на несчастный случай, чем воздаяние за грехи. И всё же не могла оскорблять его веру или чувства. Он не защищал массовые убийства оборотней, что делало его лучше некоторых. За месяцы моя папка с угрозами расправы сильно потолстела.

— Так, Китти, он обратился к вам? — поинтересовалась Люси.

В голове родились парочка невежливых ответов, но на этот раз я их не озвучила.

— Ну, как я уже говорила, я могу не быть самой безгрешной сучкой на радиоволнах, но определённо не чувствую себя особенно нечестивой. Но, вероятно, я использую это слово немного по-другому, чем сенатор. Позвольте нам просто сказать, что я слушаю внимательно, как обычно.

Звукооператор замахал мне через окно в кабину, давая знать сколько осталось времени. Не Мэтт. На этой недели я находилась Альбукерке на общественной радиостанции, которая крутила шоу. Здесь не было моей кабины или моего микрофона, а стул казался слишком новым, не таким мягким как в КНОПКЕ. Я скучала по тому стулу. Я скучала по Мэтту.

— Ладно, верные слушатели — и заметьте, вероятно, я использую слово «верные» в другом смысле, чем сенатор Дюк. У нас осталось только пару минут до конца передачи. Сенатор, у меня есть ещё один вопрос для вас, если вы не возражаете.

— Задавайте.

— Ранее на шоу мы обсудили малоизвестный отчёт, опубликованный отделением ЦИЗ, правительственные исследование в виде эмпирической экспертизы сверхъестественных существ, таких как оборотни и вампиры. Я хотела бы спросить вас, если могу: если американское правительство почти готово объявить ликантропию и вампиризм болезнью — под этим я имею в виду идентифицируемое физиологическое состояние — как это соотносится с позицией, занятой многими религиозными доктринаами, что эти состояния — метки греха?

— Ну, мисс Норвиль, как и вы, я ознакомился с тем отчётом. И вместо того, чтобы противоречить моей позиции по этим... состояниям, как вы их называете, я полагаю, он поддерживает меня.

— Как?

— Я уже говорил, что хочу обратиться к людям, страдающим от этих ужасных недугов — мы как общество должны обратиться к любому страдающему от болезни. Мы должны помочь им найти свой путь к истинному пути света.

И что вампиры подумают о том, чтобы их повели к пути света?

— Как вы это сделаете, сенатор? — спросила я немного более дипломатично.

Сенатор оживился, готовясь произнести целую речь, словно ждал этого момента, этого самого вопроса.

— Множество болезней, таких как ликантропия и вампиризм в частности очень заразны. Фольклор учил нас этому многие века, и теперь это подтверждает современная наука.

— Я поспорила бы со словом «очень», но продолжайте.

— Как и с любой заразной болезнью, первый шаг — изолировать жертв. Предотвратить распространение болезни. Предприняв решительные действия, я верю, что мы могли бы избавиться от их недугов навсегда, всего через несколько лет.

В животе поселилось смутное топкое ощущение.

— Значит вы... и пожалуйста, поправьте меня, если я вас неправильно поняла... вы предлагаете собрать всех оборотней по возможности и загнать их, во что? Больницы, поселения... — Осмелюсь ли я это сказать? Конечно. — ... Гетто?

Дюк полностью пропустил удар.

— Думаю, больницы в этом случае будут самым подходящим вариантом. Я уверен, что вооружившись временем и ресурсами, наука найдёт способ уничтожить метку зверя, что лежит на этих загубленных душах.

Если бы всё не было настолько грустно, я бы рассмеялась. Проблема в том, что я общалась с подобными людьми довольно часто, чтобы знать — таких никогда не переубедишь.

— Ясно. Думаю, я и моя загубленная душа нуждается в питье. Это должно означать, что у нас почти закончилось время. Ещё раз, сенатор Дюк, огромное спасибо за то, что пришли на шоу.

— Спасибо, что пригласили. И я хочу, чтобы вы знали, что я молюсь за вас. Вы можете быть спасены.

— Спасибо. Я ценю это. — Ещё одна беда с такими людьми в том, что они совершенно неспособны распознать сарказм. — Да, думаю, теперь у меня осталось много пищи для размышления. И так как все слушатели прекрасно знают, как я рассматриваю проблему, и что я никогда не стесняюсь выражать своё мнение: думаю, мы должны обратиться к урокам истории, когда мы касаемся вопросов, как правительство должно решать подобные проблемы. Я из тех, кто не хочет, чтобы люди в чёрных повязках пришли по мою душу посреди ночи.

Это моё шоу. Последнее слово я всегда оставляю за собой.

— Спасибо, что слушали. С вами была Китти Норвиль, Глас Ночи.

Сигнал на волчий вой. Ещё один в записи.

Я откинулась на спинку стула и вздохнула.

Сенатор Дюк уставился на меня.

— До этого не дойдёт.

Я пожала плечами.

— Тоже самое говорили в Берлине в тридцатых.

— Я думал, такие как вы хотят помочи.

— Проблема в том, что у слова «помощь» слишком много значений. Все думают, что именно у него правильный ответ. И я серьёзно, хотя... я ценю, что вы пришли на шоу, сенатор. — Я встала и протянула руку для рукопожатия. Дюк нахмурил брови. — Я не могу причинить вам вред одним рукопожатием. Честно.

Решительно кивнув телохранителям, он повернулся ко мне плечом и ушёл.

Я выдохнула. Это было грубо. Но никогда не позволю сказать, что моё шоу односторонне.

Я прошла в аппаратную, где инженер вручил мне телефон.

— Привет, Мэтт.

— Привет, Китти. Звук хороший.

Мэтт всё ещё работал над шоу удалённо, натаскивая местных парней как всем управлять: проверять, что номер телефона передан и все такое.

— Круто. Спасибо. Ты лучший.

— Поверю только, когда Оззи даст повышение. Эй, говоря о дьяволе. Поговорим позже, Китти.

В трубке раздались помехи, пока телефон передавался Оззи.

— Отличное шоу, Китти. Просто отличное. Уверяю, с этого мужлана семь потов сошло.

— Ты все мои выпуски называешь отличными, Оззи.

— Они такие и есть. Я твой самый большой поклонник. Ты на следующей неделе ещё в Альбукерке или уезжаешь?

— Уеду, наверное. Я не решила. Сообщу позже.

— Мне жаль, что ты не можешь рассказать, почему ты в бегах.

— Ты не захочешь знать. Поверь мне.

— Просто помни, что если тебе что-нибудь понадобится, что угодно, просто позвони мне.

— Спасибо, Оззи. Дай Мэтту повышение.

Он заворчал, и я рассмеялась.

Кто сказал, что в стае должны быть только оборотни?

Я купила автомобиль, небольшой «хэтчбек» с огромным расходом бензина: я ведь удвоила свою зарплату, когда прекратила платить Карлу. Может, я даже прикуплю себе новую одежду. С автомобилем я могла отправиться куда угодно. Путешествовать на своей скорости. Путешествовать и путешествовать.

Я связалась с родителями, прежде чем покинула Альбукерке; выходила с ними на связь каждую неделю. Они купили мне сотовый телефон, чтобы я могла позвонить им, где бы ни находилась — и они всегда могли найти меня. Они не были довольны моей

ситуацией. Продолжали приглашать оставаться у них на любое время. Я ценила их помощь. Но не могла согласиться.

Я продолжала следить за Илайджей Смитом и церковью Чистой Веры. Их история ещё не закончилась. Моя конечная цель — получить самого Смита как гостя на шоу. Маловероятно, но мечтать не вредно. Время от времени я находила флаер, или кто-нибудь присыпал мне рекламу автоприцепа. Казалось, я всегда отстаю от него на неделю.

Детектив Хардин держала меня на связи через Бена О'Фаррелла. Боже помоги мне, я наняла адвоката за предварительный гонорар. Отправила ему мой э-мейл, и у него была моя контактная информация. Он был спокойным и прямолинейным в ночь смерти Зана. В часы дневного света, вне напряжения полицейского участка, он оказался таким же прямолинейным. О'Фаррелл всегда был готов предоставить совет относительно чего-то столь же приземлённого как автострахование.

Но лучше всего то, что Хардин должна была сначала поговорить с ним, прежде чем связаться со мной. Но даже О'Фаррелл не мог удерживать её вечно. Я поговорила с Хардин по телефону во время недели, когда я жила в Альбукерке.

— Мы нашли вашу ДНК на теле первого оборотня, во рту и под ногтями. Это делает вас жертвой насилия. Ещё мы нашли вашу ДНК в слюне на ранах второго тела, и это уже проблема. Но мы готовы перевести дело на самооборону, так как убитого также была ваша кровь под ногтями.

В её устах всё звучало так технично. А ведь мы говорили о моей крови.

Если бы не моя кровь, я посмеялась бы, что всё происходящее напоминало некую версию мексиканской дуэли²². Я восхищалась Хардин за попытку разобраться, кто на кого напал первым.

— Мы нашли четвёртый образец ДНК оборотня в слюне, на ранах трупа возле вашей квартиры. Это единственная невыясненная деталь. Мне нужно лишь имя.

Подразумевалось, что меня могут обвинить в преступлении посреди всего этого беспорядка. О'Фаррелл хотел, чтобы я призналась.

Мне больше некого защищать.

— Ти Джей. Теодор Джозеф Герни. У него дом позади гаража на девяносто пятой, южной. Он там не проживает.

Настоящее время. Если бы я сказала Хардин, что он мёртв, то она просто начнёт ещё одно расследование. В этом случае я, возможно, указала бы ей на Карла. Но я так не

²² Суть мексиканской дуэли или противостояния: три (или более) близко стоящих человека целятся друг в голову, при этом ни один из них не целится в того, кто целится в него

сделала. Все должно когда-то закончиться.

— И где он тогда?

— Я не знаю.

Это, по крайней мере, правда. Я не знала, где он теперь.

— Он не сказал мне.

— Я могу верить вам?

— Да.

— Почему вы покинули город?

— Пришлось. Мне небезопасно там оставаться после того что я сделала.

— Вы боялись закончить как то тело возле вашей квартиры.

— Да.

Она вздохнула.

— Возможно, вам интересно узнать, что начальство фактически слушает меня.

— То есть, вы говорите «оборотень» и они вам верят?

— Да. Альтернатива — теория специалиста по ритуальным убийствам о культе каннибалов. Только так он смог объяснить, почему нашли разодранные тела с отсутствующими частями тела. Но идея о культе изжила себя, когда выяснилось, что участники начали есть друг друга. По сравнению с этим оборотни кажутся совершенно рациональными.

Не считая крупицы правды в каннибалской теории.

— Если ещё что-нибудь надумаю, позвоню вам.

— Да. Конечно.

Мы вежливо попрощались.

Хардин — хороший человек. Я была благодарна за её непредубеждённость и профессионализм. Только хочу не быть центром её усилий.

У меня даже не осталось фотографии Ти Джекса.

Я подъезжала к Остину, когда Эн-Пи-Ар начало репортаж, и тут же усилила громкость, когда услышала ключевую фразу.

— ...параестественная биология обнародовала свои выводы Конгрессу в ответ на вопросы насчёт относительно необычных запросов на ассигнования. Доктор Пол Флемминг, помощник директора Национальных институтов здоровья, надзирающих над

Центром исследования парапсихологической биологии, выступил с заявлением на сегодняшней пресс-конференции.

Тут заговорил доктор Флемминг:

— Я уполномочен объявить о формировании Центра исследования парапсихологической биологии в Национальных институтах здоровья. Вместе с британской Альтернативной биологической лабораторией мы готовы опубликовать результаты, признающие существование дополнительных разновидностей *Хомо сапиенс*, рас, которые когда-то считали просто легендой...

В ушах запульсировала кровь. Это правительство, докладчик из правительства. Они взорвали мой мир.

Более того, я узнала голос. Аноним. Мой секретный правительственный призрак. Я сдерживала смех, пока докладчик продолжал объяснять отчёт с точки зрения таксономии и науки.

— Эти состояния — результат мутации, вызванной пока ещё невыявленными возбудителями инфекции. Были открыты следующие разновидности... *Хомо сапиенс* сангвинис... обычно известный как вампир. *Хомо сапиенс* лупус... известный как оборотень. *Хомо сапиенс* пиннипедия ...

Теперь я знала его имя. Как только припаркуюсь на обед, найду его номер телефона и позвоню.

На бензоколонке где-то в западном Техасе, я вошла в магазин, запастись дорожной закуской. На пути к кассе я прошла мимо стойке газет и стала как громом поражённая. Прищурилась, улыбнулась... и купила газету, последний выпуск ««Ворлд Вайд»».

Помещу в рамочку и повешу на стенку при первой возможности. Заголовок гласил: «Мальчик – летучая мышь приглашён на Полуночный час».